

«ВОЙНА НАС ГНУЛА И КОСИЛА»: СУДЬБЫ ЛЮДЕЙ НА ВОЙНЕ И В ТЫЛУ

Материалы
V Всероссийской научно-практической конференции
(Пермь, 30-31 октября 2020 г.)

Министерство культуры Пермского края
Уполномоченный по правам человека в Пермском крае
Государственное бюджетное учреждение культуры
Пермского края
«Мемориальный музей-заповедник истории
политических репрессий “Пермь-36”»

«ВОЙНА НАС ГНУЛА И КОСИЛА»: СУДЬБЫ ЛЮДЕЙ НА ВОЙНЕ И В ТЫЛУ

*Материалы
V Всероссийской научно-практической
конференции*

(Пермь, 30–31 октября 2020 г.)

*Под редакцией
Ю.З. Кантор, С.А. Шевырина*

Пермь 2021

УДК 94.470

ББК 60.52

В61

*Ответственный редактор Ю.З. Кантор,
редактор-составитель С.А. Шевырина*

В61 «Война нас гнула и косила» : судьбы людей на войне и в тылу : материалы V Всерос. науч.-практ. конф. / под ред. Ю.З. Кантор, С.А. Шевырина. – Пермь, 2021. – 186 с.

ISBN 978-5-398-02563-7

Представлены статьи историков, музейных работников и архивистов из Санкт-Петербурга, Норильска, Перми, Чердыни, Кунгура, Краснокамска, посвященные одной из самых важных тем в отечественной историографии – судьбе человека в годы Великой Отечественной войны. Массовое рассекречивание документов периода Великой Отечественной войны существенно расширило источниковую базу исследований и открыло целые категории населения, которые были заняты на оборонном производстве или принимали участие в боевых действиях, но по разным причинам были подвергнуты политическим репрессиям и забыты для официальной историографии. Это спецпереселенцы и трудармейцы, штрафники и военнопленные, заключенные ГУЛАГа. С начала 1990-х гг. эта тема, еще недавно закрытая, не только исследуется, но и музеефицируется – создаются выставки и целые музеи, этой теме посвящаются художественные фильмы и книги. Тем не менее тема эта до настоящего момента «сложная и трудная» и до конца не исследованная, вызывающая споры. Публикации данного сборника, раскрывая «сложные» темы нашей истории через судьбы простых людей, помогут более глубоко понять историю Великой Отечественной войны.

*Издано при поддержке Уполномоченного по правам
человека в Пермском крае*

УДК 94.470
ББК 60.52

ISBN 978-5-398-02563-7

© ГБУК ПК «Мемориальный
музей-заповедник истории
политических репрессий
“Пермь-36”», 2021

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ.....	5
<i>Миков П.В.</i> Приветственное слово участникам конференции	7
<i>Кантор Ю.З.</i> «Клеветет на советскую действительность и нашу печать»: арест и приговор Е.Н. Гейденрейх как пролог к созданию Пермского хореографического училища	9
<i>Дементьев Б.П.</i> Штрафники на фронтах Великой Отечественной войны: мифы и реальность	18
<i>Софьин Д.М., Софьина М.В., Дегтярников В.В., Дегтярникова А.В.</i> Тема Великой Отечественной войны в цикле радиопередач «История Прикамья. Возвращенные имена».....	23
<i>Отмахова А.В.</i> «Прокляты и забыты»	29
<i>Подледнов Д.Д., Казанцева Е.Д.</i> «Претерпев полный разгром своей жизни...»: темы и образы в искусстве заключенных в годы Великой Отечественной войны	45
<i>Дегтярников В.В., Шевырин С.А.</i> Социально опасные дети.....	62
<i>Бояркина Н.С.</i> Особенности производства и применения норильских оксидов в годы Великой Отечественной войны	72
<i>Куртенок Е.П.</i> Спецконтингент Керчевского сплавного рейда в борьбе за Победу в Великой Отечественной войне	85

<i>Опич Т.Ю., Рязанов И.В.</i> Повседневная жизнь спецпереселенца в годы Великой Отечественной войны.....	95
<i>Суслов М.Г.</i> «Квартирный вопрос» в системе ГУЛАГа в годы Великой Отечественной войны.....	105
<i>Елтышева Л.Ю.</i> Музеефикация темы «Трудовые армии – люди без имени» в Кунгурском музее-заповеднике	112
<i>Винник А.А., Воронцов Ю.А., Субботин М.А., Субботина Н.А.</i> Мемориализация памяти «сложных» страниц Великой Отечественной войны в творчестве Никиты Сергеевича Михалкова, режиссера и продюсера.....	126
<i>Баговеев Ш.Р.</i> Репрезентация сложных страниц Великой Отечественной войны в музейном пространстве мультимедийными средствами (на примере музея «Россия – моя история»).....	136
<i>Шевырин С.А.</i> Музеефикация истории лагерных конструкторских бюро в Перми.....	146
<i>Зиновьев А.А.</i> Андрей Федотович Селиванов – история тракториста, добровольца и председателя колхоза	157
<i>Пирожков С.Ю.</i> Судьба пермского градоначальника Александра Ширяева.....	164
<i>Подледнов Д.Д., Казанцева Е.Д., Аликин П.С.</i> Сталинская премия как инструмент художественной политики в годы Великой Отечественной войны.....	174

ПРЕДИСЛОВИЕ

Всероссийская конференция «“Война нас гнула и косила”: судьбы людей на войне и в тылу» – пятый научно-практический форум музея-заповедника «Пермь-36», являющегося одним из признанных исследовательских центров изучения советского прошлого. С этой целью музей организовал и провёл следующие научные конференции: «ГУЛАГ: эхо войны и эхо Победы», «ГУЛАГ: начало», «От “Авроры” до “философских” пароходов. Борьба с инакомыслием в первые годы Советской власти. Региональный аспект», «Творческая интеллигенция в Прикамье в 1920–1950-е гг. Личность и власть». Отличительной чертой всех этих встреч, собирающих исследователей, музейных специалистов, вузовских преподавателей, является то, что они ориентированы на обсуждение «сложных вопросов» истории, анализ ранее неизвестных документов и параисторических обстоятельств. Проблематика, представленная в докладах нынешней конференции, связана преимущественно с судьбой тех, кто был репрессирован, но, несмотря на это, внес свой вклад в Победу – и практический, и гуманитарный.

Обилие работ, посвященных Великой Отечественной войне, привело к господству иллюзии завершенности в нашей историографии данной темы. Между тем «архивная революция» 90-х гг. XX в. и массовое рассекречивание документов периода Великой Отечественной войны существенно расширили источниковую базу, увеличили круг исследователей и общественное звучание данных тем. При этом в последние десятилетия выявилась поляризация оценок: с одной стороны, это глорификация прошлого, с другой стороны – его дегероизация. Подобный «разрыв» научно-информационного поля не только резко снижает формирование общей апперцепционной базы между историками, но и способствует мифологизации и идеологизации исторического сознания. Именно потому необходимо профессиональное обсуждение подобных тем, детальный их анализ.

В рамках конференции рассматриваются процессы, происходившие в экономической, социальной и политической жизни

военного периода, а также культурная и мировоззренческая парадигма. Важное место в проблемном поле заняли сюжеты о судьбах репрессированных представителей творческой интеллигенции, в музеефикации и медиатизации «сложных вопросов» истории: депортаций, внеэкономического принуждения, репрессивных практик. ГУЛАГ в 30–40-е гг. был огромной хозяйственно-производственной организацией, включавшей 17 отраслей народного хозяйства (лес, уголь, нефть, цветные металлы, ширпотреб и др.). С началом войны вся производственная деятельность лагерей и колоний была переведена на выполнение заказов для нужд фронта. заключенные изготовили миллионы заготовок для мин, снарядов, гранат, заготовили миллионы фест-метров древесины, прикладов для автоматов и многое другое. На нужды фронта были ориентированы и специфические научные учреждения – лагерные конструкторские и технические бюро, состоящие из заключенных инженеров, химиков, строителей и т. д., которые создавали новые образцы вооружений, пороха и др. В годы войны в тылу появились новые несвободные категории населения – депортированные народы, трудовые армии (батальоны и колонны). Цель конференции и сборника, который вы держите в руках, – раскрыть эти малоизвестные, драматические страницы Великой Отечественной войны.

*Ю.З. Кантор,
научный руководитель конференции.*

**УВАЖАЕМЫЕ ОРГАНИЗАТОРЫ И УЧАСТНИКИ
V ВСЕРОССИЙСКОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ
КОНФЕРЕНЦИИ “ВОЙНА НАС ГНУЛА И КОСИЛА”:
СУДЬБЫ ЛЮДЕЙ НА ВОЙНЕ И В ТЫЛУ»!**

*П.В. Миков,
Уполномоченный по правам человека
в Пермском крае*

Сердечно приветствую вас на научно-практической конференции, посвященной судьбам советских людей в военное время 1941–1945 гг.

Великая Отечественная война является одной из самых трагичных страниц советской истории. Она затронула каждый дом, каждую семью. Стойкость и мужество наших отцов, дедов, прадедов изумляет спустя многие годы и не оставляет никого равнодушным. Как на фронте, так и в тылу ежедневно в те страшные годы велась тяжелая работа во имя освобождения нашей Родины. И мы вспоминаем наших родных, несших столь тяжелую ношу, вернувшихся с войны, оставшихся в живых в тылу или погибших, защищая Отечество, с великой скорбью и почтением. Память о войне, ее последствиях и тех, кто трагически перенес эти события, всегда должна оставаться одной из самых важных и почитаемых тем в изучении истории.

Массовый героизм советского народа удивителен и по сей день. Семь миллионов человек награждено боевыми орденами и медалями. Свыше 16 миллионов – медалью «За доблестный труд в

Великой Отечественной войне». Более 11 тысяч советских солдат были удостоены звания Героя Советского Союза. Поэтому мы должны беречь и обогащать знания о подвигах наших предков, уважать и чтить их.

К сожалению, советская репрессивная машина, нацеленная на уничтожение собственного народа, даже в военное время продолжала перемалывать жизни и судьбы людей. В советских лагерях ГУЛАГа оказывались солдаты и офицеры, бывшие в фашистском плену, продолжались аресты и суды по подозрению в шпионаже, антисоветской агитации и других надуманных преступлениях. Цензура писем советских граждан стала еще более жесткой, особенно писем с фронта. СМЕРШ разоблачал не только тех, кто реально осуществлял шпионаж, но и продолжал практику НКВД по обвинению граждан в преступлениях по статье 58 УК РСФСР. Так в лагерях оказался Александр Солженицын и тысячи других советских граждан.

Желаю плодотворной и конструктивной дискуссии всем участникам конференции. Она позволит вспомнить о людях, которые играли столь важную роль в приближении дня Великой Победы, и почтить их память, и принесет новые знания о тяжелом военном времени.

**«КЛЕВЕЩЕТ НА СОВЕТСКУЮ ДЕЙТЕВИТЕЛЬНОСТЬ
И НАШУ ПЕЧАТЬ»: АРХИВНОЕ УГОЛОВНОЕ ДЕЛО
Е.Н. ГЕЙДЕНРЕЙХ КАК ПРОЛОГ К СОЗДАНИЮ
ПЕРМСКОГО ХОРЕОГРАФИЧЕСКОГО УЧИЛИЩА**

Ю.З. Кантор,
*д-р ист. наук, главный научный сотрудник
Санкт-Петербургского института
истории РАН, профессор Российского
государственного педагогического
университета им. А.И. Герцена,
Санкт-Петербург
juliakantor@yandex.ru*

Аннотация. «Реконструируются» история ареста в блокадном Ленинграде, фабрикация следствия и вынесение приговора балерине и педагогу Е.Н. Гейденрейх, ставшей первым художественным руководителем Молотовского (Пермского) хореографического училища.

Ключевые слова: арест, приговор, блокада Ленинграда, Молотовская область, хореографическое училище.

**«SLANDERS THE SOVIET REALITY AND OUR PRESS»:
THE ARCHIVAL CRIMINAL CASE OF E.N. HEYDENREICH
AS A PROLOGUE TO THE CREATION OF THE PERM
CHOREOGRAPHIC COLLEGE**

Julia Kantor,
*doctor of historical Sciences, chief researcher of Saint-Petersburg
Institute of History RAS, professor of Herzen State
pedagogical University, Saint-Petersburg
juliakantor@yandex.ru*

Abstract. The report "reconstructs" the history of the arrest in besieged Leningrad, the fabrication of the investigation and sentencing of the ballerina and teacher E.N. Heydenreich, who became the first artistic Director of the Molotov (Perm) choreographic school.

Keywords: arrest, sentence, siege of Leningrad, Molotov region, choreographic school.

Выпускница столичного Императорского театрального училища, балерина Императорского Мариинского театра (в советское время – Ленинградского театра оперы и балета им. С.М. Кирова), талантливый педагог, Е.Н. Гейденрейх волею судьбы связала свою жизнь с Пермью. Ей суждено было стать основательницей и первым художественным руководителем Пермского (Молотовского) хореографического училища. Именно благодаря силе ее художественного мастерства, педагогическому дару и верности призванию в Перми родилась ставшая знаменитой в нашей стране и за ее пределами школа, впитавшая лучшие традиции отечественного балета.

Даже тем, кто не интересуется историей балета, знаком облик Екатерины Никодимовны: ее портреты находятся в крупнейших художественных музеях нашей страны. Знаменитый портрет кисти Зинаиды Серебряковой «Балерина в красном» – в Русском музее. Портрет написан в 1923 г. – Гейденрейх, артистке балета Кировского театра, 26 лет. Грациозная красавица с огромными черными глазами, чуть улыбаясь, смотрит вдаль... «Даль» оказалась отнюдь не безоблачной.

Рис. 1. Членский билет Е.Н. Гейденрейх в профессиональном союзе работников искусства. Архив УФСБ по СПб и ЛО

Она получила аттестат об окончании Императорского театрального училища в 1915 г. и была зачислена в труппу Мариинского театра. Начинала в кордебалете, постепенно «продвигаясь» к сольным партиям. В архиве Мариинского театра сохранились афиши и программы спектаклей с ее участием. На них помимо Гейденрейх – легендарные имена балерин Матильды Кшесинской, Тамары Карсавиной, Елены Люком, Эльзы Вилль, Елизаветы Гердт... В 1926 г. она получила высший, 17-й разряд, став солисткой балета, одновременно находила время для преподавания в родном хореографическом училище, все больше увлекаясь этой деятельностью. С 1920 г. исполняла сольные партии в классических балетах: фея Сирени, фея Золота («Спящая красавица» П.И. Чайковского), Гамзатти и Уличная танцовщица (балеты Людвиг Минкуса «Баядерка» и «Дон Кихот»), Повелительница nereид, Царица вод, Царь-девица (балет «Конёк-горбунок») и Рамзея (балет «Дочь фараона» Цезаря Пуни) и др. (рис. 1) [1]. Со сцены ушла в 1936 г., и тогда выяснилось, что ее педагогическое дарование еще более масштабно и самобытно, нежели хореографическое. Она стала педагогом – репетитором в Малом театре оперы и балета, затем художественным руководителем балета в этом театре, где и застала ее Великая Отечественная война. Училище вскоре уехало в эвакуацию в Молотовскую (Пермскую) область, но часть педагогов и персонала осталась в блокадном Ленинграде. Страшную блокадную зиму 1941–1942 гг. Екатерина Никодимовна провела с коллегами, в общежитии училища на ул. Зодчего Росси. В конце марта 1942 г. была арестована и осуждена по печально известной статье 58-10 УК на 10 лет лагерей. Ее этапировали в Усольлаг, на север Молотовской области. Арест и приговор стали прологом к драматическому «фуэте» судьбы, приведшей ее в Молотовскую область – регион, где уже находилось ее родное училище, и откуда ей было суждено подняться к новым профессиональным высотам. Восстановить картину происходившего с балериной весной 1942 г. возможно, изучив архивное уголовное дело, хранящееся в архиве УФСБ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области (рис. 2).

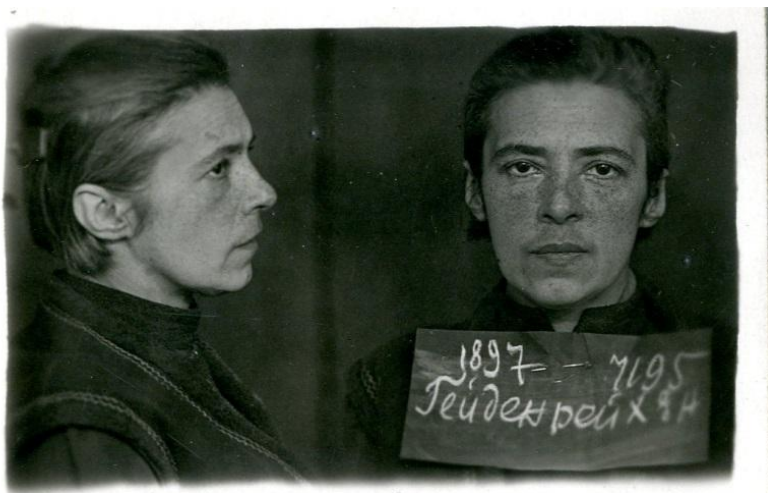

Рис. 2. Фото из дела Гейденрейх Екатерины Никодимовны (Николаевны).
Архив УФСБ по СПб и ЛО

«Постановление на арест
г. Ленинград, 1942 г., марта 31 дня.

Оперуполномоченный VI отделения СПО УНКВД ЛО сержант госбезопасности С., рассмотрев материалы на Гейденрейх Екатерину Николаевну, 1897 г. рождения, уроженку г. Киева, русскую, б/п, гражданку СССР/.../

Нашел:

Что Гейденрейх Е.Н. будучи враждебно настроена к ВКП(б) и Сов.власти, проводит среди своего окружения провокационно – пораженческую пропаганду. С антисоветских позиций критикует мероприятия партии и правительства, клеветает на советскую действительность и нашу печать /.../. Антисоветская деятельность Гейденрейх Е.Н. подтверждена свидетельскими показаниями/.../. Гейденрейх Е.Н. достаточно изобличается в преступлении, предусмотренной ст. 58–10 ч.2 УК РСФСР» [2, л. 4].

Стоит обратить внимание на изобретательность следователя, мотивирующего необходимость содержания Гейденрейх под стражей в период следствия: «Принимая во внимание, что, находясь на свободе, Гейденрейх Е.Н. может скрыться от следствия и суда и продолжить контрреволюционную деятельность, руково-

дствуясь ст. 145 и 158 УК РСФСР, Постановил: Мерой пресечения способов уклонения от следствия и суда избрать содержание под стражей» [2, л. 4]. Как и куда можно было «скрыться от следствия» в блокированном Ленинграде, – вопрос риторический. Разумеется, был наложен и арест на имущество (опись его есть в деле, среди вещей упоминаются и реликвии дореволюционного происхождения, исчезнувшее после этого бесследно) [2, л. 6].

Свидетельские показания коллег балерины представляют собой весьма колоритные штрихи к портрету взаимоотношений представителей советской интеллигенции и «органов». Вот выдержки из них, в равной мере характеризующие и «качество» расследования, и готовность свидетелей «подыграть» его ходу с заведомо известным результатом, и – желание просто, пользуясь случаем, свести счеты с человеком, оказавшимся в тисках машины «сталинского правосудия». Но находятся все же и те, кто готов не лгать, «не топить» коллегу.

Верб. Я.В.¹, библиотекарь хореографического училища: «По целому ряду высказываний со стороны Гейденрейх по вопросу текущих развитий в стране, мне известно, что она выражает свое недовольство и неверие к мероприятиям, проводимым ВКП(б) и Советским правительством. В первых числах февраля при обсуждении интервью т. Попкова (*П.С. Попков – первый секретарь Ленинградского горкома и Обкома ВКП(б) – Ю.К.*), опубликованном в «Ленинградской правде», Гейденрейх заявила, что «я не верю в само содержание интервью Попкова об улучшении продовольственного снабжения населения Ленинграда. Попков выступил для того, чтобы подбодрить население, а не для действительного улучшения снабжения» [2, л. 6, 26(об)].

Ст. 3. С., артистка хореографического училища: «Гейденрейх высказала мысль, что “крестьяне до революции жили лучше, чем при Советской власти”» [2, л. 26(об)].

Черн. А.П., медсестра, школа МПВО: «Гейденрейх держала себя вызывающе, как диктатор. У меня сложилось впечатление о ней, как об антисоветском человеке, но конкретных ее антисоветских высказываний я не помню (*Выделено мною – Ю.К.*).

¹ Все фамилии и имена, фигурирующие в деле, приводятся в сокращении, в соответствии с законом о личных данных.

В большинстве случаев все сводилось к вопросу продовольственного питания» [2, л. 55(об)].

Ор. А.А., Театр музыкальной комедии, артист: «Знаком с Гейденрейх Е.Н. в течение 30 лет по совместной работе. Гейденрейх в моем присутствии антисоветских взглядов не высказывала. Охарактеризовать Гейденрейх могу как мешанку, обывателя, не имеющую какой-либо системы политических взглядов» [2, л. 51].

Раз. А.Г., студентка хореографического училища: «Никаких антисоветских взглядов в моем присутствии Гейденрейх не высказывала» [2, л. 53(об)].

О том, как в ленинградском УНКВД узнали о «контрреволюционных высказываниях» балерины, сказанных в промерзшем общежитии училища, читая эти свидетельские показания и погружаясь в их атмосферу, можно догадаться. К чести Гейденрейх, заметим: обвинения она не признала, пыталась противостоять напору следователя. Но – безрезультатно.

«Протокол допроса Гейденрейх Е.Н. от 03.04.1942.

Вопрос: Вы арестованы за контрреволюционную деятельность. Расскажите следствию по существу этого вопроса?

Ответ: Я не занималась контрреволюционной деятельностью. Больше того, не помышляла об этом.

Из близких знакомых и друзей в Ленинграде никого не осталось, все эвакуированы. К ним относятся: Ваганова Агриппина Яковлевна, народная артистка, Исаева Галина Ивановна – артистка Малого оперного театра. /.../

В последнее время я ни с кем не общаюсь, даже по работе у меня не было близких знакомых. /.../

Я говорила о том, что Попков в интервью не говорит о том, что все уже состоит хорошо, а о том, что нам предстоит пережить еще большие трудности в продовольственном смысле». /.../

В остальном предъявленные мне обвинения не признаю» [2, л. 32, 42, 49].

Но это не имело никакого значения. И 25 апреля 1942 г. Военный трибунал войск НКВД Ленинградского округа в закрытом судебном заседании рассмотрел дело Е.Н. Гейденрейх и вынес приговор, обжалованию не подлежащий:

«Гейденрейх Е.Н. подвергнуть уголовному наказанию – лишению свободы сроком на 10 лет с отбыванием в ИТЛ, с конфискацией имущества и ограничением в правах на 5 лет» [2, л. 82].

Легенда гласит, что из Усольяга ее, ставшую инвалидом из-за непосильного лагерного труда, вызволила подруга и наставница – руководитель эвакуированного Ленинградского хореографического училища А.Я. Ваганова. 5 декабря 1942 г. была освобождена из лагеря по инвалидности, оставалась в Соликамске, но благодаря вмешательству влиятельных коллег смогла перебраться в Молотов [3, с. 106]. Участие коллег и возможность вернуться к любимой деятельности буквально воскресили Е.Н. Гейденрейх. 7 февраля 1943 г. начались занятия в Пермском отделении Ленинградского училища, которое находилось в отдаленном районе города, на противоположном берегу реки Камы. И с лета Е.Н. Гейденрейх приступила к работе. Летом 1944 г. после снятия блокады Ленинградский Кировский театр и Ленинградское хореографическое училище вернулись домой, а в Молотове остались дети, которые теперь лишились возможности продолжать занятия хореографией. Встал вопрос об открытии в городе своей студии, которая готовила бы балетные кадры для Уральского региона и прежде всего для местного театра оперы и балета. 23 июня 1944 г. был подписан приказ «О создании хореографической студии при Молотовском театре оперы и балета» [4]. Уникальный творческо-педагогический эксперимент – создание в военное время балетной студии был замечен и оценен по достоинству: 2 апреля 1945 г. распоряжением № 5406 от 2 апреля 1945 г. Совнаркома СССР «Молотовская хореографическая студия театра оперы и балета реорганизована с 1 сентября 1945 г. в Молотовское хореографическое училище» [5].

Гейденрейх вынуждена была остаться в Молотове – судимость снята не была, и куда-либо перемещаться она права не имела. Став первым художественным руководителем Молотовского хореографического училища, она пыталась добиться отмены приговора.

«Заявление Генеральному прокурору Союза СССР

Приговором военного трибунала войск НКВД Лен. округа от 25.04.42 я была осуждена к 10 годам лишения свободы по ст. 58-10 ч.2 Уголовного кодекса и отбываю наказание в Соликам-

ске. Определением судебной комиссии Молотовского областного суда от 05.12.42 в соответствии с Постановлением Верховного Совета СССР от 02.08.42 № 14 была в 1942 г. освобождена как инвалид, болеющий пеллагрой. Однако судимость с меня снята не была. Прошу пересмотреть моего дела на предмет возможности отмены приговора и прекращения дела. Сейчас, проживая в Молотове, где с 1943 г. работаю старшим педагогом в Хореографическом училище. За время 30-летней работы награждалась почетными грамотами, отмечалась приказами ректора школы. Я приложила много труда, выпуская детей на сцены наших театров. Прошу снять с меня судимость. 16 мая 1945» [2, л. 86–87].

Отмены приговора и реабилитации Екатерине Никодимовне, увы, пришлось ждать еще почти 10 лет. Лишь после XX съезда партии, в декабре 1956 г. приговор военного трибунала войск НКВД ЛО в отношении нее был отменен и «дело прекращено за отсутствием в ее действиях состава преступления» [2, л. 89].

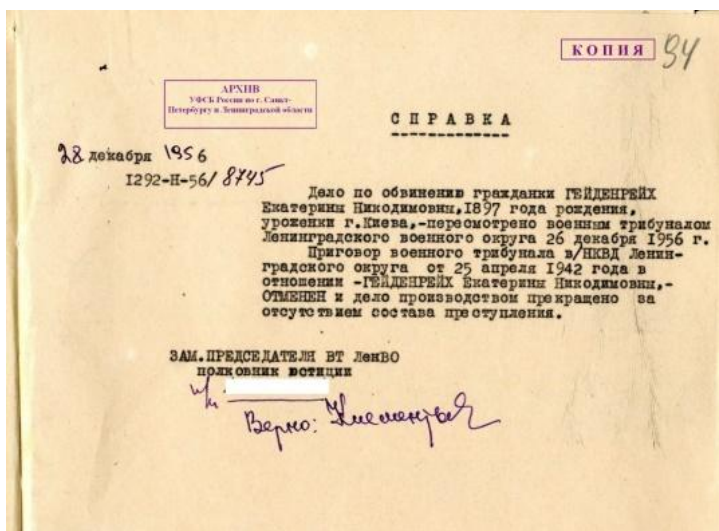

Рис. 3. Справка о прекращении делопроизводства по обвинению Екатерины Никодимовны Гейденрейх

После долгожданной реабилитации в 1956 г. Е.Н. Гейденрейх возвращается в Ленинград (рис. 3). Теперь она, как и до вой-

ны, – педагог-репетитор Малого театра оперы и балета. Но часто, по несколько раз в год, ездит она в Пермь – общаться, давать мастер-классы, принимать экзамены. Связь времен не прерывается: Пермь трепетно хранит память о Е.Н. Гейденрейх. На здании Пермского хореографического училища к ее 100-летию в 1997 г. открыта мемориальная доска, написаны книги о ее непростом жизненном пути. И экспозиция «Пермский балет. Эпоха Екатерины», открывшаяся к 75-летию в стенах Пермского хореографического училища, – также дань ее памяти.

Список литературы и источников

1. Забытые имена Пермской губернии [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.fnperm.ru/%D0%B3%D0%B5%D0%B9%D0%B4%D0%B5%D0%BD%D1%80%D0%B5%D0%B9%D1%85-%D0%B5%D0%BA%D0%B0%D1%82%D0%B5%D1%80%D0%B8%D0%BD%D0%B0-%D0%BD%D0%B8%D0%BA%D0%BE%D0%BB-%D0%B0%D0%B5%D0%B2%D0%BD%D0%B0-.aspx> (дата обращения: 31.10.2020).
2. Архивное уголовное дело П-24664 на Гейденрейх Е.Н. // Архив УФСБ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области.
3. Пермский край в Великой Отечественной войне: энциклопедия. – Пермь: Пушка, 2020.
4. Пермское государственное хореографическое училище: официальный сайт [Электронный ресурс]. – URL: <https://balletperm.ru/O-nas/Istoriya-i-sovremennost> (дата обращения: 09.10.2020).
5. Пермский край: энциклопедия [Электронный ресурс]. – URL: <http://enc.permculture.ru/showObject.do?object=1804383166> (дата обращения: 09.10.2020).

ШТРАФНИКИ НА ФРОНТАХ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ: МИФЫ И РЕАЛЬНОСТЬ

Б.П. Дементьев,
*доктор исторических наук,
профессор Пермского государственного на-
ционального исследовательского
университета, Пермь
b-demen@yandex.ru*

Аннотация. Анализируется история и практика штрафных подразделений в мировой истории и истории Второй мировой и Великой Отечественной войны. Рассматриваются следующие вопросы: первые документально подтвержденные факты о созданиях штрафных подразделений в мировой истории; приказ № 227 от 28 июля 1942 г.; создание штрафных рот и штрафных батальонов, комплектование, состав, вооружение, участие в боевых действиях, мифы и реальность о штрафных подразделениях.

Ключевые слова: история, война, штрафные роты и батальоны, мифы и реальность.

Boris Dementiev,
*doctor of historical Sciences,
professor of Perm state national
research university, Perm
b-demen@yandex.ru*

PENALTY ON FRONTS OF THE GREAT PATRIOTIC WAR: MYTHS AND REALITY

Abstract. In article is analyzed history and practice of the penalty subdivisions in world history and histories Second world and Great Patriotic war. They are Considered following questions: the first documentary confirmed facts about making the penalty subdivisions in world history; the order 227 from July 28 1942; creation penalty mouth and penal battalions, комплекто-

вание, composition, arms, participation in combat action, myths and reality about penalty subdivisions.

Keywords: history, war, penalty companies and battalions, myths and reality.

В фильмах, в художественной литературе, даже в значительной части научных статей и монографий создание штрафных подразделений связывается с приказом Наркомата обороны СССР № 227 от 28 июля 1942 г.

На самом деле первые (документально подтвержденные) штрафные подразделения появляются уже 1804 г. в британской армии в Сенегале. Затем – в 1811 г. в армии Наполеона. Кстати, они использовались Наполеоном в войне с Россией в 1812 г. И уже через два месяца от этих формирований мало что осталось. Далее практика штрафных подразделений продолжается во время Первой мировой войны, особенно широко это происходит во французской армии. Появляются в сентябре 1917 г. они и в российской армии, но в связи с нараставшим революционным кризисом в боевых действиях не участвуют [1, с. 43–47].

В 1936 г. штрафные подразделения появляются в германской армии. После начала Второй мировой войны в Германии в 1940 г. они уже применяются не только в сухопутных частях, но и в авиации и на флоте [2, с. 273–274].

В начале Великой Отечественной войны в Красной армии толчок идее возникновения штрафных батальонов дали первые месяцы войны. В условиях тотального отступления Красной армии частым явлением стали случаи дезертирства или проявления трусости, на что командиры нередко реагировали наиболее жестким образом – расстрелом. Чтобы не доводить до расстрела, начинают создаваться первые штрафные подразделения. Так, в августе 1941 г. генерал Василевский выпустил распоряжение, согласно которому в штрафные танковые роты сводился личный состав, уличенный в саботаже и вредительстве, а в штрафные пехотные роты следовало отправлять «безнадежных, злостных шкурников из танкистов» [3, с. 75].

Штрафные батальоны, как и штрафные роты, начали появляться в 1942 г. В общевойсковых армиях должны были создать до 5 штрафных рот, в каждом фронте – до 3 штрафных батальонов [4, с. 72].

За что можно было попасть в штрафники? За самовольное покидание позиции, за превышение служебных полномочий, за хищение, за оскорбление старшего по званию, по собственной инициативе при желании попасть из заключения в действующую армию.

Как комплектовались? Штрафные батальоны – только из офицеров. Штрафные роты – из рядового и сержантского состава. В качестве альтернативной меры наказания допускалось направление в штрафные роты гражданских лиц, осуждённых судом за совершение нетяжких и средней тяжести общеуголовных преступлений. Лица, осуждённые за тяжкие и государственные преступления, отбывали наказания в местах лишения свободы. Лица, осуждённые по политическим статьям, в штрафные подразделения не отправлялись. В то же время имелись отдельные случаи направления в штрафные подразделения «политических» заключённых (в частности, в 1942 г. в 45-ю штрафную роту был направлен осуждённый в 1941 г. на 5 лет лагерей по 58-й статье Владимир Карпов, ставший впоследствии Героем Советского Союза и известным писателем) [5, с. 3].

Личный состав штрафбатов и штрафрот делился на переменный и постоянный. Переменный состав представлял собою непосредственно штрафников, находившихся в подразделении временно до отбытия срока наказания (до трёх месяцев), перевода в обычную часть за проявленное личное мужество, по ранению или до гибели. Постоянным составом являлись командиры подразделений от взвода и выше, назначавшиеся из числа кадровых офицеров, политработники, штабные работники (связисты, писари и др.) и медицинский персонал. Штат штрафного батальона насчитывал 800 человек, штрафной роты – 200 [6, с. 224].

Как вооружались? Мифология (в фильмах и т.п. продукции) говорит об «одной винтовке на троих» или чуть ли не о черенках от лопат. Конечно же, этого быть не могло. Учитывая, что штрафные части бросали на самые тяжелые участки фронта, их нельзя было не снабжать достаточным количеством оружия и боеприпасов.

Более того, штрафников зачастую наделяли самым передовым оружием, например противотанковыми ружьями системы Симонова или 7,62-миллиметровыми пулеметами системы Горюнова, которые еще даже не использовались в гвардейских частях [7, с. 122].

Была ли мотивация у штрафных подразделений? В штрафных батальонах мотивация была запредельной. Желание вернуть офицерские погоны, реабилитировать свое имя и вернуться на за-

нимаемую ранее должность и так были отличной мотивацией. Штурмовые батальоны воевали дерзко и смело.

В фильмах, в художественной литературе нередко показывается, что у штрафных рот (где значительную часть состава представляли уголовники) не было мотивации. Отсиживались и не геройствовали. Это не совсем так. Забывается, что были условия освобождения из штрафных подразделений. Основаниями для освобождения лиц, отбывающих наказание в штрафных войсковых подразделениях, являлись:

1. Отбытие срока наказания (не более трёх месяцев). Осуждённые на 10 лет – 3 месяца, от 5 до 8 лет – 2 месяца, до 5 лет – месяц.

2. Для штрафных эскадрилий – число и итоги боевых вылетов.

3. Получение военнослужащим, отбывающим наказание, средней тяжести или тяжёлого ранения, требовавшего госпитализации.

4. Досрочно решением военного совета армии по ходатайству командира штрафного войскового подразделения в виде поощрения в отношении военнослужащих, проявивших исключительное мужество и храбрость [8, с. 77].

Потери личного состава. Вероятность погибнуть в штрафбатах была на порядок выше, чем в обычных частях РККА. Смертность была в среднем в 3–4 раза выше, чем в линейных частях [9, с. 118].

Сколько было штрафных батальонов и штрафных рот? За всю войну (то есть не одновременно) на всех фронтах в годы Великой Отечественной войны в Вооружённых силах СССР было сформировано 65 отдельных штрафных батальонов (ошб) и 1048 отдельных штрафных рот (ошр).

За все годы Великой Отечественной войны через штрафные части прошло по некоторым данным 427 910 человек. Если учесть, что за всю войну через Вооружённые силы СССР прошло 34 476 700 человек, то доля бойцов и командиров (офицеров) РККА, прошедших через штрафные части за весь период Великой Отечественной войны, составляет примерно 1,24 % [10, с. 81].

Список литературы

1. Донских С.В. Штрафные батальоны Наполеона в войне 1812 года // Война 1812 года. – Витебск: Кн. изд., 2012. – 164 с.

2. Пересвет А. По ту сторону прицела, по эту сторону души // Хенс В., Пересвет А. По другую сторону войны. – М.: Интерэксперт, 2005. – 275 с.
3. Рубцов Ю. Штрафники Великой Отечественной войны. В жизни и на экране. – М.: Вече, 2013. – 432 с.
4. Орлов А. Штрафбат. Приказано уничтожить. – М.: АСТ, 2012. – 152 с.
5. Гавриленко А. «Маршальский жезл» Владимира Карпова // Красная звезда. – 2006. – 6 мая.
6. Телицын В. Мифы о штрафбатах. – М.: Эксмо, 2010. – 255 с.
7. Громов А. Правда о штрафбатах и заградотрядах во Второй мировой. – Белгород: Эксмо, 2010. – 416 с.
8. Пыхалов И. Штрафбаты по обе стороны фронта. – М.: Эксмо, 2007. – 244 с.
9. Сукнев М. Записки командира штрафбата. – М.: Центрполиграф, 2006. – 264 с.
10. Пыльцын А. Правда о штрафбатах. – М.: Эксмо, 2007. – 225 с.

**ТЕМА ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ
В ЦИКЛЕ РАДИОПЕРЕДАЧ «ИСТОРИЯ ПРИКАМЬЯ.
ВОЗВРАЩЕННЫЕ ИМЕНА»**

Д.М. Софин,
кандидат исторических наук, доцент,
Пермского государственного национального
исследовательского университета, Пермь
sofjindm@yandex.ru

М.В. Софина,
кандидат исторических наук,
Пермский государственный институт
культуры, Пермский государственный архив
социально-политической истории, Пермь
mar-sofina@mail.ru

В.В. Дегтярников,
заведующий отделом информационно-
просветительской деятельности Мемори-
ального музея-заповедника
истории политических репрессий
«Пермь-36», Пермь
plevna1579@gmail.com

А.В. Дегтярникова,
Пермский государственный институт
культуры, Пермский краевой колледж
искусств и культуры, Пермь
africa3@yandex.ru

Аннотация. В цикле радиопередач «История Прикамья. Возвращенные имена», выходявших в эфир на пермских радиостанциях, значительное внимание было уделено героям Великой Отечественной войны,

связанным с Прикамьем, а также деятелям, трудившимся в регионе во время войны в тылу.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Молотовская область, Герой Советского Союза, историческая память, радио.

THE THEME OF THE GREAT PATRIOTIC WAR IN THE SERIES OF RADIO PROGRAMS “HISTORY OF THE PERM REGION. THE RETURNED NAMES”

Dmitriy Sofjin,
*candidate of historical sciences, docent, Perm State
National Research University, Perm
sofjindm@yandex.ru*

Marina Sofjina,
*Candidate of historical sciences,
Perm State Institute of Culture,
Perm State Archive of Socio-Political History,
Perm
mar-sofina@mail.ru*

Vyachesla Degtyarnikov,
*The Memorial Reserve Museum
of the History of Political
Repression Perm-36, Perm
plevna1579@gmail.com*

Alla Degtyarnikova,
*Perm State Institute of Culture, Perm Regional
College of Arts and Culture, Perm
africa3@yandex.ru*

Abstract. In the series of radio programs “History of the Perm region. Returned names”, aired on Perm radio stations, much attention was paid to the heroes of the Great Patriotic War associated with the Perm Region, as well as figures who worked in this region during the war in the rear.

Keywords: Great Patriotic War, Molotov Oblast, Hero of the Soviet Union, historical memory, radio.

В 2019–2020 гг. при поддержке Министерства культуры Пермского края на радиостанциях «Комсомольская правда – Пермь» и «Наше радио – Пермь» в рамках проекта «Возрождение

исторической памяти Пермского края» вышел цикл из 84 трехминутных радиопередач, посвященных выдающимся деятелям, связанным с Прикамским регионом. Передачи были подготовлены журналистом В.В. Дегтярниковым при участии Т.А. Захаровой, А.В. Дегтярниковой и других лиц.

Значительная часть программ цикла «История Прикамья. Возвращенные имена» была посвящена героям Великой Отечественной войны. Среди них – танкисты, представители высшего офицерства (генерал В.М. Алексеев) и младшего офицерского состава (лейтенант И.У. Бутырин). Два выпуска были посвящены офицерам-артиллеристам – А.И. Букиреву и Ф.С. Горовому. Примечательно, что оба они были ректорами Пермского университета. Два других выпуска освещали биографии и подвиги военных инженеров – Н.В. Крисанова и Д.Я. Рудника. Целый ряд передач был посвящен военным летчикам – Е.Н. Иванову, Н.Ф. Краснову, А.И. Крохалеву, С.Ф. Куфонину, А.И. Покрышкину, Г.А. Речкалову и М.А. Федосееву, было рассказано и о штурмане ночной бомбардировочной авиации А.В. Гашкове. Также героями выпусков радиопрограмм стали девушка-снайпер Т.Н. Барамзина, командир гвардейского батальона А.П. Бушмакин, командир партизанских соединений генерал М.И. Наумов, командир подводных лодок В.Г. Стариков, командир гвардейской стрелковой дивизии генерал П.М. Чирков, начальник Генерального штаба Маршал Советского Союза Б.М. Шапошников. Всего участникам Великой Отечественной войны было посвящено 20 выпусков, большинство из героев которых имели звание Героя Советского Союза.

Именами многих героев названы улицы, стоят памятники, но далеко не все пермяки помнят о них и их подвигах. Так, на здании главного корпуса Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета находится бюст Т.Н. Барамзиной. Из передачи можно узнать, что «в 1940 г. в Пермь из Глазова переезжает юная девушка Татьяна Барамзина и поступает в педагогический институт. Через год начинается Великая Отечественная война. Студентка просится на фронт, но получает отказ.

Продолжив учёбу в институте, Татьяна устраивается на работу воспитательницей в детский сад для эвакуированных, оканчивает школу медсестёр, сдаёт кровь для раненых.

В конце концов, в 43-м году Барамзина добивается зачисления в Центральную женскую снайперскую школу. ... Татьяна становится блистательным снайпером, отличается удивительным мужеством, самоотверженностью и выдержкой. В боях пермская студентка уничтожает 16 нацистов.

Когда у Татьяны начинает падать зрение, она, переучившись на телефонистку, продолжает воевать. Однажды её подразделение попадает в окружение. Барамзина отстреливается до последнего патрона, лично уничтожает в том бою 20 врагов. В год Победы Татьяна Николаевна удостоивается звания Героя Советского Союза – посмертно.

Именем легендарной девушки-снайпера названы улицы в Перми, Глазове, Ижевске, Минске, подмосковном Подольске, школы в Ижевске и Перми. В Ижевске и Глазове установлены памятники».

Улица Крисанова для многих пермяков не ассоциируется с именем генерал-майора Николая Васильевича Крисанова, который отличился в боях 1943 г. за Днепр, получил звезду Героя Советского Союза. В представлении на высокое звание говорилось: «Под систематическим артиллерийским огнём и авиационной бомбёжкой противника Крисанов лично руководил постройкой 30-тонного моста через Днепр. По этому мосту переправились все части усиления армии и танковый корпус. Будучи контужен, не оставил руководства строительством моста до полного окончания работ». Мост Крисанова играл решающую роль в освобождении от нацистов Киева. В 1944 г. Николай Васильевич в качестве начальника инженерных войск 3-й ударной армии принимал участие в освобождении Прибалтики.

Помимо этого, восемь выпусков цикла «История Прикамья. Возвращенные имена» рассказывали о деятелях, трудившихся во время Великой Отечественной войны в Молотовской области в тылу. «Мирными» героями передач, тоже внесшими большой вклад в Победу, стали архиепископ Молотовский и Соликамский Александр (Толстопятов), конструктор вооружений М.Ю. Цирульников, ученый-геолог князь Б.Ю. Козловский. Значительное внимание уделено деятелям культуры и искусства – композитору А.И. Хачатуряну, главному дирижеру Ленинградского академиче-

ского театра оперы и балета имени С.М. Кирова (Мариинского театра) А.М. Пазовскому, балерине Е.Н. Гейденрейх, писателю Ю.Н. Тынянову и поэту А.А. д'Актилю.

Долгое время вклад в Победу заключенных замалчивался. Конструктор вооружения М.Ю. Цирульников прибыл в Пермь (тогда – Молотов) в качестве заключенного «врага народа», осужденного по статье 58, в составе лагерной «шарашки». В Молотове под руководством Цирульникова велась работа над созданием легендарной «сорокопятки» – 45-миллиметровым противотанковым орудием М-42, которым массово вооружались на всех фронтах. В 1943-м за «сорокопятку» Цирульникова наградили Сталинской премией. Сам «отец народов» написал записку: «Цирульникова освободить. Сталин». Михаил Юрьевич хранил эту записку всю жизнь.

С 1946 г. Михаил Цирульников работал главным конструктором СКБ-172 и Молотовского завода имени Ленина. Под его руководством разрабатывалось свыше 20 опытных образцов установок различных классов артиллерии. Все эти системы находятся на уровне лучших мировых образцов и выдерживают испытание временем. Нашим ответом блоку НАТО стала разработанная Цирульниковым в середине 60-х гг. ракета РТ-2, которая по своим характеристикам соответствовала американской «Минитмен», благодаря чему был установлен «ракетный паритет».

Цирульников стоял у истоков создания в Перми НПО «Искра» и машиностроительного факультета политеха.

Даже в самые тяжелые военные года требовалась и «пища духовная». Арам Хачатурян, эвакуированный в Молотов в самом начале войны, писал: «...Фронту требовались оружие, хлеб, махорка... А в искусстве – пище духовной, нуждались все – и фронт, и тыл. И мы – артисты и музыканты это понимали и отдавали все свои силы. Около 700 страниц партитуры „Гаянэ“ я написал за полгода в холодной гостиничной комнатухе, где стояли пианино, табуретка, стол и кровать». «Гаянэ» Арама Хачатуряна приобретает всемирную славу и становится одной из визитных карточек русского балета.

Радиопередачи цикла «История Прикамья. Возвращенные имена» были подготовлены с использованием научной и научно-

популярной литературы, привлекались неопубликованные архивные материалы, проводились консультации с учеными-историками, специалистами по истории Пермского края.

После выхода в радиоэфир тексты передач вместе с иллюстрациями и подкастами были размещены в сети Интернет для всеобщего доступа.

«ПРОКЛЯТЫ И ЗАБЫТЫ»

*А.В. Отмахова,
куратор выставки
«Возвращение домой», Пермь
belana66@gmail.com*

Аннотация. Показаны единство и разнообразие судеб пленных и память о них в общественном сознании и семейной истории. Доклад составлен на основе интервью автора с потомками солдат, призванных из Молотовской области и погибших в лагерях на территории Нижней Саксонии. Из 35 солдат, судьбы которых мы проследили, всего трое вернулись домой. Интервью собирались в рамках проекта «Мост памяти». Итогом работы стал сайт <http://mostpamyati.ru/> и передвижная выставка «Возвращение домой». Для фактологической части использованы фонды местных архивов, карточки военнопленных из ЦАМО и ПермГАСПИ, фильтрационные дела.

Ключевые слова: плен, советские военнопленные, Мост памяти, возвращение домой.

“CURSED AND FORGOTTEN”

*Anna Otmakhova,
curator of the exhibition "Homecoming", Perm
belana66@gmail.com*

Abstract. Similarity and diversity of war prisoners' fate and memory of them in public awareness and family history. The report is based on the author's interviews with descendants of the soldiers who were called up to the war from the Molotov region and died in prison camps in Lower Saxony. We tracked lives of 35 soldiers, only three of whom came back home. The interviews were taken as part of the project *Bridge of memory*. The result of the project has been the site <http://mostpamyati.ru/> and the traveling exhibition

"Homecoming". Local archive funds, cards of war prisoners from TsAMO (Central Archive of the Russian Ministry of Defence) and PGASPI (Perm State Archive of Social and Political History), files of KGB were used as sources for factual parts of the report.

Keywords: Captivity, Soviet Prisoners of War, Bridge of memory, Homecoming.

Проект «Мост памяти» мы начали в 2018 г. совместно с историками и музейными сотрудниками из Нижней Саксонии. Карл-Хайнц Циссов – давний партнёр, с которым Пермский край уже два десятка лет успешно осуществляет совместные культурные и выставочные проекты. По образованию он историк и работал заместителем директора музея под открытым небом Клоппенбурга, сейчас на пенсии. Тема военнопленных долгое время поднималась в наших устных беседах, но подойти к ней было страшно и трудно. Мы никак не могли найти главную идею и форму – как рассказать о плене, о трагедии войны и жизни.

Однажды Карл-Хайнц Циссов прислал список из 500 фамилий солдат с просьбой найти кого-то из потомков и с маленькой надеждой, что кто-то из бывших пленных остался в живых. Этот список был составлен по материалам сайта «Память народа» и включал в себя тех, кто был призван из Молотовской области, попал в плен и был в лагерях на территории Нижней Саксонии. Порядка 20 лагерей для военнопленных находилось во время Второй мировой войны на территории Нижней Саксонии. Понятно было, что этот список не претендует на полный и окончательный, но с чего-то надо было начинать.

По нашим неполным данным, из Молотовской области ушло на фронт более 506 тысяч человек, около 120 тысяч погибло и более 70 тысяч до сих пор считаются пропавшими без вести [1, с. 347], а точным подсчётом количества пленных в Пермском крае никто не занимался. Во всяком случае, мне не попадались такие исследования. Сегодня даже цифра общего числа советских военнопленных колеблется у разных историков от 4,5 до 5,7 млн. И, видимо, точное количество человек мы не узнаем уже никогда. Подробное исследование о разных методиках подсчёта провёл учёный Павел Полян [2, с. 43–68].

В итоге идея сформировалась в ходе обсуждений и переговоров – показать историю солдата, его жизнь до войны и после, как сложилась его судьба, судьба детей и внуков. Что помнят о солдате его потомки через 75 лет, где живут, хранят ли фотографии, вещи, какие воспоминания передаются из поколения в поколение, может быть, сохранился ли дом, где жил солдат, и как изменилось родное село или деревня. Это такое мини-исследование памяти поколений. Ведь на тот момент мы совсем не знали, кого нам удастся найти – детей или только уже внуков и правнуков. И скорее всего, что если это будет третье поколение, то шансы узнать что-то о солдате стремятся к нулю. Ведь известно, что события и их подробности сохраняются в памяти в течение максимум двух поколений.

Однако мы надеялись, что нам всё-таки повезёт с семьями, и мы проведём интересные интервью с потомками, которые нам расскажут много разнообразных историй. Нам казалось, что на примере конкретных судеб и личных воспоминаний проще представить всю трагедию войны. И, конечно, для этого проекта важна визуализация, т.е. фотографии солдат, родителей, их семей до войны, их потомков, родные места, дома, где они жили. В части воплощения и исполнения мы остановились на двух вариантах – это создание сайта для большого охвата аудитории и создание передвижной выставки, которая могла бы легко перемещаться и трансформироваться под различные помещения в разных населённых пунктах края, где не всегда есть возможность развернуть большую экспозицию.

Предварительный этап – это большая организационная работа. Для облегчения поиска потомков мы разбили список на муниципальные округа и даже выработали со временем свою поисковую систему. Прежде всего, мы просили помощи у СМИ и краеведов, в архивах и в местных музеях и, конечно, использовали социальные сети и даже «сарафанное радио». Самый большой эффект дали публикации в местных газетах, самый маленький – местные администрации: практически все письма, адресованные им, остались без ответа. Ещё нам пришлось сразу столкнуться с несколькими проблемами. Первая, но решаемая проблема – это современное деление муниципальных районов, теперь многие назы-

ваются по-другому и существуют в других границах, а населённые пункты часто «переходили» из одного района в другой. Вторая проблема была более печальна и сильно осложняла поиск – многие деревни и сёла перестали существовать, на их месте остались голые поля, поросшие бурьяном. Третья проблема – миграция населения, люди стали «подвижнее», с лёгкостью и удовольствием меняли деревенские места жительства на более комфортные условия проживания. И «концы» выехавших людей найти очень трудно. Четвёртая и очень неожиданная проблема – это ошибки в немецких карточках военнопленных из концлагерей. Заполнялись они латиницей, соответственно есть много вариантов написания сложных фамилий. Кроме того, часто почерк заполнявшего был далёк от каллиграфического идеала. Отсюда и вариативность перевода фамилий, имён и отчеств. Отсутствие мягких и твёрдых знаков, сложности в написании букв «ч», «ц», «щ» и т.д. приводили к неверному переводу. Например, фамилия Бельтюков была переведена как Бельщуков. Особенно много ошибок в написании татарских фамилий. Например, Иликаев Сайдинан Саихович на самом деле оказался Илькаевым Сайдиханом Захитовичем. То есть фамилия, имя и отчество переведено неправильно и так же записано и на сайте «Память народа». Это же касается неверного перевода населённых пунктов: посёлок Колчим переведен в одном варианте как Кольчужи, в другом как Кольчино, село Аклуши переведено как Акиуш. Это проблема очень затрудняет поиск по сайту и родственникам, потому что они не догадываются, что в документах могут быть ошибки, и в итоге не получают результата в поиске. На наше счастье, в нескольких районах нашлись неравнодушные помощники, которые хорошо «отработали» на местах, пытаясь найти семьи солдат. Они «отгадывали» названия по созвучным сочетаниям букв и знали, как правильно звучат фамилии на той или иной территории. В Красновишерске к нам активно подключился заведующий архивным отделом районной администрации Константин Остальцев, в Усолье помогала местный координатор «Бессмертного полка» Наталья Неверова, в Коми округе – сотрудники местного архива, газеты и два местных краеведа – Анна Кучевасова и Василий Гагарин, в Чердынском районе – редакция местной газеты «Северная Звезда» и председатель местного Совета

ветеранов. В Бардымском районе местная газета несколько раз публиковала список с просьбой семьям откликнуться. В итоге усилия многих людей увенчались успехом – нам удалось договориться о съёмках и интервью в нескольких семьях.

Откликнулись примерно потомки 60 солдат, живущих в разных районах края. Однако после первых телефонных переговоров выяснилось, что треть не обладала никакой информацией, ничего не знала о солдате, ничего не могла сказать и не имела никаких семейных фотографий. И к информации о том, что человек погиб в плену, родственники отнеслись равнодушно. Практически солдаты в этих семьях забыты. Остальные были сначала удивлены интересом к предку и его судьбе, знали какие-то семейные легенды и истории, имели и бережно хранили фотографии и письма. Примерно 70 % из этих семей не обладали информацией о том, что их родственник был погиб в плену. В семьях передавалась информация, полученная когда-то после войны, что человек «пропал без вести», и больше люди не предпринимали попыток найти более точные сведения. Хотя сегодня на сайте «Память народа», где отсканированы документы Министерства обороны, эти сведения уже опубликованы и их можно посмотреть. Надо сказать, что в основном семьи очень бурно реагировали на известие о том, что солдат погиб в плену. Им оказалась важна определённость, пусть даже известие о смерти. Потомки двух семей самостоятельно нашли сведения и даже побывали на месте гибели солдата.

Естественно, съёмочно-экспедиционным периодом было лето. Мы вместе с фотографом ездили по районам края и разговаривали с родственниками, делали фотографии для сайта и выставки. Первой семьёй, к которой мы поехали, стала семья солдата Андрея Конюхова из села Перемское Добрянского района. Это одна из самых интересных историй в проекте. У Андрея Конюхова не было своих детей и поэтому «хранителями памяти» являются его племянницы и внучатые племянники. Они живут дружно, и до сих пор дом, построенный Андреем Конюховым вместе с отцом в 1936 г., принадлежит семье. Его теперешний хозяин – внучатый племянник и полный тёзка солдата – Андрей Николаевич Конюхов. На встречу пришла почти вся семья, и нам поведали непростую

историю. Семья жила зажиточно, имела две коровы. Андрей родился в 1918 г., его брат Николай в 1923 г. Андрея забрали на срочную службу в 1937 г. Когда он служил, в октябре 1937 г. арестовали отца, обвинили в подготовке вооруженного восстания, забрали, и больше главу семьи никто не видел. Андрей вернулся и пошёл работать в школу завхозом, хотел быть учителем, но ему, как сыну врага народа, не разрешили поступить в педучилище. Дальше была война, и уже 4 августа 1941 г. он попал в плен. Он оказался в шталаге ХВ Зандбостель, там и погиб 10 февраля 1943 г. Самый ценный артефакт, который берегут в семье много десятков лет, – это фотоальбом, где хранятся фотографии, сделанные самим Андреем Конюховым до войны (рис. 1, 2). Оказывается, он очень увлекался фотографией и даже имел свой фотоаппарат. Это редчайший случай по тем временам. Благодаря этим фото мы увидели, как выглядел сам Андрей, его мать и младший брат. И даже запечатлён родной дом в 1939 г. Все фотографии бережно подписаны позже младшим братом Николаем, который так же в 1941 г. ушел на фронт и вернулся раненым, но живым. Можно сказать, что в этой семье всегда помнили солдата. Как и многие, Андрей Конюхов числился «пропавшим без вести». Историю плена и гибели Андрея семья узнала в 2012 г., когда к ним приехала делегация из Народного союза Германии по уходу за военными захоронениями. Они показали фотографии кладбища и мемориальной плиты с именем Андрея. Под патронажем этого Союза в Германии с 2007 г. существует проект «Дорога памяти». Местные школьники, ученики старших классов, изучают документы, которые есть в музеях на местах бывших лагерей, затем изготавливают глиняные таблички с именами жертв, с их датами жизни. Затем в День покаяния и молитвы, который отмечается в конце ноября, ученики идут на кладбище и зачитывают имена на табличках, как бы возвращая каждому безымянному его имя и честь. После этого таблички крепятся на стелах, установленных на кладбищах. Такая табличка есть с именем Андрея Конюхова на кладбище Зандбостеля, где похоронены много тысяч пленных из разных стран мира.

Рис. 1. Родной дом Андрея Конохова в селе Перемское.
Снимок сделан Андреем Коноховым. 1939 г.

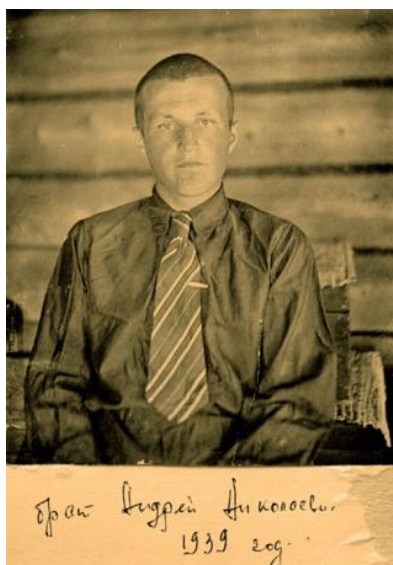

Рис. 2. Андрей Конохов. 1939 г.

Две последующие истории из разряда редких случаев – оба солдата вернулись. Первый – Максим Максимович Бурмантов,

1910 г.р., из деревни Колчим Красновишерского района. В карточках военнопленных, опубликованных на сайте «Память народа», в написании фамилии и населённого пункта – ошибки. Этот солдат с большой историей плена. На карточках обозначено несколько лагерей, куда его переводили. Надо сказать, что на этого солдата много разных карточек – в ЦАМО хранится так называемая «основная карточка» и несколько «транзитных». Кроме того, в Пермском архиве социально-политической истории хранятся две транзитные и фильтрационная карточка. По воспоминаниям семьи, Максим ушёл на фронт в самом начале войны. На самом деле раньше – в начале июня формировался 524-й стрелковый полк. Судя по записям в трофейных карточках, он уже 10 июля 1941 г. попал в плен. Дальше была жизнь в лагере и освобождение в апреле 1945 г. Видимо, фильтрацию он прошёл на месте, так как по документам успел послужить в 61-й гвардейской стрелковой дивизии, куда прибыл в октябре 1945 г. Но уже в конце 1945 г. он вернулся домой. И зажил мирной жизнью – растил детей и работал. По воспоминаниям дочерей, отец очень мало рассказывал про войну и плен, а когда прорывались воспоминания, то сразу появлялись слёзы. Чтобы не расстраивать отца, родные не расспрашивали подробно, боясь беречь раны, поэтому их рассказы о войне и лагере – неполные. Однако в семье помнят, что он часто ругал командиров, которые бросили подразделение в логу. Так они и попали в плен – дезориентированные люди, без оружия и руководства, карт и связи не знали, что делать, как себя вести. Дальше был лагерь в Нижней Саксонии – шталаг XD (310). Там он оказался со своим двоюродным братом – Иваном Васильевичем Бурмантовым, 1905 г.р. Служили они в одном полку и взяты в плен в один день, но в разных местах. Однажды Максим Бурмантов видел, как его брата куда-то уводили охранники лагеря, после этого он больше его не встречал. По данным сайта «Память народа» Иван Бурмантов умер 29 февраля 1944 г. в этом же лагере. Максим Максимович рассказывал, что в лагере военнопленные работали на камноломне, били и таскали камни. Вместе с ними там находились французы, чехи и поляки. Праздник Победы всегда отмечал с другом-фронтовиком, считал своим и самым важным. Эту уверенность разделяли не все, поселковая администрация и некоторые земляки относились к бывшему пленному настороженно и с по-

дозрением. Государство также никак не поздравляло с Днём Победы, и это его сильно обижало. Только в 1986 г. его жену Анну пригласил военком и тихо сунул ей в руки юбилейный орден Отечественной войны II степени (рис. 3, 4).

Рис. 3. Максим Бурмантов. 1928 г.

Рис. 4. Дочери и внучки Максима Бурмантова

Второму из вернувшихся солдат – Сергею Максимовичу Усову из села Усово Кудымкарского района – судьба приготовила больше испытаний. Сергей Максимович к началу войны был женат и имел троих детей. Работал в колхозе «Усовский» кладовщиком. Призвался он 22 августа 1941 г. в 688-й стрелковый полк. А уже 6 октября Сергей Усов был взят в плен. «В деревне Починок Смоленской области был пленён при следующих обстоятельствах: находясь второй раз в окружении, меня снарядами немецкой артиллерии оглушило. Я в это время упал, когда пришёл в сознание, я перед собой увидел, что стоят возле меня немецкие солдаты и что-то говорят по-немецки, и через несколько минут они меня забрали с собой» [1]. Впрочем, он часто рассказывал эту историю после возвращения домой, добавляя, что был ранен в руку. Потом пленных отправили в Оршу, что в Витебской области. Там он встретил своего односельчанина и соседа Семёна Трубинова, который попал в плен 5 октября. Они стали держаться вместе. По воспоминаниям: сначала пленных держали в сарае, потом погрузили в вагоны и повезли. В вагонах солдаты могли только стоять, так как пространство заполнялось очень плотно. Самыми удачными местами считались углы вагона, там можно было опереться на стенки. Усову и Трубинову удалось занять один из углов. В какой-то момент несколько пленных попытались силой занять «комфортный» угол, но Трубинов сумел отбиться, и их оставили в покое. Поезд шёл, не останавливаясь, их не выпускали из вагона, не было воды и других удобств, поэтому «справлять нужду» приходилось в котелки. С января 1942 г. Усов находился в немецких лагерях: сначала шталаг ХВ, потом XD (310), работал чернорабочим, таскал камни. Кормили плохо, многие ослабевали и не могли выходить на работу. Его друг Семён терял вес, интерес к жизни, слабел с каждым днём. Однажды не смог пойти на работу, остался в бараке. Когда Сергей и другие пленные вернулись с работы, Семёна уже не было. Вспоминал солдат ещё один случай. Как-то перед строем военнопленных появился бюргер и спросил: «Кто знаком с сельским хозяйством?» Таких оказалось трое – Сергей Усов среди них. Так они очутились на ферме, где стали работать. Жили в свинарнике, через перегородку со свиньями. Сами варили себе еду из овощей, которые позволяли взять хозяева. Уже весной 1945 г. стали слышны залпы орудий, было понятно, что

фронт уже близко. Они не стали ждать и просто сбежали. Попали к союзникам, а потом – к своим. Далее был фильтрационный лагерь, где проверяли все обстоятельства пленения и жизни в Германии. Управление НКВД по Свердловской области, подразделение «СМЕРШ» Уральского военного округа, проверяло «по розыскным спискам вражеской агентуры». Сергей Усов находился в это время в лагере города Каменск-Уральский и работал на алюминиевом заводе. Ему не разрешали писать письма и сообщать семье, что он жив. Как вспоминает старший сын Фёдор, писем и каких-либо известий про отца не было с момента его ухода, с августа 1941 г. И только весной 1947 г. он увидел обессиленную мать в слезах, которая держала в руках письмо из Каменск-Уральского. А вскоре, в апреле 1947 г., отец вернулся домой. Потом он долгих 10 лет жил и работал под наблюдением милиции. Только в мае 1957 г. дело было снято с оперативного учёта. Но на сайте «Память народа» опубликована основная карточка военнопленного Сергея Усова, из которой следует, что он погиб в мае 1942 г. и похоронен в Витцендорфе. На самом деле Сергей Усов умер в 1977 г. в родной деревне. Всё-таки чудеса случаются (рис. 5, 6).

Рис. 5. Сергей Усов. 1940 г.

Рис. 7. На открытии выставки в ПГХГ. 7 мая 2019 г.

Выставка располагалась на втором этаже, куда ведёт крутая лестница, по ее бокам были сделаны сетчатые дуги, на которых крепились копии карточек военнопленных солдат, хранящиеся в ПермГАСПИ (Пермский государственный архив социально-политической истории). Это был «эмоциональный» вход. Далее сама экспозиция разбивалась на два крыла, которые были устроены одинаково. На стене висели деревянные окна, в натуральную величину, в рамки которых «воткнуты» фотографии из семейных альбомов. Каждому солдату посвящено отдельное окно с пейзажем родной деревни или села. Фотографии разных времён – здесь и изображения родителей солдата, его самого, братьев и сестёр, жены, детей и внуков. Напротив стояла стилизованная фигура из железной сетки, на которой подробно описана история жизни солдата, его семьи до войны и после нее. Таким образом, получалось, что солдат «смотрит» на окно и на старые и новые фото своей семьи. «Видит», какими стали его дети, как выглядят внуки и правнуки. Таким образом было показано 12 историй солдат. Спinoй солдат «стоял» к ширмам с фотографиями лагерей для военнопленных, где он погиб. На этих же ширмах разместились планшеты с цитатами из фильтрационных дел, которые находятся в ПермГАСПИ. На них показания о том, при каких обстоятельствах солдат попали в плен, про жизнь и работу лагерях.

Рис. 8. Общий вид выставки в ПГХГ. 2019 г.

После Перми выставка экспонировалась в разных городах края. За оставшиеся полгода она побывала в Красновишерске, Чердыни, Усолье, Кудымкаре, Кунгуре, Добрянке. Мы сначала выбрали те районные центры, откуда были призваны солдаты, истории которых рассказаны на выставке. На открытии всегда присутствовал кто-нибудь из родственников солдат, зрители всегда очень эмоционально воспринимали материал, многие плакали, читая истории. Многие после открытия подходили, чтобы обсудить и рассказать свои истории. Как оказалось, тема животрепещущая и нужная людям – ведь многие до сих пор живут со страхом, обидой и болью. «А нам за то, что мы расскажем, что наш дед был в плену, ничего не будет?» – иногда с настороженностью спрашивали внуки. Насаждаемое когда-то чувство вины живёт уже в третьем поколении семей. Даже внуки и правнуки испытывают как будто неловкость за своих попавших в плен солдат: «Мы не ходим в Бесмертный полк, потому что наш солдат был в плену».

В силу засилья «ура-патриотических» нарративов мы до сих пор имеем устоявшийся образ солдата – монумента. Это должен быть высокий, красивый, сильный, смелый, всегда побеждающий врага солдат. Он не человек – он идеальный герой, и никак иначе. Этот тезис до сих пор активно культивируется в левых изданиях, в частности активисты местной ячейки «Суть времени» в своей газе-

та писали: «В сознании наших граждан прочно закреплен тезис “русские не сдаются”, а подача выставки Отмаховой очевидным образом направлена на разрушение этого убеждения» [3]. Те, кто сдался, трус и предатель – одним словом «шкура». Тем более никак не может быть, чтобы была одна винтовка на троих, что командиры оставляют поле боя и солдат, а «...тут оказывается, что почти все тексты дискредитируют как самого пленного, так и все советское командование» [3]. Однако все остальные отзывы были примерно следующие: «Пожалуй, главное в этой выставке – наглядное свидетельство того, что родные помнят своих предков. Но семейная память никакого отношения к государственной политике и навязываемому патриотизму не имеет. В воспоминаниях родных нет никакого пафоса» [4]. Всего за 2019 г. выставка «Возвращение домой» побывала в семи музеях Пермского края и ее увидели почти 25 тысяч человек.

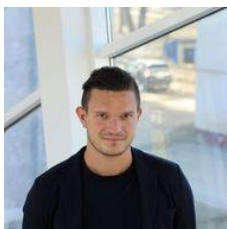
7 октября 2020 г. в Мемориальном комплексе Зандбостель (Нижняя Саксония, Германия) также открылась выставка под названием: «Плен – Страдания – Смерть – Возвращение» о советских солдатах из Пермского края в лагерях в Нижней Саксонии. Она сделана на наших материалах и также будет передвижной. Уже несколько мемориальных музеев Нижней Саксонии выразили желание принять ее на своей территории.

В 2020 г. Пермская региональная историко-патриотическая общественная организация «Бессмертный полк. Пермь» выиграла грант администрации губернатора Пермского края на проект «Забывтый солдат». Этот проект состоит из нескольких частей. Прежде всего, это продолжение демонстрации выставки «Возвращение домой» в шести населённых пунктах края. Были выбраны музеи в Губахе, Чусовом, Лысьве, Березниках, Очёре, Ильинском. Вторая очень важная часть – это составление базы данных карточек военнопленных, находящихся в ПермГАСПИ. Это большой массив практически неизвестного фонда, где хранится 6620 трофейных немецких карточек различного вида, которые были переданы в конце 90-х – начале 2000-х гг. из архива Пермского КГБ. Очень важно сделать по нему базу данных, чтобы родственники смогли найти своих близких.

Список литературы

1. Пермский край в Великой Отечественной войне. 1941–1945 гг.: энциклопедия / авт.-сост. Т.С. Волкова, В.И. Тетерин, А.В. Хованская, Ю.Б. Шувалова, О.В. Ярома. – Пермь, 2020. – 800 с.
2. Демографическое обозрение. – 2016. – Т. 2. – С. 43–68.
3. Гурьянов Павел [Электронный ресурс] // ИА Красная Весна. – 2019. – 10 мая. – URL: <https://rossaprimavera.ru/-article/518336e4> (дата обращения: 10.10.2020).
4. Куроптев Ю. Долгий путь домой. В Пермской галерее открылась выставка о погибших в Германии военнопленных из Молотовской области [Электронный ресурс] // Интернет-газета Звезда. – 2019. – 9 мая. – URL: <https://zvzda.ru/articles/b8d032c4cf82> (дата обращения: 10.10.2020).

**«ПРЕТЕРПЕВ ПОЛНЫЙ РАЗГРОМ В СВОЕЙ ЖИЗНИ...»:
ТЕМЫ И ОБРАЗЫ В ИСКУССТВЕ ЗАКЛЮЧЁННЫХ
ГУЛАГА В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ**

*Д.Д. Подледнов,
заведующий сектором художественного
оформления выставок, экспозиций
Мемориального музея-заповедника истории
политических репрессий «Пермь-36»,
аспирант кафедры культурологии,
философии культуры и эстетики
Института философии
Санкт-Петербургского государственного
университета, Пермь
denis.podliodnov@gmail.com*

*Е.Д. Казанцева,
заведующий передвижной выставкой
Мемориального музея-заповедника
истории политических репрессий
«Пермь-36», Пермь
helenakazantseva@mail.ru*

Аннотация. Предпринята попытка рассмотреть особенности лагерного искусства, а также проанализировать темы и образы, свойственные живописи и графике заключенных ГУЛАГа в период Великой Отечественной войны. При помощи формально-стилистического и семиотического анализа, а также иконологической интерпретации исследованы художественные произведения, созданные художниками-заключенными Марией Мыслиной, Михаилом Рудаковым, Георгием Вагнером и Петром Бенделем.

Ключевые слова: искусство заключенных, искусство ГУЛАГа, неофициальное искусство СССР, Мария Мыслина, Михаил Рудаков, Георгий Вагнер, Петр Бендель.

**“SUFFERED A COMPLETE ROUT IN MY LIFE...”:
THEMES AND IMAGES IN THE ART OF GULAG PRISONERS
DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR**

Denis Podlednov,

*head of the sector of artistic design of exhibitions, expositions
of the Reserve Museum of the History of Political Repression "Perm-36",
post-graduate student of the Department of Cultural Studies, Philosophy of
Culture and Aesthetics of the Institute of Philosophy of St. Petersburg State
University, Perm
denis.podliodnov@gmail.com*

Elena Kazanceva,

*head of the mobile exhibition of the Reserve
Museum of the History of Political Repression "Perm-36", Perm
helenakazantseva@mail.ru*

Abstract. The article attempts to consider the features of camp art, as well as to analyze the themes and images inherent in the painting and graphics of the GULAG prisoners during the Great Patriotic War. By means of formal-stylistic and semiotic analysis, as well as iconological interpretation, the works of art created by prisoner artists: Maria Myslina, Mikhail Rudakov, Georgy Wagner and Pyotr Bendel are studied.

Keywords: the art of prisoners, the art of the GULAG, unofficial art of the USSR, Maria Myslina, Mikhail Rudakov, Georgy Wagner, Pyotr Bendel.

Основная цель данной работы – проанализировать творчество художников, которые были узниками ГУЛАГа в период Великой Отечественной войны. С помощью формально-стилистического, семиотического и иконологического методов будет проанализирован ряд живописных и графических работ Марии Мыслиной (1901–1974), Михаила Рудакова (1914–1985), Георгия Вагнера (1908–1995) и Петра Бенделя (1905–1989) [1–3]. Такой комплексный анализ творчества художников – заключенных ГУЛАГа поможет выявить визуальные образы, сюжеты и нарративы, отраженные в лагерном творчестве военного периода.

Главная особенность искусства советского периода – его наполненность идеологией: то есть искусство в первую очередь должно было быть проводником идей советского государства и

коммунистической партии. В искусстве преобладал «социалистический реализм», провозглашающий *народность, понятность* для широких масс и *идеологическую направленность*. Изобразительное искусство советского периода рождало новую эстетику: художники должны были воспевать строительство социалистического государства и радость труда. Но вместе с этим в этот хронологический этап существовало так называемое *антисоветское*, *нонконформистское* искусство, которое, с одной стороны, не было подвержено влиянию политического режима, с другой стороны, обращалось к таким сюжетам и нарративам, которые транслировали настоящую, «не парадную» советскую реальность.

Таким образом, в границы советского искусства необходимо включить такое вынужденное течение, как лагерное искусство, или искусство ГУЛАГа, которому свойственны отличительные черты и сюжетные особенности. Карандаш и бумага зачастую являлись единственными средствами художественного самовыражения в местах отбывания наказания. Анализируя сохранившиеся лагерные работы, можно отметить следующие *особенности лагерного искусства*:

– во-первых, данные рисунки являются *отражением эмоционального состояния и переживаний заключенного* – это могут быть портретные зарисовки, пейзажи, а также бытовые сюжеты, действие которых происходит в условиях лагеря.

– во-вторых: в таких работах мы видим *визуальное свидетельство лагерной жизни*: архитектуры, культуры и быта ГУЛАГа, созданное очевидцами [3, с. 9–17].

В то время, когда советское искусство было подвержено государственному дискурсу, *нонконформистское искусство* развивалось параллельно. В свою очередь творчество и искусство, созданное в местах отбывания наказания, также можно условно разделить на запрещенное и разрешенное: примерами запрещенного искусства могут послужить карикатуры на солагерников, выполненные в Усольяге знаменитым художником-карикатуристом Константином Ротовым [4, с. 10–14], а также рисунки, которые были созданы Юло-Ильмаром Соостером – известно, что охранники изымали их при обысках и бросали в огонь, поэтому часть со-

хранившихся рисунков Соостера дошла до современного зрителя с обожженными краями.

Вместе с этим необходимо отметить, что существовало и разрешенное в лагерях творчество: так называемое КВЧ, или культурно-воспитательная часть, куда могли входить лагерные театры, музыкальные ансамбли, лагерные художественные мастерские, где создавались агитационные плакаты, детские игрушки, копии картин на заказ администрации и на продажу. Именно туда при удачном стечении обстоятельств попадали репрессированные деятели культуры. Примером такого разрешенного в ГУЛАГе искусства являются портреты, выполненные Марией Мыслиной, например «Портрет Л.И. Покровской» (рассмотрим его далее), эскизы театральных костюмов и декораций, самодельные открытки и календари, а также предметы декоративно-прикладного искусства: шка-тулки, пепельницы, портсигары, и т.д.

Темы и образы лагерных художников в годы Великой Отечественной войны

Мария Владимировна Мыслина – художница, прошедшая Акмолинский лагерь жен изменников Родины, чьи акварельные рисунки с повседневными добрыми сюжетами украшали многие советские открытки.

В 1920–1930-е гг. Мария Мыслина сотрудничала с издательствами и рекламными организациями, создавала плакаты, книжные иллюстрации, оформляла клубы и декорации праздничных демонстраций. Однако в 1937 г. мужа Марии Мыслиной, Владимира Каабака, расстреляли, а Марию Владимировну арестовали как члена семьи изменника Родины («ЧСИР»), осудили на восемь лет лагерей, выслав в Акмолинское отделение Карлага – «АЛЖИР» (или Акмолинский лагерь жён изменников Родины) [5]. В Карлаге художница работала на текстильной фабрике и в вышивальной мастерской, но в при возможности продолжала заниматься искусством.

Значительная часть лагерных рисунков художницы посвящены повседневной жизни женщин-заключенных: героини предстают за стиркой, вязанием, заготовкой капусты или теплых вещей для фронта (например, «Чистое белье» (1940) (рис. 1), «Заготовка капусты» (1940–е гг.) (рис. 2) и «Теплые вещи для фронта» (1940-е гг.) (рис. 3) Анализируя данные работы, можно предположить, что ху-

дожница старалась запечатлеть повседневную, бытовую составляющую лагерной жизни как нечто важное: ведь ее окружали живые люди, которые так же, как и она, старались выжить в трудных условиях, смириться с потерями и жить дальше – до момента освобождения. Она старалась запечатлеть тот момент истории, в который она существовала. Такие микро-сюжеты оказываются доминирующей тематикой в ее лагерных работах.

Рис. 1. М. Мыслина. Чистое белье. 1940 г.

Рис. 2. М. Мыслина. Заготовки капусты. 1940-е гг.

Рис. 3. М. Мыслина. Теплые вещи для фронта. 1940-е гг.

Некоторые портреты выполнены цветными карандашами на картоне в штриховой технике по типу быстрой зарисовки. С одной стороны, художница пыталась запечатлеть жизнь и быт заключенных в свободное время (например «За вязанием» (1940-е гг.) (рис. 4)). С другой стороны, мы предполагаем, что Мария Мыслина хотела запечатлеть образ тех женщин, которые вместе с ней отбывали наказание. Необходимо обратить внимание, как на данных графических портретах умело художница обращается со светотенью, передавая и индивидуальные черты лица, и внутреннее эмоциональное состояние узниц ГУЛАГа. Изображение женщин-заключенных реалистично: художница прорисовывает морщинки, взерошенные волосы, уставшие или встревоженные взгляды, распухшие от старости и работы суставы вязальщиц. Все эти черты дополняют также и эмоциональный портрет женщин-заключенных.

С большим трудом Марии Владимировне в лагере удалось устроиться художником при клубе. Вместе с другой осужденной художницей, Лидией Покровской, они занимались оформлением самодеятельных спектаклей. Сохранился «Портрет заключенной Марии Мыслиной в театральном костюме» (1940-е гг.) (рис. 5), написанный Лидией Покровской в 1942 г. Портрет выполнен в акварельной технике на картоне. Белила или цветные карандаши в данном случае использованы для расстановки акцентов: складки на платье, блики на руках. На данном портрете художница одета

в платье конца XVIII – начала XIX в., ее взгляд отстранен, что придает образу загадочности. В условиях несвободы такой портрет является чем-то исключительным, что находится за гранью повседневной изматывающей лагерной жизни, так как здесь Мария Мыслина предстает в элегантном и романтическом образе, который так далек от переживаемой реальности.

Рис. 4. М. Мыслина. За вязанием. 1940-е гг.

Рис. 5. Л.И. Покровская. Портрет заключенной М. Мыслиной в театральном костюме. 1940-е гг.

Ряд своих работ Мария Мыслина также посвятила Лидии Ивановне Покровской, например, «Портрет Л.И. Покровской», выполненный между 1938 и 1946 гг., маслом на картоне. Перед зрителем предстает женщина, тело которой на три четверти повернуто к зрителю, голова анфас, руки сложены на коленях. Фон выполнен в красно-зеленых тонах, которые колористически сочетаются и словно передают рефлекс на одежду героини. С первого взгляда невозможно сказать, что перед зрителем сидит женщина, которая в данный момент отбывает несправедливый приговор в исправительно-трудовом лагере. Возможно, что именно такие портреты, словно из обычной, «нелагерной» жизни, поддерживали эмоциональное состояние как художницы, так и заключенных, которых она изображала на своих картинах.

Визуальный язык творчества Марии Мыслиной узнаваем: в лагере художница часто обращается к жанру портрета и изображению лиц крупным планом, после освобождения – выбирает ракурсы, не показывающие лицо героя, или многофигурные композиции, где действующими лицами являются толпа или группа людей. Отличительная особенность искусства Марии Мыслиной, что и во время заключения, и после лагеря ему не свойственна драматичность, трагизм, эмоциональный накал. Даже в условиях лагеря ее работы отличают бытовые добрые сюжеты и светлые тона.

Другой художник – *Михаил Захарьевич Рудаков*, заслуженный художник РСФСР, бывший заключенным Воркутлага. Михаил Рудаков окончил Харьковский художественно-промышленный институт. В 1940 г. он был призван в армию и оказался в городе Перемышль (сейчас польский город Пшемысль) [6]. Там он познакомился с творчеством польских художников, развивавших колористические эксперименты, этот опыт он позднее реализовал в 1960-х – 1980-е гг.

В сентябре 1941 г. он был тяжело ранен и оказался на оккупированной территории. В 1943 г., по возвращении в действующую армию, был арестован и осужден. Пять лет в Воркутинских лагерях он работал помощником лагерного врача, что помогло ему выжить и даже позволило заниматься творчеством.

В 1944 г., находясь в пересыльном лагере Котласс (Архангельская область), художник пишет карандашный портрет полити-

ческого заключенного Алексея Сергеевича Силина (рис. 6). А.С. Силин перед арестом работал начальником электроцеха Бутырского химического завода. Арестован в 1942 г. и приговорен к пяти годам исправительно-трудового лагеря (по обвинению в антисоветской агитации). Освобожден был в 1947 г. Художник работает в жанре своего рода «парадного портрета» – герой одет в деловую одежду, круглые очки – весь его образ говорит об интеллектуальном характере его труда. Его серьезный сосредоточенный взгляд говорит об уверенности, твердости и решительности. Раккурс изображения – снизу вверх, демонстрирует уважительное отношение к герою.

Рис. 6. М. Рудаков. Портрет политического заключенного А.С. Силина. 1944 г.

В Воркутинском лагере художник создает серию «Портреты неизвестных заключенных». «Доходяга» (1945) (рис. 7) – карандашный рисунок, сделанный Рудаковым в 1945 г. На портрете изображен изможденный мужчина, сидящий на постели. Он настолько худ, что зрителю не видно его ног под тонким байковым одеялом. По положению его рук можно предположить, что они

были обморожены, так как пальцы крепко сжаты и обернуты тканью. Важным элементом является осанка героя – наклон туловища выражает усталость, нездоровье и отчаяние. Несмотря на то что художник не прорисовывает детально черты лица заключенного, видно, что его взгляд потухший, уголки губ опущены, нос и скулы заострились. Интересно, что на портрете не изображены зрачки: из-за чего мы не можем определить направление взгляда героя, его взгляд «расфокусирован», что добавляет больше эмоционального окраса типично бытовой лагерной сцене.

Рис. 7. М. Рудаков. Доходяга. 1945 г.

Другая работа художника из этой серии – «Молодой ээк» (1945) (рис. 8) – портрет молодого заключенного Воркутинского лагеря, выполнен в реалистичной манере. Художник пишет лицо героя с близкого расстояния, тщательно изображая его черты: вид заключенного, даже в условиях лагеря, еще свежий – густые брови и ресницы, довольно пухлые губы и щеки, этот молодой человек еще не растерял свое здоровье и запас жизненных сил. Невозможно ничего сказать о его положении в лагере, о характере его труда, однако по внешнему виду и тепло укутанной шее можно предположить, что по сравнению с другими заключенными его положение более выигрышное.

Рис. 8. М. Рудаков. Молодой зэк. 1945 г.

Георгий Карлович Вагнер – доктор искусствоведения, исследователь, философ и художник. Десять лет Вагнер провел в магаданских лагерях, работал на золотых приисках, сумел, несмотря на тяжелые условия, не только выжить, но и по возвращении добился успехов в научной работе [7].

В 1937 г. Георгий Вагнер был впервые арестован вместе с группой представителей местной интеллигенции за высказывания против разрушения памятников архитектуры. Обвинен в «антисоветской агитации и участия в контрреволюционной группировке». В этом же году Вагнер был приговорен к пяти годам исправительно-трудового лагеря, и отправлен на Колыму. С этапом он прибыл на самый отдаленный от Магадана прииск «Мальдяк». В заключении он работал землекопом, строителем, чертежником, трудился на разработках руды, и на заготовке дров.

В лагере Вагнер создает серию акварельных зарисовок лагеря. На картине «Мартовское. Вечер в старом забое» (1945) (рис. 9)

художник изображает насыщенный по цветовой гамме пейзаж. Необходимо отметить, что забой – это поверхность отбитой горной массы (полезных ископаемых или горной породы), которая перемещается в процессе горных работ. Следует обратить внимание на то, что, несмотря на сложные и изматывающие работы на Колыме, художник пытается передать окружающую его природную красоту. И становится интересно, как природные явления влияют на сознание человека. Находясь в заключении, эмоциональное состояние художника как будто бы поддерживает природа – закаты, рассветы, сумерки и северные сияния. И в следующих картинах можно найти визуальное подтверждение данному тезису – природные явления, изображаемые Георгием Вагнером, занимают основное место в картинах художника – как по колористическому решению, так и композиционно – так как находятся в центре композиции.

Рис. 9. Г. Вагнер. Мартовское. Вечер в старом забое. 1945 г.

Ряд работ Георгия Вагнера посвящен именно природным явлениям, которые впечатлили художника и остались в его памяти. Например, это картина «Мартовское. Колыма» (1946) (рис. 10), в которой художник почти две трети пространства картины отдает северному сиянию, изображая его мощным явлением, которое словно подавляет все вокруг. У подножия заснеженных гор мы можем увидеть заключенных, которые работают в ночное время суток – занимаясь бурением скважин. Возможно, именно северные сияния являлись для ночных работников основным источником света в темное время суток. Художник делает акцент на игре светотени – контрасте между светло- и темно-голубыми цветами. На картине «Сумерки. Колыма» (1946) художник вновь показывает, как природные явления превалируют и поглощают мир земной. На первый взгляд, может показаться, что на данной картине изображено наводнение: огромная волна вот-вот захлестнет берег. Однако, исходя из названия картины, понятно, что полутьма существует между заходом солнца и наступлением ночи, это художник передает, используя темно-зеленые и небесно-голубые оттенки. На переднем плане Г. Вагнер вновь изображает рабочие дни заключенных: бурение мерзлого грунта.

Рис. 10. Г. Вагнер. Мартовское. Колыма. 1946 г.

Петр Эмильевич Бендель – советский художник, график, член Союза художников, отбывавший наказание в немецком лагере, а после – за шпионаж в Воркутлаге. Бендель много работал в жанре портрета и именно с этим жанром искусства связана легенда о его аресте: портрет Сталина, написанный Бенделем, был размещен на здании НКВД на Лубянке. Полотно было склеено из нескольких прямоугольных частей, и когда пошел дождь, и полотно намокло, возникла иллюзия, что на парадном портрете вождя изображена решетка.

Как и некоторым другим художникам, в лагере искусство буквально помогло Бенделю выжить: он писал портреты солагерников и охранников, благодаря чему мог заработать бесценную в условиях голода пайку. Благодаря помощи администрации Воркутинского драматического театра Петр Эмильевич был переведен на свободное поселение – он рисовал эскизы театральных костюмов и оформлял спектакли.

До конца жизни художник дружил с Михаилом Сергеевичем Дорном, театральным директором и концертным администратором. Сохранился портрет Михаила Дорна (рис. 11), созданный художником в Речлаге (Воркута). На портрете изображен молодой человек, прямо смотрящий на зрителя. Нет никаких черт, указывающих, что он находится в условиях лагеря: это облик спокойного и здорового человека, одетого в повседневную одежду. Михаил Дорн на портрете улыбается лишь одним уголком рта, что придает его лицу ироничное, доверительное, дружеское выражение. Многие из заключенных лагерей отмечали, какое колоссальное значение приобретала дружба в условиях тюрем и лагерей. Сам Михаил Дорн позднее вспоминал: «...именно лагерь предоставил мне шанс познакомиться с очень интересными людьми, с которыми я уж точно нигде, кроме этого злополучного места, не мог встретиться» [8].

Портрет актрисы Воркутинского театра Н.И. Глебовой в роли Марицы (1946) (рис. 12) выполнен акварелью на бумаге. На портрете изображена Наталья Ивановна Глебова, заслуженная артистка Республики Коми, первая исполнительница роли Сильвы в Воркутинском театре. До ареста работала в театре оперетты Ростова-на-Дону. В воркутинском музыкально-драматическом театре служила с 1943 по 1952 г.

Рис. 11. П. Бендель. Портрет М.С. Дорна. 1940-е гг.

Рис. 12. П. Бендель. Портрет актрисы Воркутинского театра
Н.И. Глебовой в роли Марицы. 1946 г.

Необходимо отметить, что в отличие от других рассмотренных нами работ, портреты П. Бенделя отличаются большей детализацией. Художник делает акцент на прорисовке как лица изображаемого человека, так и передаче его эмоционального состояния. Также такой результат достигается следующим: художник выбирает сложный ракурс, грамотно работает как с цветом, так и со светотенью. Вместе с этим художник не вписывает изображаемого человека в какой-то композиционный сюжет: есть только намек на окружающую среду в виде акварельной заливки или же небольшого наложения штрихов по очертанию силуэта.

Таким образом, искусство ГУЛАГа является частью неофициального, нонконформистского искусства советского периода. Репрессированные художники, которых обвиняли по политическим статьям Уголовного кодекса РСФСР, были приговорены к расстрелу или как минимум были вынуждены отбывать длительный лагерный срок.

Становясь частью системы ГУЛАГа, многие художники-заключенные не переставали заниматься искусством. Лагерная живопись и графика, несмотря на отсутствие качественных художественных материалов, выполнена в различных техниках: бумагу, карандаш, акварельные краски и кисти они брали по «месту работы» – в клубах или в мастерских. Скорее всего, возможность использования материалов зависела от того, в каких условиях находился определенный художник, от его деятельности в лагерной системе, от количества свободного времени, которое можно было посвятить творчеству.

С началом войны в официальном советском искусстве набирают популярность лозунги: «Все для войны! Все для фронта!» и «Все для войны! Все для победы!». Но если говорить об искусстве ГУЛАГа, то здесь можно отметить, что художники-заключенные в самой меньшей степени рефлексировали над военными событиями: чаще всего их работы посвящены повседневной лагерной жизни.

Наиболее значимым и часто встречающимся жанром лагерного искусства в период Великой Отечественной войны становится портрет: чаще всего художники изображают солагерников. Темы и сюжеты в этот период сводятся к лагерной повседневности: бытовые занятия и сюжеты. Для сравнения – в послевоенный период художники-заключенные гораздо чаще пишут иллюстрации к

литературным произведениям, создают фантастические и абстрактные работы (примерами могут служить лагерные картины и зарисовки Бориса Свешникова и Евы Левиной-Розенгольц).

Предположительно, такая незначительная рефлексия над актуальными историческими событиями 1940-х гг. со стороны художников, отбывающих наказание в исправительно-трудовых лагерях, обусловлена следующим: внутри системы ГУЛАГа существовал свой собственный обособленный мир с ежедневной борьбой за жизнь.

Список литературы

1. База данных Виртуального музея ГУЛАГа [Электронный ресурс] // Фонды: КП-41, КП-37. – URL: <http://www.gulagmuseum.org/> (дата обращения: 20.09.2020).

2. Каталог выставки произведений заслуженного художника РСФСР Михаила Захарьевича Рудакова (1914–1985): Живопись. Графика / Моск. союз художников, Союз художников РСФСР. – М.: Советский художник, 1991. 59 с.

3. Творчество и быт ГУЛАГа. Каталог музейного собрания Общества «Мемориал» / ред. Л.С. Еремина, Г.П. Конечна, Е.Л. Новицкая. – М.: Звенья, 1998. – 208 с.

4. Подледнов Д.Д., Казанцева Е.Д. Узник Усольяга: художественный язык К.П. Ротова // Творческая интеллигенция в Прикамье в 1920–1950 гг. Личность и власть: материалы IV Всероссийской научно-практической конференции (Пермь, 30–31 октября 2019 г.). – Пермь: Изд-во Перм. нац. исслед. политехн. ун-та, 2020. 153 с.

5. Галерея «Ковчег»: Мария Мыслина [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.kovcheg-art.ru/exhibitions/387-mariamislina> (дата обращения: 15.09.2020).

6. Репрессированные художники, искусствоведы: Рудаков Михаил [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.sakharov-center.ru/asfcd/khudozhniki/?t=page&id=381> (дата обращения: 10.10.2020).

7. Воспоминания о ГУЛАГе и их авторы: Вагнер Г.К. [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.sakharov-center.ru/asfcd/auth/?t=author&i=1223> (дата обращения: 20.10.2020)

8. Фолкинштейн М. // 3–203, 2017 // Памяти Михаила Дорна // Страстной бульвар, 10. – 2017. № 3-203. – С. 139–149.

СОЦИАЛЬНО ОПАСНЫЕ ДЕТИ

В.В. Дегтярников,
заведующий отделом
информационно-просветительской
деятельности Мемориального
музея-заповедника истории
политических репрессий «Пермь-36», Пермь
plevna1579@gmail.com

С.А. Шевырин,
канд. ист. наук,
заведующий научно-методическим отделом,
Мемориального музея-заповедника
истории политических репрессий
«Пермь-36», Пермь
shewirin@mail.ru

Аннотация. Рассматривается особый исторический источник – фотоальбом. Этот фотоальбом рассказывает нам о детской трудовой колонии времен ГУЛАГа. Визуальные данные, подкрепленные и уточненные архивными документами, открывают нам, долгое время, засекреченный мир детских колоний ГУЛАГа – труд и быт подростков и совсем еще детей.

Ключевые слова: ГУЛАГ, детская колония, социально опасный, Кунгур, труд, заключение.

SOCIALLY DANGEROUS CHILDREN

Vyacheslav Degtyannikov,
Head of the Department of Information and Educational Activities
Memorial Museum-Reserve of the History
of Political Repression "Perm-36", Perm
plevna1579@gmail.com

Sergey Shevyrin,
Ph. D., Head of the Scientific and Methodological Department,
Memorial Museum-Reserve "Perm-36", Perm
shewirin@mail.ru

Abstract. The article considers a special historical source – a photo album. This photo album tells us about the GULAG – era children's labor colony. Visual data, supported and refined by archival documents, reveal to us, for a long time, the secret world of the GULAG children's colonies – the work and life of teenagers and very young children.

Keywords: GULAG, children's colony, socially dangerous, Kungur, labor, imprisonment.

Летом 2020 г. частный коллекционер Михаил Кориненко передал в фонды мемориального музея-заповедника истории политических репрессий «Пермь-36» электронную копию фотоальбома Кунгурской трудовой колонии № 1 Управления НКВД по Молотовской области (рис. 1).

Рис. 1. Обложка альбома

Колония, в которой содержались «малолетние преступники», располагалась некогда на территории бывшего Иоанно-Предтеченского женского монастыря [1]. Фотографии из этого альбома публикуются впервые.

Создавать подобные альбомы было весьма популярным занятием у сотрудников НКВД. Фотосессии, как сказали бы сейчас, естественно, были постановочные. Фотограф должен был запечатлеть счастливые лица уверенно вставших на нелегкий и, порой, тернистый путь исправления заключенных. В данном случае – за-

ключенных детей. Многим из них только – только исполнилось 10–12 лет. Карточки и пояснительные записи к ним из нашего альбома подтверждают этот факт. Как, например, фотография занятий в 5 «а» классе (рис. 2).

Рис. 2. Школа, 5 «а» класс

И это не единственное свидетельство, которое нам предоставляет альбом. На одной из страниц альбома – фотография некоего Карпова-Воробьева. Надпись на обороте гласит: «На память Ю.П. Бельскому от Г. Карпова-Воробьева. Пенза. Музыкальное училище. I курс. 14.III.52 года». При помощи сотрудников Пензенского музыкального колледжа им. Александра Архангельского нам удалось установить, что Карпова-Воробьева звали Геннадий, и он успешно окончил музыкальное училище по классу валторны 28 июня 1955 г. (рис. 3).

Рис. 3. Г. Карпов-Воробьев

На фотографии духового оркестра Кунгурской детской колонии во втором ряду хорошо видно смуглого юношу, который как раз играет на валторне. И если сравнить фотографию учащегося I курса Пензенского музыкального училища и этого смуглого юноши, можно сделать вывод, что это один и тот же человек. На фотографии из колонии ему 11–12 лет, на фотографии из Пензы ему 15–16 лет, именно в этом возрасте принимают в музыкальное училище. Можно предположить, что альбом принадлежал Ю.П. Бельскому, который и вклеил в него в 1952 г. фотографию, присланную другом детства Геннадием Карповым-Воробьевым (рис. 4).

Рис. 4. Духовой оркестр

Снимок руководства трудовой колонии, вышеизложенные факты и акты прокурорской проверки позволяют установить предположительный период, когда были сделаны эти снимки для альбома. На кителе офицеров НКВД мы видим погоны, они появились в Советской армии после реформы, в начале 1943 г. соответственно фотографии были сделаны после этого периода.

Еще одно попутное открытие, которое удалось сделать в процессе работы по изучению альбома на основании этой же фотографии. Человек без погон, он на фото крайний слева – это Илларион Прокопьевич Бондюгов. Он в дальнейшем станет начальником детской колонии в Кунгуре, а затем, в 1962–1963 гг., будет

начальником колонии «Пермь-36». Сейчас мы готовим поездку в семью Бондюгова, очень надеемся, что она позволит нам установить еще ряд фамилий (рис. 5).

Рис. 5. Руководство трудколони

Известно, что в ноябре 1945 г. в Трудовой колонии № 1 Управления НКВД по Молотовской области началась прокурорская проверка. После ее окончания вышло специальное постановление Бюро Молотовского обкома ВКП(б) от 11 декабря 1945 г. «О серьезных недостатках в работе Кунгурской трудовой колонии УНКВД». Прежнее руководство колонии уволили [2, ф. 105, оп. 12, д. 161, л. 3–4]. Назначили нового начальника – товарища Орлова, при этом в документах особо отмечается, что он имеет опыт педагогической работы. Сменили и название колонии, в него добавили слово «воспитательная». Далее в справке, направленной в обком ВКП(б), говорится, что только новое руководство организовало производственное обучение, создало самодеятельные кружки – духовой оркестр, акробатический, баянистов. Все эти нововведения мы и видим на снимках. Соответственно альбом снимали после осени 1945 г., но не позднее 1952 г., так как в это время Геннадий Карпов-Воробьев уже учился в Пензенском музыкальном училище.

Запрос прокуратуры СССР «О содержании в лагерях и исправительно-трудовых колониях несовершеннолетних заключенных» от 03.01.1945 г. и ответ на него прокурора Молотовской области дают представления об условиях содержания детей в Кунгурской колонии во время войны: «В большинстве случаев несовершеннолетние обуты и одеты в бушлаты взрослых. Обувь и одежда не первого сезона носки, вся реставрированная, поэтому не имеет хорошего вида, так как грязная, заношенная. ... Аналогичное положение и с питанием. Наряды на мясо, рыбу, масло, сахар ГУ-ЛАГом высланы с опозданием, ... поэтому не представляется возможным своевременно получить продукты. Поэтому производится замена одних продуктов другими... В результате калорийность не выдерживается» [3, ф. Р-1366, оп. 1, д. 653, л. 17]. Сохранилось и меню Кунгурской трудколони № 1 за ноябрь 1945 г., одинаковое для нескольких недель: «завтрак: суп из крупы и крапивы; обед: суп из крупы и крапивы, омлет; ужин: суп из крупы, чай». Кроме того, контрольное взвешивание обнаружило недочет в хлебной пайке и полное отсутствие овощей [3, ф. Р-1366, оп. 1, д. 633, л. 23, 72–73].

Известно, что к началу войны в Кунгурской детской колонии содержалось 1717 детей, на 500 человек больше, чем позволяли вместить лагерные бараки [4, ф. Р-9414, оп. 1с., д. 3117, л. 123]. В документах НКВД встречается такое понятие, как «лимит наполнения лагеря», это значит – количество нар, одежды и питания. В годы массовых репрессий, 1937–1938, количество заключенных резко возросло, «лимит наполнения», как и нашем случае, был значительно превышен. То есть по факту 500 детей Кунгурской колонии не имели индивидуального спального места.

Однако вернемся к фотоальбому, в нем мы находим и несколько фамилий «социально опасных детей», содержавшихся в колонии. Например, на этих фотографиях запечатлены акробатические этюды в исполнении воспитанников коллектива № 2 Коваленко и Сафронова. Вдали, сразу за участниками этюда, хорошо просматривается колючая проволока, которая по периметру окружала всю детскую зону с двумя жилыми бараками и производственными помещениями (рис. 6).

Рис. 6. Акробатический этюд

Еще на ряде фотографий мы также видим внушительные заборы, окружающие «детскую» и «производственную» зону. Надо сказать, что в данном случае «коллективами» назывались отряды, в которых находились малолетние заключенные, каждый из отрядов располагался в отдельном жилом бараке. Спали дети на двухъярусных деревянных нарах. Нары эти можно увидеть и в нашем альбоме на фотографии красного уголка коллектива № 1 в левом углу снимка. Для постановочной фотографии их стыдливо прикрыли пестрой занавеской (рис. 7). Акты прокурорских проверок, которые пройдут здесь в 1945 г., зафиксируют факт, что дети в Кунгурской колонии были размещены в двух бараках с 4-хместными нарами «вагонной системы» [3, ф. Р-1366, оп. 1, д. 633, л. 72].

Объектив камеры запечатлел и суровые лица подростков, разбирающих на товарищеском суде недостойное поведение солдагерника. Надпись на странице альбома сообщает, что мы наблюдаем заседание конфликтной комиссии в коллективе № 1 (рис. 8).

В альбоме зафиксирована и практика использования детского труда на тяжелых производствах. Мы видим кадры работавшей на детской зоне лесопилки. Запечатлен и подросток в рабочей робе в машинном отделении генератора электростанции. Сохранившиеся документы позволяют утверждать, что детский труд использовали и на лесоповале. У детской колонии была своя лесосека [4, Р-9414, оп. 1а, д. 1219, л. 3–4]. Также известно, что в Кунгурской колонии был свой кожевенный завод, обувная фабрика, баянный и трикотажный цеха, две сельскохозяйственные фермы в пригороде [3].

Рис. 7. Уголок коллектива №1

Рис. 8. Заседание конфликтной комиссии

Рис. 9. Лесопильный цех и машинное отделение

В Кунгурской детской колонии одновременно содержались дети обоих полов. На фотографиях мы видим и мальчиков, и дево-

чек. Документы также подтверждают этот факт: в 1934 г. здесь находились 800 «воспитанников» – так называли заключенных трудовой колонии, из них 210 девочек (рис. 9, 10) [1].

Рис. 10. Цех

Фотографии альбома фиксируют и большое количество тяжелой техники, которую использовали в колонии, ее, естественно, дети в силу своего возраста обслуживать не могли. Из актов прокурорских проверок за июнь 1945 г. узнаем, что на производстве в качестве начальников цехов, мастеров и рабочих высокой квалификации работали взрослые заключенные, осужденные по 58-й статье. Этот факт, по мнению прокурора, крайне вредно сказывался на подрастающем поколении [3, ф. Р-1366, оп. 1, д. 633, л. 71]. Информация дошла до заместителя министра внутренних дел СССР товарища Обручникова. Последний своим приказом разрешил работать взрослым заключенным, осужденным по 58-й статье в детской колонии города Кунгура [3, ф. Р-1366, оп. 1, д. 634, л. 20].

Начиная с 1930 г. большую часть «воспитанников» колонии составляли так называемые «социально опасные дети». То есть дети, родители которых репрессированы за контрреволюционную деятельность органами НКВД [2, ф. 643/2, оп. 1, д. 26867, л. 78]. За такими детьми велось особое наблюдение, и за малейшие провинности на них заводили уголовные дела. Так, в 1938 г. нескольких воспитанников Кунгурской колонии обвинили в «террористических намерениях». Далее цитата: «...ночью собирались, вели

разговоры о тайге, о прочитанных книгах, о возможности построения гиперboloида системы инженера Гарина, ... при помощи которого можно бы было уничтожить работников НКВД» [2, ф. 641/1, оп. 1, д. 4772, л. 8об.].

В начале 1940 г. при колонии было организовано отделение для содержания осужденных несовершеннолетних за опоздания на учебу или работу².

История ГУЛАГа и его составляющей – детских трудовых колоний – долгое время оставалась засекреченной. Открытие архивов, включающих и такие фотоальбомы, позволяет начать исследование этих проблем.

Список источников

1. Журнал «На верном пути» Кунгурской трудовой коммуны Управления НКВД по Свердловской области за 1934 г. // ГАРФ. Научная библиотека. 040775.

2. ПермГАСПИ. Ф. 641/1. Оп.1. Д. 4772. Л.8об.

3. Государственный архив Пермского края (ГАПК).

4. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ).

² Указы от 26 июня «О переходе на 8-часовой рабочий день, на 7-дневную рабочую неделю и о запрещении самовольного ухода рабочих и служащих с предприятий, и учреждений», 10 июля «Об ответственности за самовольные отлучки и дезертирство», 28 декабря 1940 г. «Об ответственности учащихся ремесленных, железнодорожных училищ и школ ФЗО за нарушение дисциплины и за самовольный уход из училища (школы)».

ОСОБЕННОСТИ ПРОИЗВОДСТВА И ПРИМЕНЕНИЯ НОРИЛЬСКИХ ОКСИЛИКВИТОВ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

*Н.С. Бояркина,
заместитель директора
Музейно-выставочного комплекса
«Музей Норильска», Норильск
zam_nauka@norilskmuseum.ru*

Аннотация. Оксидиквиты – одна из ярких и трагических страниц в истории Норильского промышленного района. Для его изучения в 1942 г. была открыта лаборатория, а затем построен оксидиквитный завод, где с июня 1943 г. началось промышленное применение оксидиквита. С его помощью за первые три года применения в карьере рудника открытых работ «Угольный ручей» раздробили свыше миллиона тонн горной массы. Каждые 700 граммов оксидатронов заменяли килограмм аммонита. Впоследствии новую взрывчатку стали использовать и на других открытых рудниках Норильского комбината. Пока не отказались от нее в 1957 г.

Ключевые слова: оксидиквит, оксидатрон, взрывчатка, Норильск, история Норильска, норильский комбинат, оксидиквитный завод.

FEATURES OF PRODUCTION AND USE OF NORILSK OXYLIQUIT DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR

*Natalia Boyarkina,
Deputy Director of the Municipal Budgetary Institution
Museum Exhibition Complex "Norilsk Museum", Norilsk
zam_nauka@norilskmuseum.ru*

Abstract. Oxygen explosives or oxyliquits represent bright and tragic pages in the history of the Norilsk industrial region. In 1942 a laboratory had been established to study the matter, and then an oxyliquit plant was built

where the industrial use of oxyliquit began in June 1943. With its help, in the first three years of use in the quarry of Coal Stream open – pit mine, over a million tons of rock mass were crushed. Every 700 grams of oxygen cartridge replaced a kilogram of ammonite. Subsequently, new explosives began to be used at other open – pit mines of the Norilsk Combine until it was abandoned in 1957.

Keywords: oxygen explosive, oxyliquit, oxygen cartridge, explosive, Norilsk, Norilsk history, Norilsk Combine, oxyliquit plant.

Впервые оксиликвиты (от латинского *oxygenium* – кислород и *liquidus* – жидкий) применили в Италии в 1899 г. во время строительства Симплонского тоннеля в Альпах. Затем взрывчатку на жидком кислороде использовали Франции в 1914–1918 гг. [1, с. 2], в Китае, Корее, в Чили и в США [2, с. 2]. В 1927–1933 гг. их начали применять в СССР – на строительстве ДнепроГЭСа, а во второй половине тридцатых – при добыче медной руды в Коунраде [3, с. 3]. Однако несколько неожиданных взрывов, унесших человеческие жизни, остановили применение оксиликвитов в СССР.

Решено было вернуться к ним в 1938 г. в Норильске, когда по настоянию Авраамия Павловича Завенягина был взят курс на разработку месторождений методом открытой горной добычи.

Авраамий Павлович приехал в строящийся поселок Норильск в апреле 1938 г. для вступления в должность начальника Норильскстроя и ИТЛ НКВД СССР [4, с. 800]. Он понимал важность создания хорошей рудной базы для будущего металлургического производства, значение четкой организации и механизации работ и он считал ошибочным первоначальное решение о строительстве в Норильске поселка на две тысячи жителей исключительно для мужчин, со сменой людей через три года. Поэтому Авраамий Павлович внес проектировщикам ряд предложений, одно из которых касалось организации вместе с подземной открытой добычи угля и руды [5, с. 164].

Огромный масштаб открытых горных работ в суровых условиях Заполярья, оторванность Норильского комбината от транспортных магистралей потребовали принятия принципиально новых решений при выборе взрывчатого вещества. Необходима была разработка и освоение нового местного мощного и экономичного взрывчатого вещества, поэтому горняки пришли к выводу о необходимости применения оксиликвитов. Однако ни в советской, ни в

зарубежной практике взрывных работ не было до сих пор безопасных и простых в обращении оксиликвитов, что вынудило создавать новый оксиликвит собственными силами [1, с. 3].

С этого времени начинается работа над техническим проектом комбината по изготовлению в Норильске оксиликвитов для открытых горных разработок (рис. 1).

Рис. 1. Панорама Норильска. 1938 г.

Проект предусматривал применение сложного поглотителя из смеси 60 % активированного угля, 30 % торфа и 10 % металлического порошка (чугунных опилок), помещенного в специальную оболочку из мешковины. Экспертиза с участием известного ученого, академика А.А. Скочинского одобрила проект, указав на необходимость предварительного проведения ряда научно-исследовательских работ с оксиликвитами в Норильске.

В марте 1942 г. была организована исследовательская группа и создана Норильская оксиликвитная лаборатория [1, с. 10]. Её открыли в здании, построенном на одном из склонов горы Рудной.

С этой лаборатории, организаторами которой были инженеры Алексей Дмитриевич Яхонтов и Юрий Натанович Зинюк, и началось многолетнее исследование и самое широкое промышленное применение оксиликвитов.

Горный инженер Яхонтов – молодой инженер и доцент Московского горного института, был направлен в Норильск в конце 1941 г. и назначен начальником оксиликвитного завода, только еще рождавшегося в чертежах проектной конторы комбината. Начал он с подбора кадров. Естественно, что специалистов столь редкой области в Норильске не было. Но нашлись люди, знакомые с взрывчаткой [16, с. 17].

С первых дней существования оксиликвитной лаборатории её начальником стал Юрий Натанович Зинюк, активно возглавив все исследования. Заключенный Норильлага Зинюк – в прошлом артиллерийский инженер-химик, ленинградец, участник Гражданской войны. В 1932 г. окончил Военно-техническую академию им. Дзержинского. До ареста в 1937-м – крупный инженер, прирожденный исследователь, один из авторов проекта и ведущих инженеров-химиков Кемеровского комбината – первенца химической промышленности СССР. С июня 1939 г. Ю.Н. Зинюк отбывал в Норильске десятилетний срок по целому «букету» пунктов 58-й статьи [7, с. 2].

Оксиликвитная лаборатория начала свою работу с детального изучения намеченных составных частей поглотителя: активированного угля и торфа – сфагнома.

В ходе исследовательских работ, в которых приняли активное участие заключенные Норильлага, было установлено, что запроектированный состав основы оксиликвита – поглотитель жидкого кислорода – можно заменить лучшим, более дешёвым и целиком местным – одним мхом-сфагнумом, которого в норильской тундре неисчислимо множество [8, с. 1]. Это избавляло комбинат от необходимости завоза большого количества дерева крепких пород и строительства установки для получения активированного угля [1, с. 11].

Летом 1942 г. на горе Рудной, неподалёку от лаборатории, начали строить оксиликвитный завод. К осени строительство развернулось полностью.

Одновременно продолжались исследовательские работы, которые показали, что мох-сфагнум не нуждается в измельчении, как планировалось первоначально, гораздо лучше использовать его в естественном волокнистом состоянии, спрессовав в патроны (рис. 2).

Технология производства поглотителя от этого значительно упростилась [9, с. 14].

Выяснилось, что оксиликвит на мхе сфагнуме обладал хорошими взрывчатыми свойствами, был более мощным, безопасным, менее чувствительным к случайному удару и другим воздействиям, вызывавшим неожиданные взрывы, и оксипатрон не требовал оболочки [10, с. 23].

Рис. 2. Оксипатрон

К весне 1943 г., когда в обоих цехах оксиликвитного завода начали монтировать оборудование, заключенные Норильлага Антон Сильверстович Вейшнер, Марк Шевельевич Кантор, бывший студент-механик, и Анатолий Иванович Муратов, прибывший с Соловков слесарь-инструментальщик, получивший десять лет по 58-й статье, с помощью техника-электрика Николая Евгеньевича Демина, который первую часть срока отбывал на строительстве Комсомольска-на-Амуре, сконструировали и изготовили прессы для промышленного производства патронов мха-сфагнума. Размеры, плотность и другие параметры патронов были рассчитаны в лаборатории. Прессы смонтировали в цехе поглотителей, проект которого был создан заново, и начали штамповать торфяные цилиндры. Началось промышленное изготовление прессованных оксипатронов.

Рис. 3. Оксидный завод в Норильске. 1942 г.

В самом начале лета пустили кислородную установку ВАТ (Всесоюзного автогенного треста), эвакуированную в Норильск из Днепропетровска, – аппарат мощностью 130 кубометров газа в час – и начали выработку жидкого кислорода (рис. 3, 4).

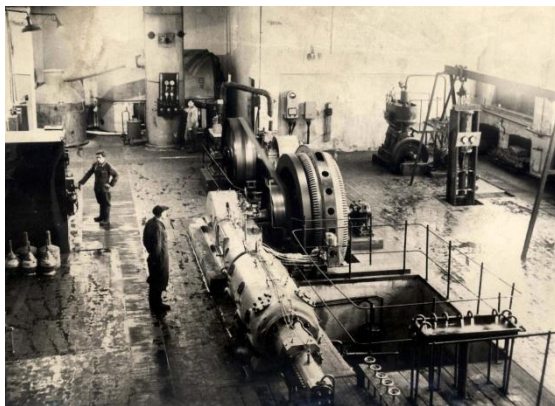

Рис. 4. Внутренний вид цеха жидкого кислорода Оксидного завода. 1940-е гг.

В середине 1943 г. было проведено несколько опытных взрывов скважин на полигоне, и 23 июня 1943 г. был осуществлен первый опытно-промышленный взрыв скважин на руднике «Угольный ручей». Первоначально, как и было предусмотрено проектом, сухие патроны поглотителя опускали в скважины, про-

буренные на уступах рудника. Над каждой скважиной устанавливали бак с жидким кислородом и выливали его внутрь скалы на патроны [11, с. 16]. Это была сравнительно безопасная система зарядки. Не надо было манипулировать с патронами оксидквита – он образовывался внутри скважины. Но большая часть кислорода уходила на охлаждение скважин, качество полученного оксидквита не поддавалось контролю, взрывали его вслепую, то пересыщенным, то недонасыщенным. В результате горная масса рыхлилась неравномерно [12, с. 28].

Тем же летом, после нескольких взрывов А.Д. Яхонтов и Ю.Н. Зинюк от этой технологии отказались. В лаборатории срочно изучили и опробовали более совершенный способ, которым и пользовались затем несколько лет.

Рис. 5. Насыщение кислородом оксипатронов (справа Ю.Н. Зинюк). 1943 г.

Патроны поглотителя заливали кислородом в специальных ящиках – термосах, которые по чертежам М.Ш. Кантора изготовляли в механической мастерской завода (рис. 5). Везли заполненные ящики в карьер, там извлекали патроны крючками, осторожно переносили к скважинам и опускали в них на других крючках. Несколько патронов в каждой скважине обматывали детонирующим шнуром, его концы соединяли в общую сеть с капсулями-детонаторами [13, с. 37]. Когда все скважины были заполнены и сеть смонтирована, поджигали бикфордов шнур или включали взрывную электрическую машинку, подсоединенную к тонким прово-

дам электрокапсюлей, и производили взрыв. Всё, за исключением капсулей, детонирующего шнура, проводов и машинок, изготавливали на оксиликвитном заводе [6, с. 206].

Рис. 6. Закладка патронов из торфа-сфагнома в термосы для перевозки к месту взрыва. 1944 г.

С этого времени началось промышленное применение оксиликвита на открытых горных работах в Норильске. Оксиликвит применялся на самых разнообразных видах взрывных работ: массовое взрывание скважин канатно-ударного бурения, взрывание колодцев, шпуров при проходке минных штолен при прострелке скважин и дроблений негабаритов после массовых взрывов твердой взрывчаткой [14, с. 24].

Месяц от месяца применение оксиликвита расширялось. Стало возможным отказаться от привоза в Норильск многих сотен тысяч тонн так называемой твердой взрывчатки – аммонитов, тротила и т.д., которые нужны были фронту (рис. 6–8).

За первые три года применения на руднике «Угольный ручей» взорвали более четырехсот тонн оксиликвита, вскрыв свыше миллиона тонн горной массы самых крепких пород [15, с. 106].

Строительство в Норильске завода для оксиликвитов, изобретение нового, более эффективного их сорта, разработка технологии его заводского изготовления, проведение без помощи учёных центра сложнейших и опаснейших опытов по изучению всех свойств нового оксиликвита, проектирование, испытание и вне-

дрение в горные работы технологии его применения – имело огромную государственную значимость (рис. 9).

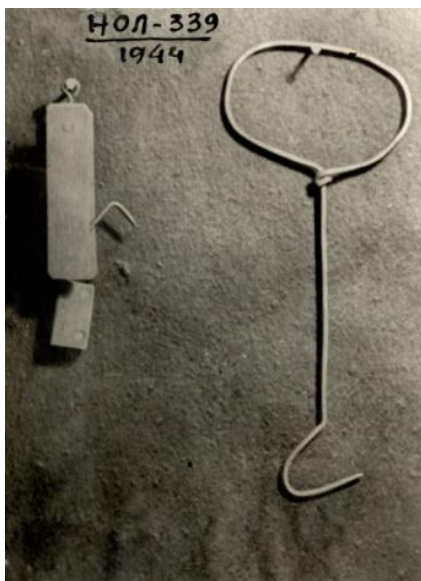

Рис. 7. Крючок для выемки оксипатронов из термосов. 1944 г.

Рис. 8. Выемка насыщенных кислородом оксипатронов. 1944 г.

Летом 1944 г. оксиликвитный завод посетил А.П. Завенягин, уже в должности заместителя Народного комиссара внутренних дел СССР, и остался доволен проведенной работой, высоко оценив деятельность А.Д. Яхонтова, Ю.Н. Зинюка и руководимых ими коллективов. А позже в этом же году Главным управлением горно-металлургической промышленности НКВД СССР были рассмотрены и утверждены НКВД СССР «Временные правила производства и применения оксиликвитов на открытых горных работах», разработанные Норильским комбинатом [16, с. 1].

Рис. 9. Заряжение скважин оксиликвитом на руднике «Гора Рудная». 1944 г.

В 1945 г. А.Д. Яхонтов участвовал с докладом на заседании технического совета Главкислорода при Совнаркомом СССР. Московское научное сообщество высоко оценило работу норильчан, отразив свое мнение в протоколе заседания за подписью председателя технического совета академика П.Л. Капицы:

«СЛУШАЛИ: Промышленное применение оксиликвитов на Норильском никелевом комбинате – доклад начальника оксиликвитного завода Норильского комбината А.Д. Яхонтова.

РЕШИЛИ: Доклад инж. А.Д. Яхонтова о промышленном применении оксиликвитов на Норильском никелевом комбинате принять к сведению.

Отметить инициативу работников Норильского никелевого комбината НКВД, успешно осуществивших в промышленном

масштабе использование жидкого кислорода для производства горно-взрывных работ.

Считать желательным организацию экспериментального производства и применения оксиликвитов еще на одном руднике (помимо Норильского комбината и Коунрадского рудника) для проверки спорных моментов, возникших в результате опытов, проводимых в различных почвенно-климатических условиях.

Просить Горный институт Академии наук СССР (академика Скочинского) детально обсудить в среде специалистов опыт промышленного применения оксиликвитов на Норильском никелевом комбинате, выявить неясные вопросы и наметить необходимые мероприятия по разрешению этой важной народнохозяйственной проблемы» [17, с. 1].

Тем временем оксиликвит в Норильске применялся уже не только на горных работах, но и в строительстве. Когда начинали возводить одно из крупнейших сооружений Норильска – Большую обогатительную фабрику – им пользовались для изготовления огромных котлованов под фундаменты.

Работа по его изучению и применению в Норильске была удостоена в 1950 г. высокой государственной награды. В центральных газетах было опубликовано постановление Совета Министров СССР о присуждении Сталинских премий видным деятелям науки и техники, литературы и искусства. Список лауреатов вошли известные в Норильске начальники. Им присудили премию третьей степени с формулировкой «за коренные усовершенствования методов производства открытых горных работ», слов «норильский оксиликвит» в постановлении Совмина не было.

Алексея Дмитриевича Яхонтова по формальным причинам не включили даже в предварительные списки кандидатов на Сталинскую премию. Фамилии Ю.Н. Зинюка и других заключенных Норильлага, представленных на награждение и указанные в документах, бесследно исчезли, а позже приказом начальника комбината и ИТЛ НКВД СССР им были оформлены денежные премии «за участие в разработке и применении оксиликвита» ... [16, с. 251].

За время применения оксиликвитов на предприятиях Норильского комбината при его помощи было взорвано более 8 млн тонн горной массы и было изготовлено 688 тонн оксиликвитов [18, с. 30]. Его выпуск прекратили и перешли на производство ки-

слорода только в 1957 г. [19, с. 2; 20], но за эти годы оксиликвит с честью выполнил свою историческую для комбината миссию (рис. 10).

Рис. 10. Материалы оксиликвитного завода из фондов Музея Норильска

Список литературы и источников

1. Итоги научно-исследовательской работы оксиликвитного завода «Оксиликвиты на открытых горных разработках» за подписями В.С. Зверева, И.В. Усевича, Ю.Н. Зинюка. – Норильск, 1948. – 214 с. // ПИ МН. ОФ 6309.

2. Норильский С.Л. Замечания по работе Асонова и Марченко «Обобщение отечественного и иностранного опыта применения оксиликвитов в горной и строительной промышленности». – Норильск, 1949. – 18 с. // ПИ МН. ОФ 3463.

3. Технический отчет № 173 по теме «Разработка методов применения оксиликвитов в условиях открытых горных работ Коунрадского рудника». – М., 1943. – 50 с. // ПИ МН. ОФ 6314.

4. Завенягина Е.А., Львов А.Л. Завенягин. Личность и время. – М.: МИСИС, 2006. – 872 с.

5. Алкацев Д.К., Трошев Ж.П. Авраамий Завенягин. – Красноярск: Красноярское книжное издательство, 1975. – 327 с.

6. Норильский С.Л. Сталинская премия. – Тула: Филиппок, 1998. 254 с. // Фонд редкой книги Музея Норильска. ОФ 12720/88.

7. Автобиография Зинюка Юрия Натановича. – Л., 1987. – 7 с. // Письменные источники Музея Норильска (ПИ МН). ОФ 6332.

8. Норильский С.Л. Черновик статьи «Норильский оксиликвит». – Тула, 1969. – 2 с. // ПИ МН. ОФ 13210/15.

9. Новая схема изготовления и применения непатронированных оксиликвитов на открытых горных и строительных работах. – Норильск, 1942. – 53 с. // ПИ МН. ОФ 8183.

10. Дневник опытных работ по взрыванию оксиликвитами. – Норильск, 1942. – 47 с. // ПИ МН. ОФ 3464.

11. Графические и чертежные материалы по изготовлению и применению оксиликвита. Материалы Норильской оксиликвитной лаборатории 1947–1950 годов. – Норильск, 1951. – 49 с. // ПИ МН. ОФ 8159.

12. Докладная записка о внедрении оксиликвитных взрывчатых веществ. – Норильск, 1943. – 40 с. // ПИ МН. ОФ 3468.

13. Отчетные материалы по результатам научно – исследовательских работах в 1942–1943 годах. – Норильск, 1948. – 70 с. // ПИ МН. ОФ 3474.

14. Материалы по производству и применению оксиликвита для взрывания на открытых горных работах Норильского комбината. – Норильск, 1948. – 83 с. // ПИ МН. ОФ 8158.

15. Оксиликвит на открытых горных разработках. Таблица опытов Норильской оксиликвитной лаборатории в 1942–1948 годах. – Норильск, 1948. – 147 с. // ПИ МН. ОФ 6316.

16. Временные правила производства и применения оксиликвитов для взрывания на открытых горных работах. – Норильск, 1944. – 29 с. // ПИ МН. ОФ 6321.

17. Протокол совещания при начальнике производственно-технического отдела Главного управления горно-металлургических предприятий НКВД СССР. – М., 29.06.1945. – С. 2. // ОФ 8180 – 5378.

18. Важнов М.Я. Норильский промышленный комплекс: этапы и перспективы развития. – Норильск, 1987. – Ч. 1. – 48 с.

19. Обращение коллектива рабочих и инженерно-технических работников Оксиликвитного завода к общественным организациям и администрации рудника «Медвежий ручей». – Норильск, 09.01.1956. – 2 с. // ПИ МН. ОФ 13060/5.

20. Информация № 471 «Применение оксиликвитов на железных рудниках Лотарингии». – М., 1957. – 31 с. // ПИ МН. ОФ 6323.

СПЕЦКОНТИНГЕНТ КЕРЧЕВСКОГО СПЛАВНОГО РЕЙДА В БОРЬБЕ ЗА ПОБЕДУ В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ

*Е.П. Куртенюк,
экскурсовод Чердынского краеведческого
музея им. А.С. Пушкина, Чердынь
kurtenok-e@mail.ru*

Аннотация. На основе архивных материалов и прессы говорится о работе Керчевского сплавного рейда в 1941–1945 гг. Рейд выполнял заказ Государственного комитета обороны СССР по заготовке и сплаву спецдревесины – авиасосны, оружейной болванки, пантонника, палубника и фанеры. Основной спецконтингент работников рейда – депортированные, трудпоселенцы и спецпереселенцы. Они жили и работали в очень тяжелых условиях, без нормального питания и медицинской помощи, полураздетые и полуголодные заготавливали и сплавливали лес. Получение в начале Великой Отечественной войны спецзаказа изменило отношение к рабочей силе, которую теперь нужно было беречь, так как с уходом мужчин в действующую армию работников стало не хватать. Самоотверженный труд этих людей помог приблизить победу над врагом, а их имена навечно вписаны в историю знаменитого рейда.

Ключевые слова: спецпоселок, спецконтингент, трудармейцы, депортированные, война, рейд, сплав, древесина, бригада, норма, план.

SPECIAL CONTINGENT OF THE KERCH RAFTING RAID IN THE STRUGGLE FOR VICTORY IN THE GREAT PATRIOTIC WAR

*Elena Kurtenok,
guide of the Cherdyn Local
Museum named after A.S. Pushkin, Cherdyn
kurtenok-e@mail.ru*

Abstract. On the basis of archival materials and the press, it is said about the work of the Kerch rafting RAID in 1941 – 1945. Reid fulfilled the order of the state Committee of Defense (GKO) of the USSR for the prepara-

tion and alloy of special wood – aircraft carrier, weapon blanks, pantonnik, deck and plywood. The main special contingent of RAID workers are deportees, labor settlers, and special settlers. They lived and worked in very difficult conditions, without proper food and medical care, half – naked and half – starved, harvested and rafted wood. Getting a special order at the beginning of the great Patriotic war changed the attitude to the labor force, which now had to be protected, since with the departure of men to the active army, there were not enough workers. The selfless work of these people helped bring victory over the enemy closer, and their names are forever inscribed in the history of the famous RAID.

Keywords: special settlement, special contingent, labor soldiers, deportees, war, RAID, alloy, wood, brigade, norm, plan.

В конце 20-х гг. в СССР активно начинает развиваться лесная промышленность. Чердынский край, богатый строевым лесом, одна из первых территорий Среднего Урала, где стали создаваться лесозаготовительные предприятия и сплавные конторы. В 1932 г. на реке Каме был организован Керчевский сплавной механизированный рейд. Первоначально в 1931 г. было заложено спецпоселение для репрессированных – людей, высланных из разных регионов страны для работы на заготовке и сплаве древесины. Через год открыта сплавная контора, немного позднее ставшая рейдом, который вошел в состав подразделений Усольлага. Поселок свое название получил от близлежащих деревень Верхнее и Нижнее Керчево. Строили его сами переселенцы. В 1932 г. в посёлке Керчевском проживало 500 человек. Вероятно, это была вторая массовая категория репрессированных по политическим мотивам – крестьяне, высланные с места жительства в ходе кампании «уничтожения кулачества как класса». Люди разных национальностей и из разных областей и республик СССР прибывали в Чердынский район семьями. Это татары, башкиры, болгары, немцы, финны, белорусы, украинцы. Зимой их доставляли гужевым транспортом, по «большой воде» – на пароходах и баржах. Прежде чем спецпереселенцы направлялись на рейд, они находились в других спецпоселках или временно размещались в Чердыни. Иногда неделями жили у костра под открытым небом, пока не получали распределение на поселение. В весенне-осеннее время такие ночевки были сносными. Но зимой многие уже не просыпались, ослабленные и больные умирали, хоронили их прямо в снегу. Умирали и от различных болезней – сыпного тифа, дизентерии, скарлатины, которые распространялись среди спецпереселенцев очень широко. Ме-

дицинская помощь в дороге людям не оказывалась, да и в поселках она была недостаточной или там вообще не было медработников.

На 1 января 1941 г. в поселке Керчевском было уже 609 человек из 209 семей, в том числе мужчин – 202, женщин – 223, детей до 16 лет – 184. Все они состояли на учете спецпоселений с обязательной ежемесячной отметкой в Чердынской райкомендатуре. На 1 марта 1941 г. в Керчевском числилось уже 1756 семей – 5899 человек [1, с. 107].

С 1 января 1945 г. открылась спецкомендатура НКВД в самом поселке Керчевском, вторая спецкомендатура НКВД находилась в спецпоселке Лесоруб Чердынского района. Из этого поселка поселенцев направляли на Керчевский рейд. Трудармейцы и переселенцы проживали в бараках, территория охранялась военными. За пределы проживания без пропуска выходить не разрешалось.

Жили в бараках все вместе – и семейные, и одинокие люди. Место проживания разделялось простыней. Работали по 10–12 часов, зимой на заготовке леса по пояс в снегу, с весны на сплотке древесины по пояс в воде. Грязные столовые, плохое питание и бытовые условия, тяжелый труд приводили к разным заболеваниям и травмам, а порой к инвалидности и смертности. Многие не выдерживали такой жизни и совершали побег с производства. Их находили и привлекали к судебной ответственности. Дисциплина для работников рейда была строгая независимо от того, на каком участке они работали: на сплаве, в конторе, в мастерских или на телеграфе. За опоздание на работу на час привлекали к ответственности по указу от 26 июня 1940 г., и дела на таких сотрудников передавались в суд. С рабочих рейда, отбывавших трудповинность, удерживалось 5 % от заработной платы в пользу НКВД. С тех, кто освобождался от трудповинности, это удержание прекращалось [2, оп. 2, д. 4, с. 4].

К началу Великой Отечественной войны Керчевский сплавной рейд – самое крупное предприятие Чердынского района. Рейд занимался обвязкой в плоты молевого леса, сплавливавшегося по реке Каме и ее притокам. В структуре рейда было три участка: Тюлькинский, Керчевский и Бондюжский, два подучастка: Барановский и Коэптынский. Позднее территория рейда протянулась на 330 км, и в его состав входило шесть основных участков с четырьмя подучастками. Рейд был комплексным сплавным предпри-

ятием, которое кроме леса имело еще и подсобные производства: строительный участок, механические мастерские для ремонта речного флота, автомашин и тракторов, электростанцию, лесопильный завод, гужевого транспорт для хозяйственных работ, радиостанцию и телефонную связь с двумя коммутаторами, жилищно-коммунальное хозяйство. В 1940 г. сплотка древесины по Керчевскому рейду составила 805,8 м³. С началом боевых действий на территории СССР рейд получил правительственное задание на отбор спецдревесины – авиасосны, оружейной болванки, фанеры, пантонника и палубника. Объем заготовленной и сплавленной древесины увеличился до 978,3 м³.

Рабочих на рейде не хватало всегда, а с уходом на фронт мужчин эта проблема стала еще насущнее. Призванных в РККА мужчин заменили женщины, девушки и подростки в возрасте 15–16 лет. В первый военный сплавной сезон они должны были освоить многие мужские специальности без отрыва от производства. Под руководством опытных специалистов им пришлось осваивать работу бункерщиков, матросов, мотористов катеров, шкиперов судов и рулевых, сортировщиков, фактуровщиков сплочных машин, трактористов, шоферов, сплотчиков, вальщиков, такелажников, сплавщиков-сортировщиков, токарей, слесарей, машинистов сплочных агрегатов. «В целях пополнения состава мотористов и рулевых флота, а также мотористов сплочных агрегатов с 4 июля с/г организовать практическую учебу с женщинами, для чего последних прикрепить по катерам и агрегатам», – из майского приказа 1941 г. по Керчевскому рейду [2, оп. 2, д. 3, с. 47].

С 15 августа 1941 г. были организованы краткосрочные теоретические курсы мотористов с учениками, прошедшими практическую учебу. Занятия проводились с 7 часов вечера до 12 часов ночи. Курсантов использовали на сплавных работах по пять часов в сутки.

Работа сплавщиков была не только тяжелая, но и ответственная. Нужно было следить за правильным отбором спецдревесины. «Отобранная и счаленная спецдревесина не должна стоять незагруженной не более одних суток. Для ее формовки необходимо организовать отдельный прикол, чтобы ни в коем случае она не смешивалась с другими сортами древесины», – из приказа по рейду [2, оп. 2, д. 3, с. 56]. Дирекция рейда стимулировала работ-

ников за ответственное отношение к своим обязанностям. За каждое отобранное из гражданской древесины бревно авиасосны выплачивалось 3 руб., за каждое бревно пантонника или палубника – 2 руб.

В августе 1941 г. началась скатка древесины, осевшей на песках. Ее нужно было провести в краткие сроки, до первых заморозков. Рабочих рук не хватало. Руководство рейда обратилось в поссовет с просьбой провести трудмобилизацию служащих и рабочих во всех учреждениях и послать их на скатку древесины. Кроме этого, в рейде были сняты рабочие, служащие со всех подсобных работ и капстроительства, служащие рейдовой и участковой конторы и направлены на скатку древесины, осевшей на песках в плесе от Коэптов до Керчево. За обеспечение продвижения древесины через перекаты и чистку песков от древесины, за сверхурочную работу сплавщикам платили дополнительно. «Установить на скатке древесины, формировке, в кузнечном цехе, погрузке и сортировке 12-часовой рабочий день. Производить оплату за дополнительные 2 часа, как сверхурочные, в полуторном размере. Сортировка и погрузка должна обеспечить ежедневный план в 17 тысяч ф/м. Техруку участка отрегулировать рабочее время так, чтобы каждый рабочий отработал 12 часов в день. Систематически следить за погрузкой, сортировкой, формировкой и своевременной отбуксировкой древесины оборонного значения. Если ответственные за зачистку не обеспечат выполнение плана, к ним будут применены самые суровые меры», – из приказа по рейду от 15 августа 1941 г. [2, оп. 2, д. 3, с. 77].

В сезон сплава 1942 г. на Керчевском сплавном рейде работали 56,8% женщин от общего числа работников. Все они трудились добросовестно и перевыполняли дневные нормы. Газета «Северная коммуна» писала: «Женские бригады Бартовой, Кравчук, Мартынюк, Каминской, Носковой выполняли дневные – сменные и в целом месячные задания от 100 до 150 %. Много женщин в период навигации работали мотористами и помощниками мотористов на катерах и агрегатах и хорошо освоили эти профессии Ходаковская Анна, Борщ Серафима, Окунь Лидия, Колпакова Любовь, Синькова Парасковья. С окончанием навигации все эти женщины перешли на подготовительные ремонтные работы мотомашин и

двигателей. Выполняют разборочные и слесарные работы по машинам» [3, № 5, 17 января 1943 г.].

Дни успехов Красной армии зимой 1943 г. Керчевский рейд отмечал трудовыми достижениями. «Производительность труда повысилась на 11,3 %. Отдельные рабочие и бригады, взяв обязательства к XXV годовщине Красной армии, с честью их выполняли и перевыполняли. Электросварщик Навродский брал обязательство выполнить дневные нормы не ниже 300 %. За январь месяц со своей ученицей Петуховой Навродский дал по 363 %. Кузнецы Фарион и Буйницкий дали выработку за январь 208–264 %, слесарь Солодилов – 247 %, токари Смирнов и Перминова – 196–238 %. Бригада Маркова в числе пяти человек среднюю выработку дала 218 %. На ремонте несамоходного флота бригада Дураченко в числе семи человек дала за январь 245 %, на выделке древесины бригады Куренковой в числе 12 человек дали среднюю выработку 238 %. Эти две бригады премированы директором по 800 рублей каждая. Женские бригады Мартынюк и Кравчук дали выработку 163 %. Сейчас эти бригады осваивают новые мужские, более сложные работы – строят опорные точки для сетки. Бригада Немковича на постройке гаванских плиток дает 221 %, Клеманского – 203 %, Черных Христины – 199 %. Бригада Крикун Марии на заготовке газочурки дает 204 %, бригада Кучмина – 200 %, бригада Дарган – 185 %, Гуимова – 177 %», – сообщает районная газета [3, №12, 14 февраля 1943 г.].

Участвовал рейд и в организации помощи бойцам. Еще в августе 1941 г. в районе начался сбор теплой одежды для Красной армии. На фронт отправляли посылки с валенками, шапками, тулупами, рукавицами. В 1943 г. коллектив Керчевского рейда направил в Красную армию 17 посылок общим весом 283 кг. Среди подарков были печенье, шоколад, папиросы, табак, кисеты, носовые платки, полотенца, носки, сушеные овощи, бумага, карандаши и одеколон.

За хорошие производственные показатели в марте 1943 г. Керчевскому рейду было вручено переходящее Красное знамя ВЦСПС и Наркомлеса. Эти успехи были достигнуты невероятным трудом сплавщиков.

30 сентября 1943 г. рейд закончил сплав на две недели раньше, несмотря на то, что сплавные работы проходили при

меньшем количестве рабочих, чем в 1942 г. «С начала сезона до 1 октября было сплочено 1 166 882 фестметра древесины. Средняя погрузка в сутки за сезон составила 11 113 фестметров. Генеральная зачистка была проведена в сжатые сроки с небольшим количеством рабочих. Подавляющее большинство рабочих систематически перевыполняли нормы. Средняя производительность труда на рейде за сезон составила 135–148 %. Только с мая по сентябрь по Керчевской запани было премировано 265 чел. Крикун Григорий и Дарган премированы по пять раз каждый, Гриценко и Гордеев по четыре раза, Евлевская, Бабенко, Немкович по три раза каждый», – пишет корреспондент районной газеты [3, 21 октября 1943 г.].

В этом году рейд сплотил 1146,3 м³ древесины. По итогам года он вышел победителем во Всесоюзном социалистическом соревновании среди лесных предприятий. Коллективу рейда в начале 1944 г. было вручено переходящее Красное знамя Государственного комитета обороны (ГКО).

В связи с тем, что с началом Великой Отечественной войны рейд получил задание ГКО по отбору и сплаву спецдревесины, выполнение которого было обязательным при любых условиях, стало меняться отношение к спецконтингенту, так как это была основная рабочая сила. Передовиков производства стали поощрять премиями, следить за санитарным состоянием столовых и качеством питания. Проводилась и профилактика инфекционных заболеваний.

С 19 февраля 1944 г. для выполнения правительственного задания на всех работах рейда установили рабочее время с 8 часов утра до 7 часов вечера с перерывом в середине работы на один час. С 8 июля по Керчевской погрузочно-сортировочной сетке руководство рейда ввело дополнительное премирование на следующих условиях: «1. Бригадам грузчиков и сортировщиков, работающих на машинах “Блокстадт” и “Снеткова”: а) При выполнении плана погрузки за пятидневку выплачивать премию в сумме 2000 руб., 5 л водки и 500 г табака за наличный расчет. б) При перевыполнении плана погрузки на 120 % и выше выплачивать премию 4000 руб., 10 л водки и 1 кг табаку, два хлопчатобумажных костюма. 2. Бригадам грузчиков и сортировщиков, работающим на машинах «ВКЛ»: а) При выполнении плана погрузки за пятидневку выплачивать премию в сумме 1000 руб., 2 л водки, 300 г табаку за наличный расчет. б) При перевыполнении плана погрузки на

120 % и выше выплачивать премию 1500 руб., 3 л водки, 500 г табаку и один х/б костюм за наличный расчет.

3. Бригадирам грузчиков и сортировщиков работающим на рацстанках:

а) При выполнении плана сплотки за пятидневку выплачивать премию в сумме 200 руб., 1 л водки за наличный расчет.

б) При перевыполнении плана на 120 % и выше выплачивать премию 500 руб., 1,5 л водки за наличный расчет.

4. Бригадам, работающим на разборке затора и выпуске леса из гавани:

а) При выполнении плана погрузки за пятидневку выплачивать премию 2500 руб., 5 л водки и 1 кг табаку за наличный расчет.

б) При перевыполнении плана на 120 % и выше выплачивать премию 3000 руб., 10 л водки, 2 кг табаку и 2 х/б костюма за наличный расчет.

5. а) Мастерам за выполнение пятидневного плана погрузки секции выплачивать премию в сумме 400 руб., 1 л водки.

б) При перевыполнении плана на 120 % и выше выплачивать премию 600 руб., 1,5 л водки.

6. По решению рейда бригада, которая является победителем в соцсоревновании и держит переходящее Красное знамя рейда, получает ежедневно дополнительно одно мясное блюдо каждому рабочему бригады», – из распоряжения по Керчевскому рейду от 8 июля 1944 г. [2, оп. 2, д. 6, с. 47].

В середине лета создалась тяжелая ситуация с поступлением древесины в запань и угроза невыполнения сплотки. Руководство рейда с 1 августа 1944 г. отменило выходные дни для рабочих запани. Исключение делалось только в том случае, если смена ежедневно выполняла план в 10 000 фестметров. В связи с принятым решением у сортировщиков удлинялся рабочий день на один час. А всех служащих управления рейда, мехмастерских, подсобного хозяйства, лесозавода и коммунального хозяйства, ОРСа ежедневно со 2 августа после окончания своей работы обязали выходить с баграми на подачу древесины из запани. Работали они в гавани до 9 часов вечера. До этого же времени работали детские ясли и детсад, для детей было установлено «соответствующее питание».

В 1944 г. Керчевский рейд вышел в число передовых предприятий лесной промышленности. За хорошую работу в августе и сентябре 1944 г. рейду присудили переходящее Красное знамя Государственного комитета обороны СССР. За работу в октябре и ноябре этого же года рейд получил вторую премию, и ему было присуждено переходящее Красное знамя треста «Камлесосплав» и Обкома Союза леса и сплава [3, №1, 4 января 1945 г.].

В этом же году в поселок прибыли депортированные по национальному признаку и как бывшие в немецкой оккупации семьи болгар, татар и немцев из Крыма. Часть депортированных была размещена в спецпоселках Лесоруб и Лобырь, часть временно разместились в лесотехникуме Чердыни. Позднее семьи была разделены и отправлены в разные места. «Нашу семью разделили так: брата, 2 сестер, дядю и его дочь отправили в Керчево, а меня, мать и брата отправили в Лесоруб. В начале 1947 г. нас также перевели на Керчевский рейд», – из воспоминаний Боровик (Велевой) Анны Ивановны [1, с. 157].

Прибывших с южных территорий переселенцев «косила» цинга. Руководство рейда принимало особые меры по ее профилактике. «В целях предотвращения цинготных заболеваний контингента рабочих рейда, обязываю начальника ОРСа (*отдел рабочего снабжения*) Федорову организовать изготовление витаминизированного кваса с настоем хвои. Напиток ввести в обязательный пищевой рацион рабочих и отпускать в столовых одновременно с подачей пищи. Для прочего населения рейда, не пользующегося услугами столовых, организовать продажу напитка через торговую сеть. Провести массовую разъяснительную работу по этому вопросу среди населения поселка», – из февральского приказа по рейду в 1945 г. [2, оп. 2, д. 6, с. 100].

С мая 1945 г. ввелась новая система питания спецконтингента, и по рейду был издан такой приказ: «В связи с новой системой дифференцированного питания ввести с 20 мая 1945 г. общий порядок общественного питания: А) Завтрак из одного блюда – первого, обед из двух блюд – первого и второго, ужин из двух блюд – первого и второго. Б) Дополнительное питание по талонам второго горячего питания предоставлять в обед. В) Помимо вышеуказанного за счет децресурсов краснознаменной бригаде, работающей на прямом производстве, ежедневно готовить особые блюда, приравненные к литерному питанию. Г) Нормы закладок и месячного питания установить в соответствии с расчетом потребности основных продоваров. Запретить отпуск обедов из столовых всем непроизводственным и неплановым контингентам. Д) Снабжение детей военнослужащих и переселенцев в количестве 600 чел. (300 детей в/служ. и 300 чел. – дети переселенцев) согласно разрешения ОБЛУРСа (*Областное управление рабочего снабжения – прим. авт.*) производить по детским нормам рабочих поселков исключительно через магазины и ларьки в порядке сухого пайка по

спискам, подписанным начальником или замом ОБЛУРСа и председателем Райкома Союза» [2, оп. 2, д. 6, с. 26].

Начальникам сплавучастков было приказано: «Обеспечить серьезную организацию собственного лова рыбы. Установить следующие задания по лову на период мая – июля 1945 г.: участок Керчево не менее 1200 кг, участок Бондюг – 900 кг, участок Коэпты – 900 кг», – из майского приказа по рейду [14, с. 26].

Поступление принудительной рабочей силы на рейд продолжалось и после окончания войны. Со спецучета эту категорию людей стали снимать только с 1956 г., и у них появилась возможность вернуться на свою историческую родину. Многие бывшие трудармейцы и депортированные уехали. Но оказалось, что на родине их никто не ждал, работу им не предлагали, жить было негде, так как в их домах и квартирах жили другие люди. И почти все вскоре вернулись назад в Чердынский край, где прошла значительная часть их жизни.

Самоотверженный труд депортированных, трудпоселенцев и спецпоселенцев помог приблизить победу над врагом, а их имена навечно вписаны в историю знаменитого рейда. Бригадир лесопункта рейда И.В. Гордеев был удостоен в 1966 г. звания Героя Социалистического Труда. Этому же звания удостоилась в 1971 г. бригадир сортировщиков рейда Н.И. Тимошенко.

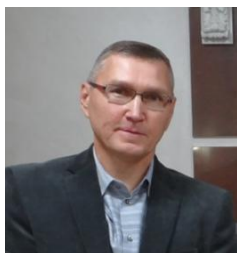
Список источников

1. Документальные материалы и воспоминания репрессированных / сост. Т.А. Крюк; Чердынский краеведческий музей (ЧКМ). – Чердынь, 2007. – 107 с.
2. Отдел по делам архивов администрации Чердынского муниципального района.
3. Районная газета «Серная коммуна» // Чердынский краеведческий музей.

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ СПЕЦПЕРЕСЕЛЕНЦА В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 1941–1945 ГГ.

Т.Ю. Опич,
*студентка группы ЭК-21
учетно-финансового факультета
Пермского института (филиала)
им. Г.В. Плеханова, Пермь
tanya.opich@gmail.com*

И.В. Рязанов,
*научный руководитель, канд.
философск. наук, зав. кафедрой
социальных и гуманитарных дисциплин
Пермского института (филиала)
Российского экономического университета
им. Г.В. Плеханова, Пермь
iwan.riazanow@yandex.ru*

Аннотация. В первой половине XX в. была проведена коллективизация, которая соприкасалась с раскулачиванием зажиточной части крестьян. Многих раскулаченных крестьян отправляли в «кулацкую ссылку». В статье рассматривается жизнь спецпереселенцев Молотовской области в годы Великой Отечественной войны. Выделены следующие аспекты: классификация раскулаченных крестьян и условия их жизни в ссылке, трудности трудовой и повседневной жизни. На основе биографических сведений, сохранившихся в семейном архиве и воспоминаниях родственников, показана жизнь прадедушки автора статьи, Опич Сидора Даниловича – бывшего спецпереселенца Молотовской области.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, раскулачивание, Молотовская область, спецпереселенцы, Вишерский ЦБК.

DAILY LIFE OF A SPECIAL SETTLER DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR OF 1941–1945

Tatyana Opich,
student of ЭК-21 group, accounting
and Finance faculty, Perm Institute (branch) of Plekhanov
Russian University of Economics, Perm
tanya.opich@gmail.com

Ivan Ryazanov,
scientific adviser
Ph.D., Head of the Department
of Social and Humanitarian Disciplines
Perm Institute (branch) of Plekhanov
Russian University of Economics, Perm
iwan.riazanow@yandex.ru

Abstract. In the first half of the XX century, collectivization was introduced, which came into contact with the dekulakization of a certain part of the peasants. Many of the dispossessed peasants were sent to the “kulak exile.” My article examines the life of special settlers during the second world war, namely in the Molotov region. The following aspects were discussed: the classification of dispossessed peasants, their living conditions in exile, and the difficulties they faced. Also, as an example, I cited the life of my great – grandfather, OpichSidor Danilovich, who was a special settler in the Molotov region.

Keywords: The Great Patriotic War, dekulakization, Molotov region, special settlers, Vishersky pulp and paper mill.

История нашей страны переплелась с судьбами отдельных семей как в героических, так и в трагических сюжетах. Каждая семья хранит воспоминания о суровых временах в устных воспоминаниях, которые передаются из поколения в поколение. На примере судьбы Сидора Даниловича Опич можно проследить сложный путь отдельного человека, оказавшегося под воздействием государственной репрессивной политики и проявившего героизм в годы Великой Отечественной войны. Чаще всего воспоминания в семьях репрессированных на Урале начинаются с событий 30-х гг., которые изменили течение обычной жизни.

В период первой пятилетки (1928–1933 гг.) была проведена коллективизация, политическое решение о которой было принято

на XV съезде ВКП(б) в 1927 г. Коллективизация соприкасалась с раскулачиванием зажиточной части крестьян. В конце 1929 – начале 1930 г. практически на всей территории СССР по решениям местных органов власти началось выселение кулаков за пределы края (области) с конфискацией имущества. Впоследствии раскулачивание приняло более широкие масштабы, по сравнению с поставленными первоначальными целями. Раскулаченные крестьяне разделялись на три категории, в зависимости от тяжести действий, направленных против политики коллективизации:

1. «Контрреволюционный актив»: кулаки, активно противодействующие организации колхозов, бегущие с постоянного места жительства и переходящие на нелегальное положение.

2. «Богатые кулаки», местные «кулацкие авторитеты», являющиеся оплотом «кулацкого антисоветского актива».

3. Остальные зажиточные крестьяне и «подкулачники», т.е. середняки, бедняки и даже батраки, уличенные в прокулацких и антиколхозных действиях [1].

Главы кулацких семей первой категории арестовывались, и дела об их действиях передавались на рассмотрение спецтроек в составе представителей ПП ОГПУ, обкомов (крайкомов) ВКП(б) и прокуратуры. Кулаки, отнесенные к третьей категории, как правило, переселялись внутри области или края, т.е. не направлялись на спецпоселение. Раскулаченные крестьяне второй категории, а также семьи кулаков первой категории выселялись в отдаленные районы страны на спецпоселение, или трудпоселение (иначе это называлось «кулацкой ссылкой» или «трудссылкой») [1]. В целом на начальном этапе раскулачивания было выселено (с отправкой на спецпоселение) 381 026 семей общей численностью 1 803 392 человека, эти данные указаны в справке Отдела по спецпереселенцам ГУЛАГа ОГПУ [2].

По подсчетам С. Круглова, состав спецпереселенцев был многонациональным: 687 тысяч немцев, 606 тысяч бывших кулаков из Белоруссии и Украины, 405 тысяч чеченцев и ингушей, 195 тысяч крымских татар, греков и болгар, 88 тысяч хемшилов, турок и курдов, 80 тысяч калмыков, 60 тысяч карачаевцев, 33 тысячи балкарцев, 43 тысячи ссыльно-поселенцев, 20 тысяч оуновцев и 9 тысяч «прочих» (немецких пособников, репатриированных и других). Наибольшее количество спецпереселенцев находилось в

Казахстане – 866 тысяч человек, в Узбекистане – 181 тысяча, в Красноярском крае – 125 тысяч, в Киргизии – 112 тысяч, в Кемеровской области – 97 тысяч, в Томской области – 92 тысячи, в Свердловской области – 89 тысяч, в Алтайском крае – 85 тысяч и в Молотовской области – 84 тысячи [3].

Изначально крестьяне, которых направили в «кулацкую ссылку», назывались спецпереселенцами, вплоть до 1934 г., впоследствии с 1934–1944 гг. – трудпоселенцами, а с 1944 г. – спецпоселенцами [2].

Стоит отметить, что, по статистическим данным, численность спецпереселенцев отправленных и прибывших часто не совпадает. Прибывших на место «кулацкой ссылки» гораздо меньше, числа отправленных туда. В основном это связано с высокой смертностью во время транспортировки крестьян, и массовых побегов с мест поселения. Данный факт отмечал в своем рапорте М. Берман от 8 июня 1933 г. на имя Г.Г. Ягоды, вот например: «... у “кулаков” наблюдалась высокая смертность и заболеваемость сыпным тифом, острожелудочными заболеваниями и даже натуральной оспой; очень много истощенных, стариков, не могущих быть совершенно использованными; поголовная вшивость; полное пренебрежение к учёту (отсутствие личных дел, постановлений о выселении, искажения фамилий, неполнота учётных данных и т. п.); после прибытия эшелонов к месту назначения иногда выясняется, что среди выселенных имеются рабочие, комсомольцы, иностранцы» [1].

Стоит заметить, что кулаков отправляли в ссылку вместе с семьей, поэтому тяжело было не только взрослым, но и детям, на 10 февраля 1932 г. наблюдалась высокая детская смертность среди спецпереселенцев, об этом сказано в докладной записке Уральского облздравотдела в Наркомздрав. «Так, на комбинате “К” в г. Перми за два месяца август – сентябрь умерло около 30 % всех детей, в Н. Лялинском районе за год родилось 87, а умерло 347, в Гаринском районе родилось за 2 месяца 32, а умерло 73, и вся эта смертность в подавляющем большинстве за счет детей» [1].

В частности, практика использования людей для освоения и использования необжитых и малообжитых районов страны посредством насильственных переселений является одним из направлений государственной политики спецколонизации. Спецпе-

реселенцев чаще всего использовали в качестве рабочей силы на лесоразработках, на рыбных и иных промыслах в отдаленных, остро нуждающихся в рабочей силе районах [2].

Семья Сидора Даниловича Опич оказалась в числе переселенных с Украины кулаков. По семейным воспоминаниям, Сидор Данилович родился в 1901 г., в деревне Приваловка, Новоград-Волынского района Винницкой области Украинской Советской республики, был обычным работником с образованием на уровне двух начальных классов. В 1930-е гг. в период массовой волны раскулачивания, которая на Украине была связана с ростом недовольства конфискацией продовольственных запасов у украинских крестьян и позже привела к «голодомору», затронула и жизнь многих людей. В 1932 г. Сидор Данилович Опич вместе с женой Анной Михайловной Опич и малолетним сыном Александром были высланы с Украины на Урал [4, с. 183–184].

В 1930–1940-е гг. население в Молотовской области возросло, данный регион казался перспективным местом развития лесной и угольно-добывающей промышленности за счет того, что он богат ресурсами и малообжитыми северными районами. В основном северные части области «обживались» спецпереселенцами, за счет этого в 1930-е гг. в Пермском крае, как и во многих других краях (областях), образовались многочисленные спецпоселения, в которых они жили. Основными районами расселения стали: Чусовской, Кизеловский, Кудымкарский, Чердынский, Косинский, Гаинский, Березниковский, Соликамский [5].

Положение спецпереселенцев во всех отношениях было очень тяжелым. Сразу после выселения они были значительно ограничены в правах. Четко регламентированный правовой статус спецпереселенцев отсутствовал – не преступники и не свободные граждане. Они являлись гражданами СССР без права выезда с мест их поселения, наблюдение за ними возлагалось на органы НКВД (МВД) [6].

Первым массовым депортациям в начале 30-х гг. подверглись раскулаченные крестьяне, которых погрузили в эшелоны и отправили к местам ссылки. Они прибывали по железнодорожным путям, далее направлялись пешим этапом или сплавом по рекам Прикамья до места ссылки. Многие районы были совершенно не готовы для проживания. В итоге в сильные морозы февраля – мар-

та 1930 г. высланные спецпереселенцы вынуждены были жить в палатках и шалашах [6].

Изначально спецпереселенцы направлялись в распоряжение промышленных трестов, например «Ураллес», «Уралуголь» и другие. Их в основном назначали валить лес, добывать уголь, строить новые предприятия [7].

Организации, использующие труд спецпоселенцев, обязывались обеспечить членов их семей вспомогательными работами, предоставить жилье площадью не менее трех метров на человека. При этом каждая семья должна была получить отдельную комнату, а одиночки – общежитие, но этого не было на практике. Их высылали в глухую уральскую тайгу, в необжитые районы, в которых не было даже элементарных условий для существования [1].

Спецпоселки строились самостоятельно. Изначально построенные бараки не соответствовали минимальным санитарно-гигиеническим и техническим нормам. Строились они наспех, из старого леса, поэтому были продуваемые и холодные. Полов не было, крыша была сделана из жердей и слегка присыпалась тающей и осыпающейся землей. Вот как, например, докладывает о состоянии строительства спецпоселка «Вая» комендант Красновишерской районной спецкомендатуры: «Ход строительства поселка проходил в погоне за количеством без соблюдения качества, в результате чего в настоящее время преимущество домиков требует капитальной затраты на их дооборудование. Ни один из домов не имеет надлежащего вида, а представляет из себя временную лесную избушку. В ряде домиков печи разваливаются, оборудования в квартирах никакого нет, спят на полу. Санитарное состояние в поселке таково, что площадь от разных нечистот не очищена, помойных ям нет» [6].

Семья Сидора Даниловича Опича была отправлена в Красновишерск, где их поселили в обычном бараке, в котором до этого жили заключенные. Сидор был сразу же определен на бумкомбинат, сначала просто строителем, затем кузнецом в механический цех. Это был один из первых заводов, который строился руками заключенных, а затем спецпереселенцев. До 1934 г. он назывался «ВишХимз», но после был переименован в Вишерский ЦБК (целлюлозно-бумажный комбинат).

Первые годы жизни семьи Сидора Даниловича на Урале были очень тяжелыми, был страшный голод, так как завод находился глубоко в тайге, в 100 км на север от г. Соликамска, и добраться до него было возможно только речным путем. Поэтому там наблюдалась высокая смертность среди заключенных, спецпоселенцев и добровольцев, которые приехали из разных уголков страны для строительства завода на севере-востоке нынешнего Пермского края. Негативным фактором был климат, который переселенцам с Украины казался крайне суровым.

Первая жена Сидора Даниловича – Анна Михайловна, измученная трудностями долгой дороги и барачным бытом, не смогла приспособиться к жизненным условиям в Красновишерске. По воспоминаниям, сохранившимся в семейных преданиях, Анна Михайловна страдала от холода, плохо переносила морозы и, не выдержав условий жизни спецпереселенцев, оставила мужа и ребенка и ушла из семьи. Через некоторое время Сидор встретил Пелагею Степановну Бахареву, с которой прожил свою жизнь. По воспоминаниям прабабушки, регистрировать в ЗАГСе браки спецпереселенцев с местными жителями тогда запрещалась, поэтому они жили в гражданском браке.

Снабжение спецпереселенцев было неудовлетворительным, а в некоторых местах полностью отсутствовало. Многие районы были малодоступны для заброски продовольствия ввиду распутия, существования непроходимых болот и других причин. Но помимо малодоступности они были еще и весьма отдалены, что при незначительных транспортных средствах делало их практически недосыгаемыми. Так, в июне 1931 г. бюро Березниковского райкома ВКП(б) констатировало: «Пункты новостроящихся поселков для спецпереселенцев намечены без достаточного учета экономической целесообразности и возможности обслуживания» [6].

Стоит отметить, что в критическом положении оказалось и продовольственное обеспечение. Например, из докладной записки Чердынского районного отделения ОГПУ узнаем о том, что «в ряде поселков с/п вместо хлеба едят мох, опил и прочее, в силу чего спецкадры теряют физическую мощность, получают разные заболевания, как, например, в поселке Мерково на 50 % с/п от плохого питания ослабли до невозможности и неспособны выходить на работу» [6].

Ссылные практически не снабжались спецодеждой, что в условиях сурового уральского климата приводило к массовым случаям обмороживания ног и невыхода на работу. Бывший спецпереселенец Г.М. Штомпель вспоминает: «Полученные рукавицы, за неимением обуви, мы надевали на ноги» [5].

Данные факторы способствовали широкому распространению бегства спецпереселенцев с мест ссылки. К примеру, в Ашинском леспромхозе Бардымского района необеспеченность нормальными жилищно-бытовыми условиями и перебои с продовольственным снабжением привели к тому, что с 1 января по 1 октября 1932 г. бежало 337 семей спецпереселенцев – 1330 человек [5].

В целом в течение 30-х гг. материальное положение спецпереселенцев было очень тяжелым. Их быт долгое время оставался неустроенным, климатическая и хозяйственная адаптация протекала тяжело. Основными проблемами для большинства переселенческих семей были дефицит жилья, отсутствие одежды и обуви, голод, недоступность медицинской помощи. Длительная бытовая неустроенность тормозила социальную адаптацию спецпереселенцев, обостряла у них чувство социальной незащищенности и несправедливости.

В эпоху Большого террора спецпереселенцев настигла новая волна репрессий. Террор коснулся семьи Сидора Даниловича в 1937 г., когда среди спецпереселенцев начались массовые аресты. Сидора Опич забрали 3 января 1938 г. Его больше года держали в Соликамской тюрьме, в чем только ни обвиняли, вплоть до шпионажа в пользу Германии. После освобождения он рассказывал о бесконечных допросах, о внезапном исчезновении товарищей по несчастью. Все свои обвинения он отрицал. Ему повезло, что позже его восстановили на прежнее место работы. Приостановились массовые репрессии после смещения Н.И. Ежова с поста наркома внутренних дел (с его именем связывают период Большого террора).

Сидор был добросовестным работником, его многократно поощряли за успехи в социалистическом соревновании. Что касается хозяйственной сферы, то по крестьянской привычке и для пополнения семейного бюджета они занимались домашним хозяйством (держали коз, поросят, выращивали картошку, собирали ягоды и грибы).

Все это время Пелагея Степановна заботилась о приемном сыне. Александр хорошо учился в школе, стал хорошим работником. Но на детях спецпоселенцах «лежало» клеймо их родителей.

Великая Отечественная война оказала огромное влияние на все население нашей страны, люди по-разному проживали эти сложные годы, в том числе и спецпереселенцы. Каждый человек внес свой вклад в общую Победу. Кто-то воевал на фронте, кто – то трудился в тылу для того, чтобы помочь защитникам родины в конечном счете защитить свой дом и семью.

С момента начала Великой Отечественной войны, статус трудпоселенца освобождал от военной службы и отправки на фронт, в связи с этим поток заявлений об освобождении сократился, и те, кто был освобожден ранее, стали писать заявления с просьбой поставить их снова на учет трудпоселений. Но во время войны была острая нехватка рабочих и военных кадров, в связи с этим практиковался ограниченный призыв трудпоселенцев в Красную Армию. Например, с начала войны и до 15 октября 1941 г. в РККА было призвано 3218 трудпоселенцев, из них 301 – в кадровые части и 2917 – в специальные строительные батальоны. 11 апреля 1942 г. Государственный комитет обороны принял Постановление № 1575сс, согласно которому за период с 15 апреля по 15 мая 1942 г. надлежало призвать в Красную армию «35 000 человек за счет тщательного отбора детей переселенцев и переселенцев призывного возраста» [6].

Сидор Данилович Опич и его семья трудились в тылу на заводе во время Великой Отечественной войны. Его сын Александр в 1943 г., когда ему исполнилось 18 лет, добровольцем ушел на фронт. В марте 1944 г. Александр Опич погиб, освобождая украинский город Кировоград, лишь в 1990 г. в Красновишерском районвоенкомате родным вручили удостоверение на медаль «За отвагу», которой он был награжден в 1944 г., но так и не успел получить ее [4, с. 183–184].

Александр Сидорович Опич (сын Сидора Даниловича) родился 10 октября 1944 г. Его назвали в память о погибшем брате. Он пошел по стопам своего отца, после прохождения армейской службы на территории Венгрии работал на бумкомбинате в Красновишерске по специальности токаря. И вся его трудовая деятельность была связана с этим предприятием.

Продолжая семейную традицию, Юрий Александрович Опич (внук Сидора Даниловича) также работал на этом заводе, вплоть до его закрытия в декабре 2007 г. Так уральская земля стала новым местом жизни для насильственно переселенных из Украины.

Необходимо отметить, что история семьи – это память, которую мы должны хранить, помнить и передавать из поколения в поколение. Ведь каждая семья со своей историей внесла определенную лепту в будущее нашей страны. Таким образом, исследование исторической литературы и воспоминаний, сохраненных в семье, позволяет более глубоко понять трансформации как уклада частной жизни той или иной семьи, так и национального менталитета и высвечивает вечный конфликт частного и государственного.

Список литературы

1. Земсков В.Н. «Кулацкая ссылка» в 30-е годы [Электронный ресурс]. – URL: <https://stalinism.ru/kollektivizatsiya/kulatskaya-ssyilka-v-30-e-godyi.html> (дата обращения: 01.10.2020).

2. Земсков В.Н. Спецпереселенцы [Электронный ресурс]. – URL: http://anikvn.ru/Zemskov/Zemskov_Zakluchennie.htm (дата обращения: 01.10.2020)

3. Круглов С. Отдел спецпоселений [Электронный ресурс]. – URL: <https://military.wikireading.ru/49791> (дата обращения: 01.10.2020).

4. Бондаренко Н.А., Дюкова Н.А. Красное колесо Вишеры // Сборник воспоминаний. – 2009. – 312 с.

5. Фатхутдинов Р.Н. Организация труда на спецпоселениях в Пермском крае в 1930-е годы [Электронный ресурс]. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/organizatsiya-truda-na-spetsposeleniyah-v-permskom-krae-v-1930-e-gody/viewer> (дата обращения: 01.10.2020).

6. Фатхутдинов Р.Н. Материально-бытовое положение спецпереселенцев в Пермском крае в 1930-е годы [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.permgaspi.ru/deyatelnost/stati/materialno-bytovoe-polozhenie-spetspereselentsev-v-permskom-krae-v-1930-e-gody.html> (дата обращения: 01.10.2020).

7. Шевырин С.А. Развитие лесной отрасли в Прикамье с 1930–1950 гг. [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.permgaspi.ru/deyatelnost/stati/razvitie-lesnoj-otrasli-v-prikame-v-1930-1950-e-gody.html> (дата обращения: 01.10.2020).

«КВАРТИРНЫЙ ВОПРОС» В СИСТЕМЕ ГУЛАГа В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

*М.Г. Суслов,
профессор, д-р ист. наук
профессор кафедры военной педагогики и
психологии Пермского военного института
войск национальной гвардии
Российской Федерации, Пермь
suslovmi@yandex.ru*

Аннотация. Показано положение дел с обеспеченностью жильем заключенных в системе ГУЛАГа в годы Великой Отечественной войны. Прослежена динамика изменений с жильем для заключенных на разных этапах войны, причины некачественного жилья и плохого обустройства жилых помещений, а также меры, принимаемые органами власти и руководства ГУЛАГа для решения жилищного вопроса в местах массового размещения лишенных свободы.

Ключевые слова: ГУЛАГ, жильё для заключенных в 1941–1945 гг.

"APARTMENT QUESTION" IN THE GULAG SYSTEM IN YEARS GREAT PATRIOTIC WAR

*Mikhail Suslov,
doctor of Historical Sciences (Advanced Doktor) Professor,
PhD, professor Perm Military Institute of Internal Troops of Russia,
Associate Professor (Senior Lecturer of the Department of Pedagogy). Perm
suslovmi@yandex.ru*

Abstract. The article examines the state of affairs with the provision of housing for prisoners in the GULAG system during the Great Patriotic War. It shows the dynamics of changes in housing for prisoners at different stages of the war, the reasons for poor – quality housing and poor arrangement of living quarters, as well as measures taken by the authorities and the leadership of the GULAG to resolve the housing issue in places of mass placement of prisoners.

Keywords: GULAG, housing for prisoners in 1941–1945.

Квартирный вопрос важен в любое время для каждого в отдельности и для всех вместе. В условиях неудачного начала войны проблема обостряется до предела. Разрушение жилого фонда малых сел и больших городов вынуждало власти искать решения проблем размещения больших масс людей.

Положение усугублялось эвакуацией 10 млн человек из западных областей в восточные регионы страны, которых надо было обеспечить жильем. Те же проблемы возникали и в отношении людей, находящихся и работавших в местах заключения.

В разные годы количество лагерного населения было очень разным. Разной была и плотность лагерного населения по регионам страны. Если в 1930 г. в исправительно-трудовых лагерях находилось 179 тысяч человек, то в последующие годы в связи с коллективизацией и индустриализацией их численность заметно увеличивается. На 1 января 1941 г. в лагерях и колониях содержалось 1 929 729 человек, рассредоточенных по разным регионам страны [1, с. 399].

С началом Великой Отечественной войны ситуация существенно изменяется. Количество заключенных сокращается в 1942 г. до 1777 тысяч, в 1943 г. – до 1484 тысяч, в 1944 г. – до 1179 тысяч человек, но в связи с перемещением лагерей и лагерного населения из западных областей в восточные регионы страны количество и концентрация их на Урале, в Сибири, на Дальнем Востоке и Средней Азии заметно увеличивается.

Решение задач, возложенных на ГУЛАГ, обеспечивалось достаточно большим коллективом сотрудников, 9 % которых приходилось на работников лагерного сектора, 41,6 % составляли работники военизированной охраны и 49,3 % – работники производственного сектора лагерей и колоний [2, д. 77, л. 200–201].

В конце 1942 г. в системе ГУЛАГа было 200 тысяч человек (без охраны), из них рабочих и ИТР – 143 500, служащих – 56 500. В числе вольнонаемных и служащих было около 50 тысяч бывших заключенных, отбывавших за особо опасные преступления и по освобождении закрепленных до конца войны за лагерями по вольному найму без права выезда с территории лагеря [2, д. 35, л. 418].

Последние в целях исключения постоянного общения с вольной обслугой размещались в специально отведенных для них общежитиях или отдельных бараках. Однако документы архивов

содержат немало материалов, в которых жилищно-бытовые условия содержания личного состава отмечались как не везде удовлетворительные [3, д. 1, Л. 34–35].

На особом режиме находились каторжане. В соответствии с инструкцией НКВД от 11 июня 1943 г. «О порядке содержания осужденных к каторжным работам» каторжане должны были проживать в бараках, которые бы запирались на ночь и были отделены от остальной лагерной зоны высоким забором.

Картина бытовых условий для заключенных менялась в зависимости от периода войны и региона, в котором они размещались. При быстром продвижении немецких войск вглубь нашей территории многие лагеря были утрачены. Было эвакуировано 27 исправительно-трудовых лагерей и 210 колоний, где содержалось 750 тысяч заключенных.

Кроме того, за годы войны подверглись расформированию 69 исправительно-трудовых лагерей, одно Управление исправительно-трудовыми лагерями и колониями и 15 отделов исправительно-трудовых колоний. Это вынуждало власти уплотнять действующие лагеря и колонии и строить новые. За время войны было организовано 40 новых исправительно-трудовых лагерей, 11 УИТЛК и 15 ОИТК НКВД – УНКВД.

Строительством и обустройством жилых помещений занимались сами лагеря и колонии, а также контрагентские организации наркоматов 17 отраслей народного хозяйства, которые использовали труд заключенных.

В переписке Наркомата внутренних дел с другими наркоматами вырисовывается картина в целом и в частности. 30 августа 1941 г. заместитель наркома внутренних дел Чернышов на запрос Наркомата авиапромышленности дать стройтрестам № 2, 12 и 14 дополнительную рабочую силу отвечает отказом, поскольку тресты не подготовлены к этому. «Так, в г. Молотове в лагерном пункте на жилой площади, рассчитанной на 3500 заключенных, уже размещено 8000 человек (трест 12)» [1, с. 88].

Второго октября 1941 г. в письме заместитель наркома Чернышов в Главвоенстрой при СНК СССР пишет, что Окружное военно-строительное управление на Урале «не создает даже минимальных условий для содержания заключенных. Строительство № 290 в Красноуфимске предоставило только 4 палатки вместимо-

стью по 60 человек на контингент в 1500 человек. Заключенные размещены в окрестных деревнях небольшими группами, в совершенно непригодных помещениях» [1, с. 98].

28 февраля 1942 г. Чернышов пишет начальнику Бакалстрою в Челябинск: «Прибывшие заключенные размещены в землянках, не приспособленных к жилью, и находятся в антисанитарном состоянии. Среди заключенных поголовная вшивость. Уборные и выгребные ямы отсутствуют. Сушилки, бани и дезкамеры до настоящего времени не построены» [1, с. 99].

Седьмого марта 1942 г. в письме начальнику Главвоенстрою при СНК СССР отмечается, что «строительства УВСП систематически нарушают договорные обязательства и не создали нормальных условий для размещения и трудоустройства лагерной рабочей силы... Неоднократные требования НКВД СССР об упорядочении этого дела до сего времени не реализованы. НКВД настаивает на выполнении всех договорных обязательств и создании в течение месяца нормальных условий для работы колоний НКВД. Отсутствие этих условий после указанного срока вынудит НКВД СССР отозвать рабочую силу со строек УВСП» [1, с. 89].

Поскольку наркоматы и их подрядные организации не спешили создавать приемлемые жилищные условия для заключенных, то лагерным начальством направлялись докладные в партийные органы. В докладной записке от 9 сентября 1942 г. на имя секретаря Молотовского (Пермского) ОК ВКП(б) Гусарова говорится: «Колония № 5 обслуживает Мотовилихинский завод. Подготовка к зиме находится под угрозой срыва. Заключенные живут в плохих развалившихся бараках, которые переполнены. Столбы под бараками совершенно сгнили и угрожают обвалом барачных корпусов. Дальнейшее оставление заключенных в таких бараках опасно... Начальник колонии неоднократно обращался к руководству завода, но меры никакие не принимаются, оттягивая до глубокой осени, когда будут холода и ремонт производить невозможно.

Колония № 6. Поселок Левшино. Обслуживает пристань Левшино Управления Камского речного пароходства. Хозяйственные организации пристани Левшино не только не выполняют свои необходимые условия по договору, а игнорируют неоднократные указания Левшинского РК ВКП(б) и ОК ВКП(б), обязывающие выполнять договор». Докладная заканчивается просьбой «Вме-

шаться в это дело и заставить хоз. организации выполнять заключенные договора» [3, д. 6, л. 7–8].

17 октября 1942 г. Наркомат внутренних дел в письме на имя Гусарова сообщает, что задерживает завоз 2500 человек рабочей силы на строительство Азотно-тукового комбината в Губахе из-за неготовности к зиме помещений и лагеря в целом [4, с. 144].

В переписке НКВД с другими наркоматами очень часто говорится об угрозе или отказе завозить заключенных из-за отсутствия жилых помещений для их размещения. В связи с неблагоприятной обстановкой в размещении заключенных была утверждена «Инструкция о порядке обследования ИТЛ НКВД» специальными комиссиями.

Так, при обследовании лагерного отделения № 3 на станции Баская Молотовской области врач Леонова писала: «Спустя три месяца после организации лагеря, т.е. ко дню его обследования, в лагере отмечается чрезмерная перенаселенность. На одного человека приходится 0,98 кв. м жилой площади, что не отвечает никаким, даже минимальным требованиям; заключенные спят на голых 2-ярусных нарах, без матрацев и соломенных матов, не раздеваясь в течение трех месяцев. При почти непрерывных дождях в июне и июле месяце одежда и обувь высыхала на людях, т.е. сушилки ни в одном бараке нет» [3, д. 6, л. 11–14].

При проверках с участием членов ГКО и представителей партийных органов похожую картину выявляли и в других местах. В начальный период войны средняя площадь на одного заключенного составляла 1,4 м², снижаясь по ряду подразделений до 0,5–0,7 м² на человека. 80 % заключенных размещались на сплошных двух – и трехъярусных нарах.

Невыполнение планов лагерного строительства было связано с недостатком людских, материальных и транспортных ресурсов, которые, прежде всего, направлялись на фронт.

Тем не менее принимались меры по дополнительному строительству жилых бараков и коммунально-бытовых объектов, капитальному ремонту и утеплению жилого фонда, переоборудованию сплошных нар на двухъярусные вагонного типа, обеспечение жилых бараков необходимым инвентарем.

Принимаемые органами власти меры давали положительные результаты, но общая картина оставалась достаточно противоре-

чивой на протяжении всей войны. Фактическая обеспеченность жилплощадью на март 1944 г. представляется такой: количество квадратных метров на одного человека в 10 ИТЛ, УИТЛК и ОИТК от 1,2 м² и менее; в 8 – от 1,3 до 1,5; в 13 – от 1,5 до 1,7; в 29 – от 1,7 до 2; в 47 – составляла 2 м² и более.

29 мая 1944 г. был издан Приказ НКВД СССР № 00640, который обязывал к 1 октября 1944 г. довести норму жилой площади во всех лагерных отделениях и колониях до 2 м² на человека. Однако 11 ИТЛ и 12 УИТЛК приказ выполнить не удалось. Обозначились лагеря с самой низкой обеспеченностью жилплощадью – Тырны-Аузский (1,1 м²), Воркутинский (1,3 м²), Интинский (1,4 м²) и Норильский (1,5 м²).

Тем не менее уже в 1944 г. жилплощадь удалось довести в среднем до 1,8 м² на одного заключенного, а для рекордистов и отличников стали отводить целые бараки из расчета 3 м² на человека, которые были оборудованы койками и комплектом постельных принадлежностей.

Ситуация вновь обострилась в апреле 1945 г., когда в лагерь увеличился приток лиц, связанных с военными преступлениями, и власти вынуждены были в нарушение приказов 1943 и 1944 гг. размещать прибывающих на площади 1,5 м² на человека. Такая обстановка сложилась в одиннадцати УИТЛК и ОИТК [2, д. 329, л. 27].

Тяжелая картина с жилищным вопросом в годы войны была не только в лагерях и колониях, но и местах боевых действий, в попадавших под бомбежку городах и селах, да и в глубоком тылу в связи с эвакуацией из западных областей. Например, на 1 января 1945 г. из 694 строений, находившихся до оккупации в г. Истре, 688 были разрушены полностью. В Великих Луках из 3007 строений 2707 были разрушены полностью, а 303 частично [5, с. 24]. «В Нижнем Тагиле более 7,5 тысячами рабочих жили в бараках с двух – и трехъярусными нарами, в поселке Ново-Тагильского металлургического завода в среднем на одного жителя приходилось всего лишь 1,7 м² жилой площади» [1, с. 90]

Та же картина наблюдалась и в других регионах. Например, в Татарстане 15 сотрудников редакции газеты «Пионерская правда» проживали в комнате площадью 35 м². В квартире из 14 м² проживали две семьи по четыре человека, при этом шесть человек из проживающих работали на заводе. В заводских общежи-

тиях, как правило, на одного человека приходилось от 2 до 4 м² [6, с. 160–161].

В годы войны в качестве жилья учитывались и использовались сараи, амбары, землянки, чердаки, палатки, кузова вагонов, баржи, залы клубов и кино, красные уголки и прочее. Всё это, как и принудительное уплотнение, ветхость жилья и нехватка топлива показывает, что жилищный вопрос, как в местах заключения, так и вне их, был одним из острейших. При всем том он решался и не помешал обеспечению главной задачи победы над фашистским захватчиком.

Список литературы и источников

1. Тряхов В.Н. ГУЛАГ и война: жестокая правда документов. – Пермь: Пушка, 2004. – С. 399.
2. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 9414. Оп. 1. Д. 34, 35, 45, 77, 328, 329.
3. Пермский государственный архив социально – политической истории. Ф. 2464. Оп. 1. Д. 1, 6.
4. Пермский край в Великой Отечественной войне: энциклопедия. – Пермь: Пушка, 2020.
5. Хлынина Т.П. Жилищный вопрос и практики его разрешения в годы Великой Отечественной войны // Научный диалог. – 2014. – № 5 (29): История. Социология. – С. 24.
6. Кабирова А.Ш. Из истории военной повседневности: решение жилищной проблемы в Татарстане в 1941 – 1945 гг. // Ученые записки Казанского государственного университета. – 2010. – Т. 152. – Кн. 3. – Ч. 2. – С. 160–161.

**МУЗЕЕФИКАЦИЯ ТЕМЫ «ТРУДОВЫЕ
АРМИИ – ЛЮДИ БЕЗ ИМЕНИ» В КУНГУРСКОМ
МУЗЕЕ-ЗАПОВЕДНИКЕ**

*Л.Ю. Елтышева,
заведующая отделом истории
Кунгурского историко-архитектурного
и художественного музея-
заповедника, Кунгур
Larisa-1408@yandex.ru*

Аннотация. Рассматриваются судьбы людей, находящихся в трудовой армии в годы Великой Отечественной войны в Кунгурском крае, а также вопрос музеефикации данной темы в Кунгурском музее-заповеднике.

Ключевые слова: трудовая армия, немцы, музей.

**MUSEUMIFICATION OF THE THEME «LABOR ARMIES –
PEOPLE WITHOUT A NAME» IN THE KUNGUR
RESERVE MUSEUM**

*Larisa Eltysheva,
head of the History Department
of the Kungur Historical, Architectural
and Art Reserve Museum, Kungur
Larisa-1408@yandex.ru*

Abstract. The article examines the fate of people who were in the labor army during the Great Patriotic war in the Kungur region. Museumization of this topic in the Kungur Museum-reserve.

Keywords: labor army, the Germans, the Museum.

Доля немецкого населения в Кунгурском районе в период Великой Отечественной войны увеличилась за счет репрессированных и депортированных немцев Украины (Крым), Белоруссии, Поволжья. Трудоспособное немецкое население было объединено в «рабочие колонны» и «трудовые армии», возводило промышленные объекты, строило жилье и дороги. В Кунгуре они работали на строительстве некоторых цехов машзавода, объектов социального назначения и на шпалозаводе. Они лишались свободы перемещения, им запрещалось хранить паспорта и военные билеты. В фондах Кунгурского музея-заповедника содержится свыше 600 единиц хранения по теме «Политические репрессии», в том числе и материалы депортированных немцев, которые работали в трудовой армии.

Первая партия немцев трудармейцев в количестве 270 человек прибыла в Кунгур в ноябре 1942 г. По свидетельству очевидцев, их поселили в здании Успенской церкви. После 10 дней карантина определили на работу. В 1943 г. на разгрузочно-погрузочных работах Кунгурского машзавода трудились 234 женщины немецкой национальности (рис. 1). Труд немецких девушек активно использовался на самых тяжелых работах – лесозаготовках. В.П. Керова из с. Зарубино Кунгурского района вспоминала: «В 1944 г. нас с подругой послали на лесозаготовки. Было тяжело нам, молодым девушкам, валить и обрабатывать лес. Особо запомнилось, когда туда нагнали немок до 100 молодых девушек. Уже через месяц их осталось только 20 или 30 человек, всех задавило лесом. Человек 30 насмерть, остальных покалечило...» [1, с. 2].

Татьяна Бергардовна Вендель (1924–2018). Родилась в Крыму в Симферопольском районе, отец – немец, мать – чешка (рис. 2). В 1942 г. всю семью сослали в Северный Казахстан. Там семью разделили. Родителей отправили под Павлодар, сестра Полина и брат Виктор остались в другом месте, а Татьяну отправили в Кунгур в трудовую армию. От машзавода была отправлена на лесозаготовки. Приходилось работать в тяжелых условиях. Голод, непосильный физический труд для молодых девушек. Татьяна Бергардовна вспоминала: «Было постоянное ощущение себя человеком второго сорта. Меня даже в профсоюз не принимали до 1950-х гг. Мы обязаны были регулярно посещать спецкомендатуру, где мы обязаны были отмечаться...». В 1945 г. в Кунгуре вышла замуж за белоруса, участника Великой Отечественной войны

А.Г. Будника. Воспитали четырех детей; Татьяна Бергардовна ветеран труда Кунгурского машзавода. Была награждена орденами Знак Почета и Трудового Красного Знамени. Как вспоминает сын, А.А. Будник, «на нее готовили документы к присвоению звания Героя Социалистического Труда, но поскольку ее национальность “немка”, то звания не присвоили» [2, ИК 6552/2ф – 2847, с. 3].

Рис. 1. В общежитии для девушек-немок из трудармии, г. Кунгур. 1944 г.

Рис. 2. Т.Б. Вендаль (слева)

Ольга Христиановна Райзер (1922 – ?). Родилась в г. Джанкой, Крым. Семья была большая, семеро детей. Отца, Х.С. Райзера, арестовали первый раз в 1934 г. по доносу о том, что он держит батрачку. Был суд, свидетельница не стала доносить, и его освободили. Второй раз его арестовали в 1937 г. и отправили в Коми АССР. Отсидел 10 лет. Семью как немцев выселили в 1941 г. на спецпоселение. С собой можно было взять 10 кг вещей. Приехали зимой 1942 г. в Кунгур. Ольга Христиановна была мобилизована в трудовую армию. Жили в бараках за Сылвой. Работала на машзаводе, на строительстве высоковольтной линии. Мать, Елизавета Яковлевна, с четырьмя дочерьми жила в пос. Голдыревский. В 1948 г. Ольгу Христиановну заставили подписать документ, что навсегда останется в Кунгуре. В 1955 г. она была снята с учета спецпоселения, вышла замуж, стала Меньшенина [2, 8214, 8215, НВ 4132, 4133, с. 2].

Люция Эдуардовна Гофман (1926 – ?). Родилась в Крыму в с. Найнлибенталь вблизи Симферополя (рис. 3). В 30-е гг. семью раскулачили и отправили в Архангельскую область. Отца, Э.Б. Гофмана, и старшую дочь 16 лет забрали в лес на лесозаготовки. Мать, Е.Х. Приб, с младшими детьми жили в лесу в шалаше в д. Нижний Рыболов под Архангельском. Работала в детском саду. Вернулись в Крым, отец был болен плевритом, умер в 1937 г. Мать работала поваром в интернате, брат учился в Керчи в техникуме. С началом войны опять выслали в Казахстан. Через месяц после прибытия в Казахстан брата забрали в трудовую армию. Пропал без вести. Мама и сестра умерли с голоду. Люция работала в колхозе. Как только исполнилось 16 лет в ноябре 1942 г., ее забрали тоже в трудовую армию и отправили в Кунгур. Люция работала на машзаводе. Выполняла тяжелую работу: выгружала вагоны, грузила золу с территории завода, работала кочегаром, разнорабочей на электростанции. В 1946 г. была переведена по болезни на легкую работу. Работала в механическом цехе раздатчицей инструмента. Впоследствии работала бухгалтером. В 1956 г. дали разрешение на выезд на родину. Но осталась в Кунгуре. С мужем М.В. Рогожниковым воспитали двух сыновей и дочь. Реабилитирована как жертва политических репрессий (рис. 4) [2, ИК 8226, НВ 4125, 4153, с. 2].

Рис. 3. Л.Э. Гофман

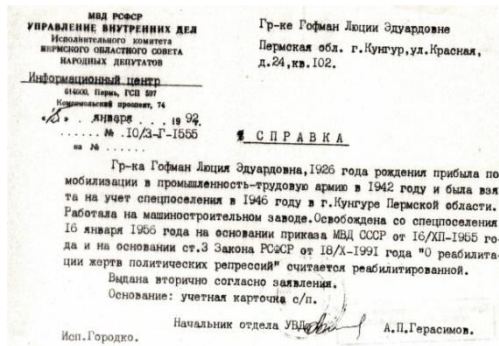

Рис. 4. Справка о реабилитации Л.Э. Гофман

Мария Францевна Браулик (1922–2000). Рано осталась без родителей. Воспитывалась у тетки в Крыму (рис. 5). Село Александровка Тельманского район было большое, жили немцы, чехи, крымские татары. Семья Марии была зажиточной. Имела свой большой каменный дом. Окончила семь классов. В 1942 г. вместе с семьей тетки была сослана в Северный Казахстан, а затем в трудовую бригаду в Кунгур. Работала на машзаводе. От завода с группой девушек-немок ее отправили на лесозаготовки в д. Сосновку Лысьвенского района. Выдали продукты только на месяц, обещали еще подвести. Продукты быстро закончились. Голодали, варили кору деревьев. Мария с подружкой пешком отправилась в Кунгур. Шли две недели. В особом отделе Кунгура против них хотели завести дело о самовольном уходе с лесозаготовок. Позже выясни-

лось, что ответственный чиновник за доставку продуктов проворовался, и на лесозаготовки продукты не отправляли. Девушки чудом избежали суда и наказания. Их отправили в Оханск тянуть линию электропередач. В 1946 г. познакомилась и вышла замуж за демобилизованного с Дальнего Востока А.Н. Синицина. Супруги воспитали сына Евгения и дочь Веру. Мария Францевна была реабилитирована в 1989 г. (рис. 6) [7, с. 1–3].

Рис. 5. М.Ф. Браулик

МВД РСФСР
УПРАВЛЕНИЕ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ
Исполнительного комитета
Пермского областного Совета
народных депутатов
Информационный центр
614600, Пермь, ГСП 507
Комсомольский проспект, 74
от « // » февраля 1992 г.
№ 10/3-С-181
на №

Гр-ке Синициной Марии Францевне
617400, Пермская обл. г. Кунгур,
ул. Коммуны, д. 91.

Архивная справка

Дана в том, что гр-н(ца) Браулик Мария Францевна, 1922 года рождения прибыла по мобилизации в промышленность-трудовую армию в 1942 году и была взята на учет спецпоселения в г. Кунгуре районе Молотовской (Пермской) области с 19 января месяц 19 56 года.

Основание: учётная карточка с/п.
Гр-н(ца) Браулик М.Ф. в соответствии со ст. 3 Закона РСФСР "О реабилитации жертв политических репрессий" от 18 октября 1991 года, реабилитирована(а).

Начальник отдела УВД А. П. Герасимов.

1991-4556

Рис. 6. Справка о реабилитации М.Ф. Браулик

Антонина Юлеюсовна Лиске (Ахтемейчук) (1922–2003). Родилась в Житомирской области, г. Новгород Волынский. В 1937 г. ее выслали в Казахстан, с 1942 г. – в трудовой армии. Работала в Соликамске, в Кунгуре на шпалозаводе [2, НВ 4137, 4138, 4139, с. 1].

Борис Борисович Дик (1914–1996), уроженец с. Павловск, Западная Украина (рис. 7). Мать умерла рано. Мачеха плохо относилась к приемным детям. Борис в знак протеста рано покинул отчий дом. Поступал в мореходное училище, но учебе помешал тот факт, что его родная тетка эмигрировала в Канаду и прислала племяннику валюту. Он ее обменял и купил себе красивую одежду. В 1933 г. окончил учительскую школу со званием «учитель начальной школы». Сестра Наталья работала в секретариате Брежнева на Украине. Борис Борисович трудился учителем в селе Балабино Запорожской области. Когда началась война и немцы заняли с. Павловск, отца Бориса за отказ с ними сотрудничать повесили. В 1941 г. Борис был мобилизован в трудовую армию Запорожским райвоенкоматом. С 25 сентября 1941 г. по 16 января 1942 г. работал на строительстве МВД СССР. Машинист-техник на острове Шпицберген, трудармеец 2-го района Соликамстроя НКВД. Был арестован 17 января 1942 г. в поселке Боровск, 2-й район Соликамстроя НКВД. Осужден 21 марта 1942 г. по обвинению в антисоветской агитации. Приговор: 10 лет лишения свободы, пять лет без права переписки. В разговоре с товарищами сказал о том, «что враг сильный, быстро не справимся». Но, как отметили свидетели, панику не сеял, поэтому расстрел заменили лагерем. На допросах, как вспоминал Борис Борисович, следователи допрашивали корректно, не зверствовали. Срок отбывал в Молотовской области. Строил КАМГЭС. А вот здесь был охранник, который издевался над заключенными. Когда их вели на стройку, несколько раз, несмотря на жару или дождь, он мог приказать заключенным лечь на землю и встать. Потом Борис Борисович оказался в Кунгурской трудовой колонии. Первая жена Бориса – Лидия, по национальности еврейка, две дочери и сын отказались от мужа и отца. Как говорил сам Борис Борисович, «так надо было, чтобы им было легче прожить». Жена не дождалась мужа из лагеря и вторично вышла замуж. Больше супруги и дети не встречались. После освобождения в 1952 г. Борис Борисович работал в строительной организации в Кунгуре. Здесь он познакомился со своей второй женой

М.Я. Шнейдер, которая была мобилизована в трудовую армию из Поволжья. В 1954 г. у Б.Б. Дика были сняты ограничения по спецпоселению, реабилитирован в 1989 г. (рис. 8) [2, ИК 8216/1-4, НВ 4134, с. 2].

Рис. 7. Б.Б. Дик

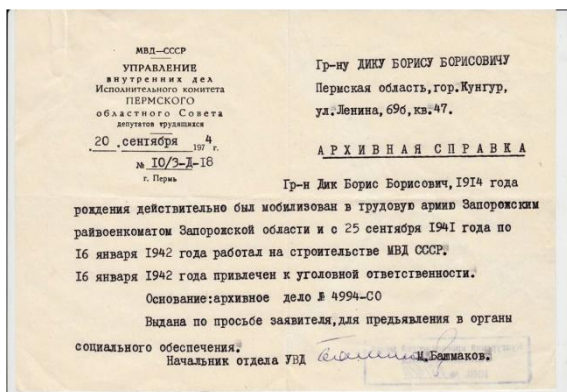

Рис. 8. Архивная справка Б.Б. Дик

Мария-Екатерина Яковлевна Шнейдер (1924–2017) родилась в Саратовской области с. Мюльберг (рис. 9). Семья была зажиточная. Она была единственным ребенком. Отец работал бух-

галтером. В колхоз вступить отказались и попали под раскулачивание. В период голода отец собирал колоски в колхозном поле, был арестован и расстрелян. Мать, чтобы прокормить дочь, охотилась в степи на сусликов. Умерла, подавившись косточкой суслика. Мария не успела окончить семь классов. После смерти матери ее воспитывала неродная бабушка. Потом был детский дом, работа нянькой в немецкой семье. Когда началась война, Мария вместе с этой семьей была сослана в Северный Казахстан. Работала в колхозе, жила на квартире. В 1943 г. эшелонами была отправлена в трудовую армию, в рабочую колонну г. Челябинска. Затем был Красновишерск. Работала на лесосплаве. Чтобы ноги не скользили по мокрым бревнам, из автомобильных шин делали обувь. Работала в Соликамске, Ныробе, Кукуштане, где строили узкоколейку. В Кунгуре работала на шпалозаводе, затем в строительной организации, где и встретила Мария Яковлевна своего будущего мужа. Воспитали двух дочерей – Елену и Анну. В семье никогда не забывали о национальных традициях, обычаях. Семья Дик – Шнейдер дружила с семьями Мельцер, Кемпель, вместе отмечали национальные праздники. Пока не получили благоустроенное жилье, жили в бараке. Одна из коллег по работе и соседка по дому прибежала иногда попросить взаймы соль или сахар. А потом Мария Яковлевна от нее в спину слышала: «Фашистка проклятая...». Мария Яковлевна была реабилитирована в 1989 г. и награждена медалью «За доблестный труд в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.» [2, ИК 8216/1, с. 1].

Рис. 9. М.Я. Шнейдер

С Кунгуром связана история двух братьев **Кемпель** – Иоганнеса (1915–1974) и Якова (1918–1959) (рис. 10). Их предки поселились в Поволжье, с. Кольб Франковского района. Иоганнес Кемпель и Клара Рен поженились перед войной. В сентябре 1941 г. они были депортированы в Омскую область. К тому времени Клара была беременна. При выезде из села у нее начались роды. На обочине дороги она родила сына. По дороге ребенок умер. Чтобы не захоронить его где-нибудь у железнодорожного полотна, родители скрыли его смерть и везли мертвого до Ишима Тюменской области. Оттуда в январе 1942 г. Иоганнес был отправлен в Богославлаг. В июне 1942 г. был «списан по акту» в состоянии крайнего истощения и отправлен по месту жительства к жене в Омскую область умирать. Выжил. В декабре 1942 г. его оправляют в Кизеллаг, п. Коспаш в шахту № 9–10. В 1949 г. в шахте случился обвал, чудом остался жив. В этом же году родилась их единственная дочь Лилия. В 1952 г. брат Яков, который был на поселении в Кунгуре, обратился в Кунгурскую спецкомендатуру с просьбой дать семье брата разрешение на переселение в Кунгур как инвалиду. Семья Кемпель воссоединилась. Иоганнес Кемпель работа в Кунгурской фотографии фотографом и художником-ретушером. Дочь, Лилия Ивановна Кемпель, вышла замуж за Петра Ремпель, родители которого тоже находились в трудармии и жили в пос. Годыревский. В 1998 г. семья Ремпель эмигрировали в Германию, проживают в Ганновере. Яков Кемпель с 1942 г. был в трудармии в п. Голдыревский, где располагалось подсобное хозяйство Богословлага – Базстроя. Был осужден по 58-й статье, сидел в Кунгурской трудколонии пять лет. Его будущая вторая жена Шарлотта Штрек с 1943 г. была в трудармии в Кунгуре. Работала на машзаводе. Так случилось, что с первой семьей судьба разлучила Якова на долгие годы. Сына и дочь от первого брака он смог вызвать к себе только в 50-е гг., когда была отменена комендатура. В Кунгуре от второго брак у него родились сын и дочь [4, с. 1–3].

В Кунгурском районе этнические группы немцев проживали в пос. Голдыревский и в совхозе Комсомольский. Практически все они попали сюда через трудовую армию.

Рис. 10. Братья Иоганнес
и Яков Кемпель с семьями

Леонид Робертович Мильхерт родился в д. Хмелевка Шепетовского района Подольской области. Семья была репрессирована в 1936 г. В семье росло четверо детей. Когда семью репрессировали, их погрузили в вагоны для скота, и начался утомительный полуторамесячный путь в неизвестность. В Казахстане высадили прямо в голую степь. И она огласилась страшным людским рёвом, который навсегда застыл в памяти Леонида. До осени построили домики – мазанки и стали жить по две – три семьи. В 1942 г. отца, старших братьев и самого Леонида мобилизовали с трудовую армию. Привезли в лес на Яйву. Полтора месяца спали только под елками, вспоминал Леонид Робертович. Охранник попался очень злой, и всегда будил уставших людей пинками. Лес сплавляли по реке. Чтобы пообедать, приходилось идти обратно за многие километры. Ноги опухали, как столбы, подросток обессилел. И неизвестно, что бы стало с ним, пока однажды не приехала в лес заведующая скотным двором совхоза «Комсомолец» Комарова. Она набирала людей для работы в совхозе, и Мильхерт попал в число отобранных. Там ему поручили уже знакомое дело – заготовку леса, потом стал мельником. Среди депортированных немцев оказался и 17-летний **Иван Лоран**. Его семью стали вывозить, когда линия фронта переместилась на территорию их родного Ровенского

района. Мать и семеро детей посадили на телегу, погрузили кое-какой скарб. На их глазах сожгли все: дом, хозяйственные постройки, чтобы возвращаться было некуда. А потом была Сибирь, лесозаготовки, бараки. Всех трудоспособных немцев призывали в трудармию. Приехавшие в д. Бараново (так в годы войны назывался поселок Комсомольский) Иван Лорен, Федор Гранц, Анатолий Файдель, Эммануил Бартель, Александр Швайгерт, Матвей Адам работали и в Кизеле на строительстве дороги Баская – Гремячинск. Сил у сосланных было немного, даже лопату в руках никто держать по-настоящему не умел, и отправили их «на поправку» в деревню Бараново. Иван Лоран пас свиней, затем стал работать на лошади. Старательного паренька заметило колхозное начальство и предложило учиться на тракториста. Рядом с новобранцами трудились на тракторах и пожилые немцы: Геландер, Петр Дерксен, Генрих Филипп... «Стало быть, наш вклад в дело Победы над врагом есть», – думал в день Победы Иван Лорен, жалевший, как и многие его сверстники, что не довелось им с оружием в руках защищать свою страну, которую они искренне считали своей Родиной. В тяжелый 1943 г. приехал тогда еще в д. Бараново **Иван Вайс**. Его сразу же назначили бригадиром, учтя его среднетехническое образование. В 1946 г. в приказах среди поощренных за ударный труд в совхозе можно увидеть и немецкие фамилии – бригадир А. Гах, чабаны Ф. Мауль, Я. Кольмбах, свинарь В. Шерер, Ф. Гренц [5, с. 97].

Александра Александровна Штейзель родилась в д. Майенкейм Саратовской области. Когда началась война, семью выселили с насиженного места. Шура попала в трудовую армию. Где только ни пришлось ей поработать: в Куйбышеве, Сызрани, на Ставрополье. Что только ни делала в этой трудовой армии, даже нефть в бочках возила. А потом ее вместе с 260 девушками-немками отправили на лесоповал. Как было там тяжело, особенно зимой! Никто из девчонок никогда прежде не держал в руках ни пилы, ни топора. Однажды Шура с подружкой пилила огромную сосну, которую вдвоем обхватить руками не могли. Устали, решили отдохнуть и улеглись возле недопиленной громадины. Вовремя увидел лесник и разбудил девушек, увел от беды. Жили в холодном бараке, а работали в брезентовых ботинках, лапти Шура не надевала. После лесоповала были другие трудные участки. Грузи-

ла вагоны вместе с корейцами и крымскими татарами. В совхозе «Комсомолец» А.А. Штейзель стала знатной птичницей, первой в хозяйстве получила 1 млн яиц. В 1966 г. ей было присвоено звание Героя Социалистического Труда [2, ИК 2269, 6214, НВ 3307, с. 1–3].

В начале 1930 г. на территории бывшего Иоанно-Предтеченского монастыря в Кунгуре была организована трудовая коммуна ОГПУ для несовершеннолетних преступников. К 1937 г. уже 1200 заключенных-подростков производили спортивную мебель, трикотаж, столы, тумбочки, шифоньеры [6, с. 17]. К 25 октября 1941 г. в колонии находилось более 800 человек. Сначала колония оставалась на территории монастыря, а затем была переведена на территорию бывшего ульевого завода в Засыльвенской части города и получила статус трудколонии №1. Охранялась военными, так как некоторые воспитанники имели сроки до 10 лет. В основе воспитательного процесса подростков лежал труд. В числе прочей продукции, которую выпускали в колонии, были знаменитые кунгурские баяны. Десятки баянов с надписями «Фронтовикам от уральцев» получили на фронте. К 31 декабря 1944 г. в Кунгурской колонии находилось 554 подростка [7, с. 145].

Воспоминания о жизни в колонии оставил немец Х.Х. Миллер. В Кунгур он был переведен из тюрьмы №1 г. Молотова: «Я прибыл в Кунгур этапом 13 декабря 1943 г. Всех помыли в бане, переодели, распределили в коллективы, накормили. С этого дня те, кто проигрывал в карты свою пайку, впервые поели хлеб. Вы бы видели, какими глазами, с какой жадностью смотрели они из стороны в сторону, боясь, чтобы кто-нибудь не отобрал». Кунгурская детская трудовая колония просуществовала до августа 1960 г. [2, ИК 6538/1ф – 2537, 6538/2ф – 2538, с.1].

О пленных немцах и венграх на территории Кунгурского района в годы войны сохранилось мало свидетельств. Ветеран войны С.З. Пихтовников вспоминает: «1944 год. Я вернулся на родину из госпиталя. В одном из жарких июльских дней война вновь напомнила о себе необычной картиной – неожиданной встречей с немцами в с. Ленск Кунгурского района. Фашистов было человек 500, они расположились на отдых. Приводили себя в порядок, питались, купались в реке. Встреча с Уралом в качестве пленным явно не радовала их. Через 2,5 часа они ушли в сопровождении 10 автоматчиков. Я узнал, что немцев вели на лесозаго-

товки в Михайловку...» [8, с. 1]. В 50-х гг. XX в. на планах Всехвятского кладбища в Кунгуре был отмечен участок под названием «Румынское кладбище». Здесь позже на средства венгерского правительства был установлен памятник пленным венграм, умершим в Кунгуре в годы Великой Отечественной войны.

Список литературы и источников

1. Летопись колхоза им. Каширина Кунгурского района: рукопись // Архив КKM.
2. Архив Кунгурского краеведческого музея (КKM).
3. Синицин Е.А. Воспоминания: рукопись // Архив КKM.
4. Ремпель Л.И. Воспоминания: рукопись // Архив КKM.
5. Одегов В.В. Листая прошлое, живем настоящим и думаем о будущем.... К 70-летию птицефабрики «Комсомольская». – Пермь: ЗёБРА, 2003. – 312 с.
6. Шевырин С.А. Из истории Кунгурской трудовой колонии для несовершеннолетних // Грибушинские чтения. – Кунгур, 2009.
7. Мушкалов С.М. Время выбрала нас. Кунгурская земля в годы Великой Отечественной войны. – Пермь. Раритет-Пермь, 2020. – 267 с.
8. Пихтовников З.С. Воспоминания: рукопись // Архив КKM.

**МЕМОРИАЛИЗАЦИЯ ПАМЯТИ «СЛОЖНЫХ» СТРАНИЦ
ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ В ТВОРЧЕСТВЕ
НИКИТЫ СЕРГЕЕВИЧА МИХАЛКОВА, РЕЖИССЕРА
И ПРОДЮСЕРА**

А.А. Винник,
главный архивист отдела запросов
Пермского государственного архива
социально-политической истории, Пермь
montewar@mail.ru

Ю.А. Воронцов,
специалист третьего разряда
отдела арестованного, конфискованного и
иного имущества Территориального управле-
ния Росимущества Пермского края, Пермь
ura1550@mail.ru

Н.А. Субботина,
архивист отдела
научно-публикаторской деятельности
Пермского государственного архива
социально-политической истории, Пермь
nat37005820@yandex.ru

М.А. Субботин,
студент III курса географического факультета Пермского
государственного национального исследовательского
университета, Пермь
max.subb.14@yandex.ru

Аннотация. Рассматривается интерпретация «сложных» страниц Великой Отечественной войны сквозь призму видения режиссера и продюсера Н.С. Михалкова. Используя понимание исторической политики, контекстуального восприятия «сложных» страниц у А.И. Миллера и О.И. Малиновой, раскрываются понятия и образы, транслируемые автором. Главной методологией является предложенная М. Ферро концепция изучения фильма как источника эпохи при воспроизведении исторических представлений. В связи с поставленной задачей изучить транслируемые образы «сложных» страниц Великой Отечественной войны и соответствующую этому мемориализацию в киносюжетах за авторством или продюсированием Н.С. Михалкова были проанализированы все его киноленты, которые соотносились бы с поставленной целью. В ходе изучения кинолент раскрыты возникающие «трудные» образы: концлагерь, война как страдание, коллаборационизм, «заградотряды» и т.д. В связи с интерпретацией данных образов и подробным изучением кинолент сделаны выводы о тех посылах, обращениях, которые Н.С. Михалков адресует зрителю.

Ключевые слова: Н.С. Михалков, Великая Отечественная война, современный кинематограф, «сложные» страницы войны, память.

MEMORIALIZATION OF THE "DIFFICULT" PAGES OF THE GREAT PATRIOTIC WAR IN THE WORKS OF NIKITA MIKHALKOV: DIRECTOR AND PRODUCER

*Aleksej Vinnik,
chief archivist of the inquiry Department,
Perm state archive of social and political history, Perm
montewar@mail.ru*

*YUrij Voroncov,
specialist of the 3rd category of the Department of arrested,
confiscated and other property, territorial administration
of the Federal property management Agency of the Perm region, Perm
ura1550@mail.ru*

*Maksim Subbotin,
3rd year student of the faculty of geography,
Perm State University, Perm
max.subb.14@yandex.ru*

*Natalia Subbotina,
archivist of the Department of scientific and publishing
activities, Perm state archive of social and political history, Perm
nat37005820@yandex.ru*

Abstract. The article examines the interpretation of the “difficult” pages of the Great Patriotic war through the prism of the vision of the director and producer N. Mikhalkov. Using the understanding of historical politics and contextual perception of “difficult” pages in A. Miller and O. Malinova theories, the authors reveals the concepts and images transmitted by the N. Mikhalkov. The main methodology is the concept proposed by M. Ferro of studying the film as a source of an epoch when reproducing historical representations. In connection with the task to study the broadcast images of the “difficult” pages of the Great Patriotic war and the corresponding memorialization in the films written or produced by N. Mikhalkov, all his films that would correspond to the goal were studied. During the study of films, the emerging «difficult» images were revealed: the concentration camp, war as suffering, collaboration, “defensive units” and so on. In connection with the interpretation of these images and a detailed study of the films, conclusions are drawn about the messages and appeals that N. Mikhalkov addresses to the audience.

Keywords: Nikita Mikhalkov, The Great Patriotic war, modern cinema, “difficult” pages of the Great Patriotic war, memory studies.

Великая Отечественная война (1941–1945) стала одним из переломных событий российской истории. Начавшаяся катастрофой, после четырёх лет упорных боёв и невероятных сложностей она была завершена победой над нацистской Германией. Победа сопровождалась сильнейшей разрухой, последствия которой преодолевались несколько лет.

Дискурс о Великой Отечественной войне неоднократно менялся с советских времён. С 2000-х гг. война стала важнейшим символическим ресурсом новейшей российской истории [1, с. 100–101]. Война в её героическом виде потеснила революцию с Гражданской войной и стала новым мифом [2]. Как замечает О.Ю. Малинова: «...память о Великой Отечественной войне благодаря ее интенсивной “эксплуатации”, с одной стороны, и укорененности в массовом сознании – с другой, выступает в качестве едва ли не главной узловой точки современной российской идентичности», что используется политиками для придания символу Великой Победы

статуса такого мифа, для создания целостного исторического нарратива у россиян [1, с. 114–115].

Великая Отечественная война как миф, интерпретируемый кинематографом, рассматривается в работах А.В. Талавер [3], О.В. Родионовой [4].

В 2001 г. был проведён опрос, который показал, что 60 % информации об исторических событиях россияне черпают из кинематографа [5, с. 195].

Кинематограф немало говорит об эпохе и её исторических представлениях. Режиссёр с помощью своего фильма может транслировать определённые исторические нарративы. Как и у О.Ю. Малиновой, в данной работе война рассматривается как символический ресурс, с помощью которого конструируется историческая память [1].

Методологической основой изучения кинодокумента является концепция историка М. Ферро, который предложил инструментарий рассмотрения фильма как источника эпохи и воспроизведения её исторических представлений, включающего несколько уровней: нарративный, формально-эстетический, стилистический и подсознательный [6].

Поговорим о фильме «Утомленные солнцем 2: Предстояние». Цветовую гамму киноленты можно разделить по боевым сценам (темные тона) и эпизодам тыловой/бытовой или военной прифронтовой жизни (светлые тона). Темные тона, намеренно используемые автором, передают его личное видение войны – весь ужас, жестокость, депрессивность, гнетущую обстановку в ожидании врага, непосредственно сам кровавый бой.

В фильме «Утомленные солнцем 2: Предстояние» затрагивается большое количество «проблемных» вопросов, связанных с Великой Отечественной войной, которые нечасто поднимались в отечественных фильмах «о войне».

Например, Котов сидит как политический заключенный в лагере системы ГУЛАГ, осужденный по 58-й статье УК РСФСР (контрреволюционные преступления). В дальнейшем ему меняют «политическую» статью на «уголовную» – 129-я – «хищение в особо крупных размерах», благодаря чему он в самом начале войны не попадает под расстрел «политических», которых заводят в отдельно стоящий барак и расстреливают из пулеметов. Эта сцена

заканчивается спорно – поселение начинают бомбить самолеты люфтваффе. Скорее всего, создателям фильма требовалось как-то «освободить» главного героя, для чего и пришлось прибегнуть к подобному сценарному ходу.

Эпизод в пионерском лагере «им. Павлика Морозова», в котором находится дочь Котова, открывает перед зрителем такие практики, как доносительство и отказ от родственников, если они обвинены по «политическим статьям». Сцена завязана на заискивании пионерки перед «человеком в погонах» и одновременно на чувстве страха, которое вызывают представители службы госбезопасности у людей, пусть даже и не «провинившихся» перед советской властью. Атмосфера страха, желание выслужиться перед «новой властью» или жажда легкой наживы в условиях тоталитарного строя толкают людей на совершение «подлостей» по отношению к друг другу.

Спустя какое-то время в фильме тонут два корабля: судно красного креста из-за конфликта с немецкой авиацией, глупой провокации и дальнейшей эскалации с обеих сторон (Красный крест нельзя было атаковать по подписанной, хоть и не соблюдаемой немцами Женевской Конвенции), корабль номенклатуры – подвергается атаке авиации. Акцентируется внимание зрителей, что «партийный» корабль за пару мгновений до гибели отказывается брать на свой борт выживших после кораблекрушения корабля Красного креста.

В дальнейшем Котов попадает в так называемый штрафной батальон, в которых проходили службу провинившиеся военнослужащие и преступники, осужденные по статьям легкой и средней тяжести, выполняя черновую работу практически на переднем краю боевых действий. Сама практика была утверждена приказом № 227 от 28 июля 1942 г., получившим негласное название «Ни шагу назад!». В штрафбатах были потери «в 3–6 раз больше, чем среднемесячные потери личного состава в обычных войсках в тех же наступательных операциях 1944 г.» [7]. Единственное, что настораживает в этой сцене, – штрафбаты еще не существовали к моменту, в котором происходит действие (октябрь 1941 г.).

Необходимо отметить, что фильм выпущен кинокомпанией «ТРИТЭ», [8], созданной Никитой Михалковым. Михалков же иг-

рает главного героя, является режиссером, сценаристом и продюсером картины.

Картина вызывает противоречивое отношение, что подтверждается низкими рейтингами фильма (рейтинг фильма на ресурсе «Кинопоиск» – 3,8 из 10 [9]; на IMDb – 4,2 из 10 и рекордно низкими сборами при большой стоимости производства: при бюджете в 40 млн долларов фильм собрал не более 7 млн [9]).

Можно предположить, что подобная реакция в обществе вызвана критическим отображением советской действительности в военные годы, которое не свойственно историческим фильмам «про войну». Если жестокость немецкой стороны никогда в общественном сознании не забывалась и всегда поддерживалась большим количеством легендарных советских фильмов, то «перегибы» и сложные вопросы советского быта обходились стороной. По мнению Н.С. Михалкова, «они своё кино уже получили за 65 лет, прошедших после Победы. Это прекрасные, великие фильмы, но там нет всей правды о войне, о многом нельзя было раньше говорить» [10].

Военная драма Н.С. Михалкова «Утомлённые солнцем 2: Цитадель» стала завершающей частью трилогии «Утомлённые солнцем». Она вышла на экраны России 5 мая 2011 г., полгода спустя после запланированной на 4 ноября 2010 г. премьеры. Фильм по сборам получился провальным, однако был выдвинут от России на премию «Оскар» [11]. На популярном ресурсе «Кинопоиск» рейтинг фильма составляет 3,5 из 10 [12]. Сам Н. С. Михалков называл фильм притчей, которую критикуют только те, кто её не понимает, картиной о боге на войне [10].

В центре сюжета фильма вымышленная история жизни героя Гражданской войны и любимца Сталина, репрессированного в 1936 г. комдива С. П. Котова в исполнении самого режиссёра.

Первая половина фильма снята в тёмных тонах (коричневый, чёрный, серый, зелёные цвета), потому что Котов находится на дне социальной иерархии. Затем, когда ему возвращают имя и звание, картинка становится более светлой, цвета становятся ярче (жёлтый, красный). На первом плане в большинстве кадров показаны лица людей: они измождённые, страдальческие, измотанные жизнью, однако порой их озаряет искренняя радость от перемен в

жизни, встреч с любимыми людьми. Это особенно относится к семье и окружению С.П. Котова [12].

Образ войны, созданный авторами фильма, по их словам, основан на реальных событиях и реальных документах [13]. Однако, в этом следует усомниться. Одна из главных тем фильма – неприглядная сторона войны, так называемые «штрафники», или солдаты штрафных батальонов, цель которых штурмовать неизвестную немецкую крепость в 1943 г. Крепость, правда, больше напоминает средневековый замок, выглядящий в фильме анахронизмом [12].

Причины попадания штрафников в батальоны не раскрываются, зато эти люди показаны в очень выгодном свете: честные, патриотичные, разбирающиеся в военном деле, готовые умереть за убеждения. В противоположность им показаны образы советских генералов – пьющие, оружие офицеры [12].

Отдельного внимания заслуживают эпизоды жизни тыла, показанные в фильме. Фильм говорит зрителю следующее: в тылу все жили хорошо, не было никаких лишений. Было два типа людей: воевавшие и «откосившие» от армии бездельники, пересидевшие войну в спокойствии и достатке [12], что коренным образом отличается от многочисленных свидетельств очевидцев и документов эпохи.

Фильм выбивается из плеяды героических картин о Великой Отечественной войне, которые снимали в 2000–2010 гг. Эти фильмы косвенно затрагивают сложности войны и говорят о героизме, едином народе, гордости за страну и предков, обходя «неудобные вопросы» войны.

Фильм «Утомлённые солнцем 2: Цитадель» строится на теме несправедливых репрессий, самодовольных неграмотных полководцев, подлых сотрудников спецслужб и безжалостного политика Сталина. Такой нарратив серьёзно выбивается из общего официального дискурса о войне в 2000–2010 гг. Низкие рейтинги говорят о том, что общество не поняло замысла режиссёра и не готово к потреблению «тёмных» сторон войны. Война давно стала одной из основ современного российского нацистроительного мифа [14]. Если учесть позицию «позднего» Н.С. Михалкова, считающего свой фильм гениальным и поставившего во главу угла тёмные и противоречивые страницы войны, негативная реакция российских зрителей объяснима.

Фильм «Т-34», спродюсированный Никитой Михалковым, вышел в прокат 1 января 2019 г. В мире премьера состоялась позже – 11 января. По данным сайта «Кинопоиск» в прокате фильм собрал 32 млн долларов при затраченных на производство 10 млн. Интересно, что на международном сайте-агрегаторе о кино рейтинг фильма составляет 6,6 из 10, а на его российском аналоге «Кинопоиске» – 6,5 из 10. Российская аудитория подошла немного строже к оценке фильма [15].

Стоит упомянуть о кастинге фильма. Сами актеры неплохо подобраны, игра позволяет разглядеть за каждым из них презентуемый образ. Но нам важна не столько игра актеров, сколько костюмы (яркие, чисты робы), грим (румянец на щеках, минимум грязи) и сцены (приятные глазу, динамичные).

Весь фильм выполнен в довольно ярких тонах. Многие сцены сняты при хорошем освещении, на природе. Интересно, что даже робы узников концлагерей очень насыщенных цветов. Учитывая тяготы и трудности лагерной жизни, а также условия жизни в таких местах, кажется весьма спорным решение снимать фильм именно таким образом. Фильм изобилует большим количеством крупных планов, на которых показывают героев фильма – упитанных, здоровых, сильных.

В фильме можно заметить огромное количество пробелов и брешей в повествовании. Танкистам дают разрешение использовать танк, при этом не проверив отсутствие снарядов. У одной из заключенных концлагеря есть разрешение на однократный выход из зоны. Немцы легко учатся говорить по-русски и братаются с заключенными лагеря. Дуэль на танках. Огромное количество таких ошибок просто невозможно объяснить художественной необходимостью или недочетами автора, сценария и режиссера.

Спорные моменты истории показаны здесь очень странным образом. Лагеря и лагерная жизнь выглядят как отдых в санатории. Хочешь уйти из лагеря или хорошо питаться – пожалуйста. Робы чистые, лица загорелые и здоровые. Все выглядят довольно бодро. Также большая брешь в правде изображения – это побег главных героев. Казалось бы, важная тема возвращения из плена не раскрывается вообще. Фильм говорит нам, что герои встретятся с союзниками, и все у них будет хорошо. Это очень странно, если учитывать наказания, данные большинству вернувшихся из плена. Еще одной лакуной остается проблематика поведения немцев в концлагерях. Только в двух сценах из множества есть моменты, когда немцы наказывают узников. В остальных они просто гово-

рят, пьют с ними, отдыхают. Очень спорным моментом являются и решения руководства лагеря, когда они дают особо опасному рецидивисту, который семь раз совершал побег, танк!

В целом, исходя из обозначенного, можно сделать вывод, что фильмы, которые рассматривались выше, поднимают «спорные» исторические темы [16–18]. Но при этом в данных фильмах Никита Михалков иногда слишком художественным образом обрабатывает проблемные вопросы. Темы концлагерей, узников, пыток, проблемы фронта и тыла транслируются нам через призму взгляда режиссера, который зачастую показывает войну героизированной, «чистой», без сложных проблем. Причем, если в самом начале в его фильмах подобные вопросы все же пытались осмысливаться, то в фильме «Т-34» об этом говорить трудно. Надеемся, что в последующих фильмах этого режиссера эти проблемы будут представлены совсем в ином дискурсе.

Список литературы

1. Малинова О.Ю. Актуальное прошлое: Символическая политика властвующей элиты и дилеммы российской идентичности. – М.: Политическая энциклопедия, 2015. – 207 с.
2. Копосов Н. Память строгого режима: история и политика в России. – М.: Новое литературное обозрение, 2011. – 320 с.
3. Талавер А.В. Память о Великой Отечественной войне в постсоветском кинематографе. Этапы осмысления прошлого (от 1990-х к 2000-м). – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2013. – 56 с.
4. Родионова О.В. Образ Великой Отечественной войны в кинематографе как отражение культурно-исторической памяти и механизм самоидентификации // Вестник Московского государственного лингвистического университета. – 2017. – №1. – С. 146–171.
5. Историческая память населения России (Материалы «круглого стола» в Российской академии государственной службы при Президенте Российской Федерации 20 ноября 2001 г.) // Отечественная история. – 2002. – №3.
6. Волков Е.В. Пономарева Е. В Игровое кино как источник для изучения исторической памяти // Вестник ЮУрГУ. – 2012. – №10 (269). – С. 22–26.
7. Штрафбаты и заградотряды Красной армии в годы Великой Отечественной войны [Электронный ресурс]. – URL:

[@cmsArticle](http://encyclopedia.mil.ru/encyclopedia/history/more.htm?id=11205690) (дата обращения: 18.08.2020).

9. Утомленные солнцем 2: Предстояние [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.kinopoisk.ru/film/103299/> (дата обращения: 20.08.2020).

10. Никита Михалков: «Буду защищать то, что сделано» [Электронный ресурс]. – URL: [http://www.trud.ru/article/23 – 05 – 2010/242658_nikita_mixalkov_budu_zaschischat_to_chno_sdelano.html](http://www.trud.ru/article/23-05-2010/242658_nikita_mixalkov_budu_zaschischat_to_chno_sdelano.html) (дата обращения: 20.08.2020).

11. Фильм Михалкова «Утомлённые солнцем–2. Цитадель» выдвинут на престижнейшего «Оскара» [Электронный ресурс] // KM.ru. – URL: [https://www.km.ru/kino/2011/09/21/kino–v –mire/film –mikhalkova –utomlennye–solntsem –2 –tsitadel –vydvynut –na –prestizhneish](https://www.km.ru/kino/2011/09/21/kino-v-mire/film-mikhalkova-utomlennye-solntsem-2-tsitadel-vydvynut-na-prestizhneish) (дата обращения: 08.08.2020).

12. Утомлённые солнцем 2: Цитадель. [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.youtube.com/watch?v=aOSIR1uG7ig> (дата обращения: 18.07.2020).

13. Интервью Никиты Михалкова и Эдуарда Артемьева на портале KM.RU [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.youtube.com/watch?v=Jv7ee7OVd9A> (дата обращения: 06.08.2020).

14. Миллер А.И. Лабиринты исторической политики // Россия в глобальной политике. – 2011. – Т. 9, №3. – С. 49–62.

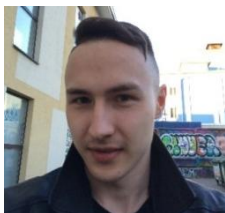
15. Т-34 (2019) [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.kinopoisk.ru/film/930878/> (дата обращения: 29.08.2020).

16. Возвращение живых мертвецов [Электронный ресурс]. – URL: <http://smena.ru/news/2010/05/17/17237/> (дата обращения: 20.08.2020).

17. Михалков – власть, гимн, BadComedian [Электронный ресурс] // Канал вДудь. – URL: <https://www.youtube.com/watch?v=6cјcgu865ok> 14.39 –25.15. (дата обращения: 28.07.2020).

18. О компании [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.trite.ru/company/about/> (дата обращения: 20.08.2020).

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ СЛОЖНЫХ СТРАНИЦ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ В МУЗЕЙНОМ ПРОСТРАНСТВЕ МУЛЬТИМЕДИЙНЫМИ СРЕДСТВАМИ (НА ПРИМЕРЕ МУЗЕЯ «РОССИЯ – МОЯ ИСТОРИЯ»)

Ш.Р. Багоев,
*магистр I курса
историко-политологического факультета
Пермского государственного национального
исследовательского университета, Пермь
bagoeevshamil@yandex.ru*

Аннотация. Великая Отечественная война является grand narrative в памяти российского общества. При этом она вырвана из контекста существования СССР. «Сложные страницы» войны репрезентируются отдельно от grand narrative в «местах памяти», в том числе и в музейном пространстве. Это фрагментарность в рамках «клиповой культуры» приводит к искажению памяти о важных событиях прошлого. Рассматривая музей как важный инструмент коммеморации, относящихся к научному полю memory studies, исследуется репрезентация памяти о «сложных страницах» Великой Отечественной войны в музее «Россия – Моя история» с помощью мультимедийных средств.

Ключевые слова: grand narrative, места памяти, клиповая культура, коммеморация, memory studies, коллективная память.

THE REPRESENTATION OF THE DIFFICULT PAGES OF THE GREAT PATRIOTIC WAR IN MUSEUM SPACE BY MULTIMEDIA MEDIA (ON THE EXAMPLE OF THE MUSEUM «RUSSIA – MY HISTORY»)

Shamil Bagoev,
*1st year master of the Faculty of History and Politics
Perm State National Research University, Perm
bagoeevshamil@yandex.ru*

Abstract. The Great Patriotic War is a grand narrative in the memory of Russian society. At the same time, it was take out of context of the existence of the USSR. «Difficult pages» of the war are represented separately from the

grand narrative in «places of memory», including in the museum space. This fragmentation within the framework of «clip culture» leads to distortion of the memory of important events of the past. Considering the museum as an important instrument of commemoration related to the scientific field of memory studies, the representation of the memory of the «difficult pages» of the war in the museum «Russia – My history» using multimedia means is investigated.

Keywords: grand narrative, places of memory, clip culture, commemoration, memory studies, collective memory.

Великая Отечественная война оставила неизгладимый след в истории нашего государства и остается grand narrative в построение идентичности у российского общества. При этом она включает в себя огромное множество противоречивых нарративов (ГУЛАГ, штрафные батальоны, депортации народов). В силу этого нужно очень осторожно подходить к интерпретации нашего прошлого, но, к сожалению, это происходит не всегда однозначно, вызывая острые дискуссии в научной среде и в медиапространстве. Особое место ретранслятора исторической памяти занимают музеи. Одним из последних проектов в сфере социально-культурной репрезентации прошлого стал проект «Россия – Моя история», вызвавший множество диаметральных оценок. Являясь по сути продуктом клиповой культуры – термин, предложенный Элвином Тоффлером, – музей «Россия – Моя история» прививает его посетителям клиповое мышление. В силу своих особенностей оно не способно в полной мере помочь в интерпретации нарратива Великой Отечественной войны и создает искаженную картину у посетителей о событиях прошлого.

В 90-е гг. новая российская правящая элита столкнулась с проблемами поиска идентичности для молодого государства. Это был закономерный этап в процессе декоммунизации в странах Восточной Европы. В случае с Россией он развивался по другому сценарию, в отличие от других бывших членов Варшавского договора, где происходили «бархатные революции». Поиск идентичности в условиях складывания рыночной экономики был сложен и противоречив. В политической сфере наблюдалась острая борьба между правящим истеблишментом и жаждущими реванша коммунистами, апогеем которой стали президентские выборы 1996 г. Это борьба во многом нашла свое отражение в символической политике или в более узком смысле – в исторической политике, ко-

торая своими методологическими корнями уходит в знаменитой «спор историков» в 80-е гг. в ФРГ о поиске национальной идентичности.

Только во времена президентства В.В. Путина идентичность удалось более или менее сформировать. Алейда Ассман приводит следующие слова из статьи «Трансформации нового режима времени»: «Русскую революцию 1917 года Путин свел к простому перевороту, и главный праздник страны, 7 ноября, был стерт из памяти русской культуры. Его заменили другим праздником, 4 ноября, спешно сфабрикованным путинскими историками, которые, словно по волшебству, создали никому не известное (и, возможно, в значительной степени высосанное из пальца) событие XVII века, чтобы предложить населению страны новую, ближайшую по календарю к давно уже любимому национальному празднику, дату» [1].

Пьер Нора в своей *magna opus* «Места памяти» заключает, что память – это изначально субъективная операция. «В отличие от истории, память – это эмоциональное переживание, связанное с реальным или воображаемым воспоминанием и допускающее всевозможные манипуляции, изменения, вытеснения, забвения» [2]. Соглашаясь с ним, мы в дальнейшем оперируем понятием памяти в научном поле *memory study* и используем концепцию Пьера Нора о «местах памяти».

Согласно теории этапов развития цивилизации М. Маклюэна, «общество, находясь на современном этапе развития, трансформируется в “электронное общество” или “глобальную деревню” и задает посредством электронных средств коммуникации многомерное восприятие мира. Развитие электронных средств коммуникации возвращает человеческое мышление к дотекстовой эпохе, и линейная последовательность знаков престаёт быть базой культуры» [3].

Можно ли тогда считать происходящие перемены в восприятии мира регрессом общества и упадком культуры? Неужели человечество возвращается в первобытные времена, когда наскальная живопись была чуть ли не единственным способом оставить после себя какую-либо память? Возможно, все дело в двойственности. Прогресс, который неустанно сопровождает нашу жизнь, перестает быть благом. Общество потребления или технократия во всех сферах жизни стали бессменной основой социокультурных

паттернов современного общества, которое при этом перестает развиваться нравственно и морально. Ж. Бодрийяр заключает, что «общество потребления» – это не пассивное состояние поглощения или присвоения, это – основополагающий процесс социокультурной жизнедеятельности современного буржуазного общества [4].

Если переложить трансформацию методов восприятия в контекст современных российских репрезентаций событий прошлого, в том числе нарратива Великой Отечественной войны, возникают мысли о «потреблении» памяти в рамках «клиповой культуры» или, в более узком смысле, в модели «клипового мышления». Впервые феномен «клиповой культуры» (от англ. to clip – обрезать, обрывать, делать вырезки) как принципиально нового явления был отмечен американским футурологом Э. Тоффлером, рассматривающим данное понятие в качестве составляющей общей информационной культуры.

Согласно Э. Тоффлеру, клиповая культура – это культура коротких сообщений, которая создается за счет свободного эпинга – быстрого переключения между различными каналами информации, например, как это происходит при переключении телевизионных каналов [5]. Обобщая телевидение, радио, Интернет под одним понятием «медиа», можно цитировать слова Маршала Маклюэна, что медиа – это не просто пассивные каналы информации. Они поставляют материал для размышления, но они также формируют и сам процесс мышления [3]. Музей «Россия – Моя история» – это пример проникновения медийности в музейное пространство.

Используя методологию Пьера Нора, утверждение о том, что музей является «местом памяти», явственно имеет смысл. Материальные предметы, хранящиеся там, оборачиваются символическим, даже сакральным смыслом. Пьер Нора приводит следующее высказывание: «“Места памяти” являются местами в трех смыслах – материальном, символическом и функциональном. Но эти модусы мест памяти весьма взаимосвязаны: даже место, внешне совершенно материальное, как, например, архивное хранилище, не является местом памяти, если воображение не наделит его символической аурой» [2]. Также музей становится функциональным местом, так как, например, обладает образовательной функцией.

При конкретизации вышесказанного на примере музея «Россия – Моя история» возникают вопросы о применении концепции «мест памяти» к этому музейному пространству. По замечанию П. Нора, музей относится к «базовым инструментам исторической работы и к наиболее символическим объектам нашей памяти» [2]. Безусловно, музей «Россия – Моя история» относится к постмодернистской модели организации музейного пространства и во многом порывает с традициями классического музея, который существовал с конца XIX в. до конца XX в.

Для нас важна оценка процесса репрезентации «сложных страниц» Великой Отечественной войны в музее «Россия – Моя история» через призму памяти. Именно памяти, а не истории, потому что каждый из нас может интерпретировать события из прошлого, которое «принадлежит многим людям, начиная с тех, кто пережил недавние события, и особенно тех, кто пострадал от них» [2]. К сожалению, все меньше людей, причастных к событиям Великой Отечественной войны, остается в живых, но это неизбежный закон жизни. Если концепция коллективной памяти реализуется, и автор статьи и его сверстники, родившиеся в конце 80-х – начале 90-х гг., станут последним поколением, которые застанут участников войны живыми, то репрезентация прошлого в рамках устной истории прервется, и станет гораздо сложнее сохранить объективность в интерпретации Великой Отечественной войны. Хотя объективность, являющаяся непостижимым идеалом в исторической науке и тем более в истории памяти, меньше всего применима в интерпретации прошлого.

Пьер Нора и его концепция «мест памяти» относится к научному полю *memory studies*. Один из краеугольных камней *memory studies* – это соотношение коллективной и индивидуальной памяти. Впервые термин коллективной памяти внес в научный оборот французский социолог Морис Хальбвакс, ученик Эмиля Дюркгейма. Коллективная память – это представление о прошлом, разделяемое и конструируемое членами социальной общности [6].

«Историческая память», «социальная память», «коллективная память» часто представлены, как тождественные дефиниции, но при этом они используются в разных дискурсах. Социальная психология употребляет понятие «коллективная память», социологи предпочитают понятие «социальная память». «Историческая

память» является прерогативой представителей социокультурной антропологии.

В этой статье мы оперируем понятием «коллективная память», так как рассматриваем исследовательскую проблему отчасти через призму социальной психологии. При этом не ставим цель использовать методологию когнитивной психологии, в которой память является одним из ключевых понятий, и даже не стремимся задействовать нейробиологию. По крайней мере не в рамках данного исследования.

Для нас важно в первую очередь, как коллективная память входит в контекст социальных наук. Опять же существование этой дефиниции в научном языке ставится под сомнение многими учеными, например Р. Козеллеком, настаивающим на том, что память может быть только индивидуальной [7]. В связи с этим будет уместно использовать понятие памяти, не разделяя ее на коллективную или индивидуальную. Рассматривая ее как важный инструмент создания социальной идентичности и сплочения общностей, необходимо обратиться к Э. Дюркгейму, основоположнику социологической науки, и его работе «Элементарные формы религиозной жизни».

Именно Дюркгейм в своей книге описал вид религиозного ритуала, практиковавшийся у австралийских племен, репрезентативный или коммеморативный ритуал, цель которого состоит в репрезентации мифической памяти о предках и создании чувства единения или определенной идентичности. Из этого следует, что именно Дюркгейм вводит понятие «коммеморация» или «коммеморативные практики» – способ укрепления и передачи памяти о прошлом. Это способствует формированию коллективной памяти о событиях прошлого, создает единство общества и преемственность поколений [8]. Музей «Россия – Моя история» – это воплощение коммеморативных практик в материальной оболочке, как изначально планировали его создатели. Вопрос об объективности этого суждения остается дискуссионным и подвергается верификации в данном исследовании.

Во многом в основу анализа положена известная книга Маршалла Маклюэна «Галактика Гутенберга», в которой автор анализирует историю восприятия информации людьми от первобытного общества до 60-х гг. XX в. и противопоставляет устную и

письменную культуру. Стилистика данной книги очень необычна. Не являясь по своей сути научной монографией, она складывается как компиляция художественных текстов и выдержек из научных статей. Для книги характерен принцип фрагментарности, каждая глава которой может быть прочитана в произвольном порядке, что является основополагающим признаком постмодернистской литературы. Для работы Маклюэна свойственна гипертекстуальность, текст насыщен отсылками и аллюзиями, которые могут превратиться в ссылки, если поместить текст в интернет-пространство, превратив книгу Маклюэна в набор различных лонгридов. В наше время письменный текст перестает быть отражением окружающего мира, а это значит, что меняется образ мышления людей. Они перестали воспринимать текст как главный носитель информации. Устная культура ставит во главу угла различные медиа, в частности Интернет. Именно он является главным катализатором формирования «клиповой культуры», в которой на первый план выходят визуальные образы, представленные в музее «Россия – Моя история». При всех своих достоинствах «клиповая культура» имеет ряд недостатков, одним из которых является фрагментарность восприятия информации. Индивиду сложно собрать разрозненные кусочки пазла в единую мозаику.

Непосредственному анализу подверглись две экспозиция «Память поколений» и «От великих потрясений до Великой Победы: 1917–1945 годы». Первая экспозиция была посвящена памяти о Великой Отечественной войне. Главными и единственными ретрансляторами памяти были картины известных художников XX в. о войне. 200 шедевров живописи были разделены на несколько разделов: «Фронт», «Тыл и оккупация», «Победа», «Павшим вечная слава», «Старые раны. 1960-е», «Эхо прошедшей войны. 1970-е», «Во имя жизни. 1990–2010-е». К сожалению, в картинах известных художников не было обнаружено отражение «сложных страниц» Великой Отечественной войны, таких как ГУЛАГ, штрафные батальоны, депортация народов. Так это и закономерно. Откуда этим нарративам взяться на картинах, написанных в годы войны и послевоенное время. В то время не было принято изображать «сложные страницы» на полотнах живописи. То есть посетители, прийдя в музей, не будут помнить об этом.

Вторая экспозиция охватила период от Октябрьской революции до конца Великой Отечественной войны. С помощью мультимедийных средств у посетителей есть возможность ознакомиться с 700 архивными документами, 3000 информационных статей, 1000 часов документальной хроники, пятью авторскими инсталляциями. Экспозиция предлагает взглянуть на эпоху Советов без «розовых очков», ознакомиться со сведениями из архивов спецслужб под грифом «секретно» и «совершенно секретно». Концептуально выставка провозглашает народ строителем великого государства.

Как и в случае с первой экспозицией, попытки осмысления «сложного прошлого» в контексте Великой Отечественной войны не наблюдалось. Лишь в экспозиции «Россия – Моя история. 1945–2016» был мультимедийный стенд, посвященный культуре личности Сталина, в котором репрезентовались «сложные страницы» войны: ГУЛАГ, депортация народов, религиозная политика государства в годы войны. Это было представлено вне контекста главного события русской истории XX в., которое словно вычистили от того, что люди современности должны были помнить. Складывалась картина, что «сложные страницы» войны не могут состоять в *grand narrative*. Народ не виноват в том, что это было. Виновато советское руководство во главе со Сталиным. Всего один стенд, несколько тысяч знаков, посвященных травмирующей памяти о прошлом, связанной с трагическими событиями Великой Отечественной войны, словно маленький пазл, фрагмент в огромной мозаике нашей истории.

Музей «Россия – Моя история» поражает своей мультимедийностью и рассчитан на четыре типа восприятия информации человеком, но их степень воздействия при этом отличается. В первую очередь экспозиция музея рассчитана на приверженцев визуального типа восприятия. Дальше идут аудиалы, для которых информацию можно прослушать с помощью аудиоустройств. Кинестетикам сложно будет усвоить информацию, так как в плане эмоционального заряда посещения музейного пространства оставляют желать лучшего. Посещение государственного музея Аушвиц – Биркенау может оказать сильнейшее воздействие на кинестетиков. Так же, как, например, посещение музея «Пермь-36». В исследуемом музее нет составляющих, которые могли бы эмо-

ционально и чувственно взбудоражить посетителей. И четвертый тип – это дигитал, для которого будет сложно систематизировать и структурировать информацию, полученную в музейном пространстве.

Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод, что для музея «Россия – Моя история» предпочтительной целевой аудиторией являются визуалы. Оказавшись там, словно попадаешь в интерфейс мобильного телефона. Информация подана в виде картинок с выпадающим текстом. Посетитель бродит по музею и скринит информацию на touch-экранах информационных стендов, словно экспонаты музея XXI в.

Упоминание «сложных страниц» Великой Отечественной войны в музейном пространстве, безусловно, присутствует, но за рамками контекста самой войны. Это искажает картину образов прошлого, показанную через призму ретранслятора памяти, в материальном воплощении музея «Россия – Моя история». При этом в каждом крупном городе присутствует такое типовое музейное пространство. Коллективная память россиян о *grand narrative* Великой Отечественной войны формируется в рамках клипового мышления и не способна в полной мере сформировать картину произошедших событий.

Список литературы

1. Ассман А. Трансформация нового режима времени / пер. с англ. В. Кучерявкин // Август, XX век: Трансформация жизни частного человека в эпоху социальных катаклизмов: коллективная монография: в 2 т. – М.: Новое литературное обозрение, 2014. – Т. 1. – С. 16–31.
2. Нора П. Проблематика мест памяти // Франция-память. – СПб: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 1999. – С. 17–50.
3. Маклюэн М. Галактика Гуттенберга: Становление человека печатающего. – М.: Академический проект, 2005.
4. Бодрийяр Ж. Система вещей. – М.: Рудомино, 2001. – 231 с.
5. Тоффлер Э. Шок будущего: пер. с англ. – М.: АСТ, 2002. – 557 с.
6. Хальбвакс М. Социальные рамки памяти. – М.: Новое издательство, 2007. – 346 с.

7. Ассман А. Новое недовольство мемориальной культурой. – М.: Новое литературное обозрение, 2016. – С. 17–20. РАНХиГС, 2018. – 736 с.

8. Дюркгейм Э. Элементарные формы религиозной жизни: тотемическая система в Австралии = Les Formes élémentaires de la vie religieuse: le système totemique en Australie / пер. с франц. А. Апполонова и Т. Котельниковой; под науч. ред. А. Апполонова. – М.: Изд. дом «Дело», 2018.

МУЗЕЕФИКАЦИЯ ИСТОРИИ ЛАГЕРНЫХ КОНСТРУКТОРСКИХ БЮРО В ПЕРМИ

*С.А. Шевырин,
канд. ист. наук, заведующий
научно-методическим отделом,
Мемориальный музей-заповедник
«Пермь-36», Пермь
shewirin@mail.ru*

Аннотация. В годы Великой Отечественной войны на территории города Молотов (Пермь) были размещены эвакуированные исследовательские бюро – конструкторское и техническое при НКВД. Эти бюро состояли из заключенных-ученых, осужденных по сфабрикованным делам «во вредительстве», «шпионаже» и др. Ученых разместили при военных производствах города – пушечном и пороховом. Всю войну ученые изобретали новые системы вооружения, пороха, тем самым приближая Победу. В послевоенное время их деятельность и вклад в Победу были засекречены. Только на рубеже 1990-х – 2000-х годов эта страница истории стала доступна исследователям и началась работа по музеификации памяти об этих людях и их деятельности.

Ключевые слова: ГУЛАГ, «шарашки», артиллерия, порох, НКВД, 58 статья, особое конструкторское бюро.

MUSEUM OF THE HISTORY OF THE CAMP DESIGN BUREAUS IN PERM

*Sergey A. Shevyrin,
Ph. D., Head of the Scientific and Methodological Department,
Memorial Museum-Reserve «Perm-36», Perm
shewirin@mail.ru*

Abstract. During the Great Patriotic War, the evacuated research bureaus – the design and technical offices of the NKVD-were located on the territory of the city of Molotov (Perm). These bureaus consisted of prisoners-scientists convicted of fabricated cases of "sabotage", "espionage", etc. Scientists were placed at the military production facilities of the city – cannon and gunpowder. Throughout the war, scientists invented new weapons systems, gunpowder, thereby bringing Victory closer. In the post-war period, their activities and contribution to the Victory were classified. Only at the turn of the 1990s-2000s, this page of history became available to researchers and work began on museumification of the memory of these people and their activities.

Keywords: GULAG, "sharashki", artillery, gunpowder, NKVD, article 58, special design bureau.

На рубеже 1930-х гг. в советской пенитенциарной системе появились новые учреждения – конструкторские и технические бюро, в которых работали осужденные в большинстве своем по 58-й статье заключенные. Этому способствовало то, что в стране шла настоящая травля специалистов. Так, в результате «Шахтинского дела» 1928 г. десятки специалистов – инженеры, механики, техники – были обвинены в создании контрреволюционной вредительской организации и осуждены. После слов Сталина на апрельском пленуме 1929 г. – «Шахтинцы сидят теперь во всех отраслях нашей промышленности» – по всей стране начались поиски вредителей среди интеллигенции. Так, только за 1931 г. ОГПУ было осуждено 1152 инженера за «вредительство» [1, с. 102].

Наполнение лагерей и тюрем инженерами, техниками, химиками и т.д., естественно, вело к их значительной убыли на воле и привлечению внимания к этой особой группе заключенных высшего начальства. 15 мая 1930 г. появился особый циркуляр, подписанный председателем ОГПУ Г. Ягодой и председателем ВСНХ (Высший Совет народного хозяйства) В. Куйбышевым, который предлагал «...использовать вредителей ...таким образом, чтобы работа их проходила главным образом в помещении органов ОГПУ. ...Оказывать им содействие в деле постановки опытных работ...» [2, с. 46]. Но фактически к этому времени первое тюремное конструкторское бюро уже существовало. Попавших в разряд «вредителей» специалистов по самолетостроению и авиадвигателям ОГПУ сосредоточило в Бутырской тюрьме, где они еще в декабре 1929 г. занимались конструированием новых самолетов

[3, с. 584]. После репрессий среди научно-технических работников на железной дороге ОГПУ при Транспортном отделе Народного комиссариата путей сообщения СССР было организовано Особое техническое бюро (ОТБ), в котором работали только что осужденные инженеры и конструкторы [4].

Циркуляр от 15 мая 1930 г. давал возможность широко распространить опыт Бутырской тюрьмы. Причем инженеров-«вредителей» предполагалось использовать исключительно в области «производства новых средств вооружения армии и флота» [3, с. 444]. Такие тюремные КБ были организованы в Москве, Ленинграде, Таганроге, Ростове, Казани и других городах.

В Перми до 1941 г. таких КБ не было. В годы Великой Отечественной войны в Пермь (Молотов) были эвакуированы два тюремных бюро. Из-под Москвы (Болшево) было эвакуировано Особое техническое бюро (ОТБ) НКВД при Научно-исследовательском институте промышленности боеприпасов, а из ленинградских «Крестов» – артиллерийское Особое конструкторское бюро (ОКБ) № 172. Всю войну ученые-химики и конструкторы-артиллеристы изобретали и создавали новые пороха, пушки. В декабре 1944 г. ОКБ-172 возвратили в Ленинград, разместили в старых корпусах «Крестов». Большинство заключенных-химиков были освобождены в 1943 г.

Заключенные ОТБ при пороховом заводе А.С. Бакаев и Д.И. Гальперин в годы войны сумели найти замену редкому централиту (входил в состав зарядов «Катюши») и создали новый улучшенный состав баллиститного пороха. Разработанная этим же ОТБ система непрерывного шнекового производства ракетных зарядов увеличила в два раза скорость их изготовления [5, с. 13–14]. Именно это дало возможность гвардейскому реактивному миномету БМ-13 («Катюша») стать символом мощи советского оружия. Благодаря ученым-химикам из ОТБ НКВД Кировский завод в годы войны стал основным поставщиком порохов в стране [6, с. 20]. На счету лагерной «шарашки» ОКБ-172 – разработка пехотной противотанковой пушки М-42 («Аннушки»), модернизация 152-миллиметровой гаубицы-пушки МЛ-20 (позже использовалась в самоходке ИСУ-152), разработка 122-миллиметровой самоходки повышенной мощности М-22 [7, ф. 889. оп. 1, д. 413, л. 17–19], 76-миллиметровой дивизионной пушки БЛ-14, 85-миллиметровой

противотанковой пушки БЛ-19 [8, с. 57] и других. Главным конструктором ОКБ-172 был М.Ю. Цирульников, который за разработку важнейших для страны артиллерийских систем по ходатайству наркома вооружения Д.Ф. Устинова в 1943 г. был досрочно освобожден. Многие другие конструкторы остались в заключении.

В послевоенное время деятельность и существование этих подневольных научно-исследовательских бюро была засекречена, а эта часть биографии бывших заключенных умалчивалась, как часто и их имена. Так, в протоколе V Общезаводской партконференции пушечного завода №172 от 11-12/V-46 г. про ОКБ 172 говорится: «Завод имел два конструкторских бюро. К.Б., возглавляемое т. Ивановым, дало в начале машины М-42 и ОБ-26, которые были приняты на вооружение. К.Б., возглавляемое т. Гуренко, дало совместно с Челябинским, самоходную установку» [7, ф. 889, о. 2, д. 1, л. 69–70]. Товарищ Иванов Николай Алексеевич – подполковник государственной безопасности (ГБ), а с 1943 г. – полковник ГБ – возглавлял ОКБ со стороны НКВД. Необходимо отметить, что Н.А. Иванов кроме званий госбезопасности имел инженерно-техническое образование – в 1933 г. окончил военное отделение Ленинградского электротехнического института и в 1936 г. – военную академию РККА им. Буденного по специальности «военный электротехник». До службы в НКВД и ГБ успел поработать старшим инженером нескольких московских заводов [9, с. 225]. Сергей Петрович Гуренко – главный конструктор заводского КБ в годы Великой Отечественной войны. То есть даже в архивных документах, на то время строго секретных, второе конструкторское бюро, состоящее из заключенных, упоминается вскользь – только имя начальника КБ по линии НКВД.

В 1976 г. был открыт музей Мотовилихинских заводов в подведомственном ДК им. Ленина. Сохранились буклеты этого музея – 1988 и 1991 гг. В буклете 1988 г. в разделе «Ратный подвиг Мотовилихи» перечисляются наименования пушек, разработанных и выпускавшихся в годы Великой Отечественной войны, в том числе М-42, МЛ-20. Фамилии конструкторов и условия создания этих пушек не указаны [10, с. 7]. В буклете 1991 г. перечислены не только пушки, но имеются сведения о главном конструкторе С.П. Гуренко и других конструкторах гражданского КБ [11, с. 20–22]. Таким образом, пушки, сконструированные ОКБ-172 НКВД, ока-

зались приписаны заводскому КБ. В 1987 г. музей переехал в историческое здание недалеко от проходных, и в связи с этим была перестроена экспозиция, в которой в то время ничего не говорилось о «шарашке» и заключенных. В 1990 г. перед музеем появилась площадка с пушками под открытым небом [12, с. 83]. У каждого экспоната (пушки) была сделана табличка, в которой были написаны и имена конструкторов – Петров, Гуренко. Тем не менее в основной экспозиции были представлены два альбома – середины 1960-х гг., в которых без раскрытия истории и особенностей работы ОКБ, состоявшего из заключенных, приводятся под фотографиями изделий названия конструкторских бюро, в том числе ОКБ-172, и имелись редкие фото конструкторского бюро 1946 г. На фото в центре стоит М.Ю. Цирульников – тогда уже главный конструктор пушечного завода, еще недавно бывший заключенным ОКБ-172. Внимательный посетитель музея мог при желании, листая альбомы, увидеть, что на заводе было два КБ во время Великой Отечественной войны (рис. 1).

Рис. 1. Буклеты музея Мотовилихинского завода

В начале двухтысячных годов появился и музей порохового завода в подведомственном ДК им. Кирова. Время уже позволяло, и в экспозиции были стенды, посвященные заключенным ученым-химикам – Д.И. Гальперину, А.Э. Спориусу, Б.И. Пашкову, В.А. Лясоцкому, Ф.М. Хритинину.

Важным шагом в изучении и сохранении памяти о лагерных конструкторских и технических бюро стала инициатива Самарского филиала российского Государственного архива научно-технической документации (РГАНТД). В 2006 г. РГАНТД начал масштабный научно-исследовательских проект «Во имя справедливости: архивы рассказывают». Данный проект ставил своей целью поиск и сбор материалов о репрессированных в советское время деятелях науки и техники, изобретателях, внесших определенный вклад в развитие инженерной мысли. В проект включился и Государственный общественно-политический архив Пермской области (сейчас – ПермГАСПИ). При сборе материала большую помощь оказали сотрудники музеев Порохового завода и Мотовилихинских пушечных заводов. В ноябре 2007 г. в Самаре был проведен круглый стол по теме «Историко-архивное восстановление имен и достижений Отечества». К этому круглому столу была создана на основе собранного архивного и музейного материала выставка «Во имя справедливости: архивы рассказывают». В создании выставки приняли участие сотрудники московских, казанских, нижегородских, екатеринбургских и пермских архивов. На выставке были представлены уникальные документы, рассказывающие о судьбе и творчестве таких известных людей, как С.П. Королев, В.П. Глушко, В.В. Парин, П.Ф. Флоренский, и многих других (рис. 2). Эти люди, незаслуженно обвиненные во «вредительстве», «троцкизме», «антисоветской деятельности», своими исследованиями и открытиями способствовали развитию страны. Пермляки представили пять стендов. Стенд «Геологи, нужные стране», рассказывал о судьбах открывателя прикамской нефти П.И. Преображенского и расстрелянного пермскими чекистами геолога Н.Н. Приемских, специально посланного в 1918 г. на Урал для поиска полезных ископаемых. Три стенда были посвящены массовым репрессиям 1937–1938 гг., задевшим в том числе пермских инженеров-конструкторов. На последнем стенде были представлены пермские «шарашки» – ГУЛАГовские конструкторские бюро. На этом стенде, вероятно, впервые были представлены две известные нам «шарашки» и несколько судебных заключенных, в том числе – М.Ю. Цирульников и Д.И. Гальперина. К сожалению, выставка, проработав несколько месяцев в Самаре, в Пермь так и не приехала. По итогам выставки был издан научный альманах «Те-

лескоп. Историко-архивное восстановление имен и достижений Отечества», в котором была размещена статья «Репрессии в отношении научно-технической интеллигенции в Прикамье (1918–1950-е годы)» [13, с. 157–164].

Рис. 2. Стенды выставки в Самаре

Следующий шаг в сохранении памяти о «шарашках» сделал пермский «Мемориал». В октябре 2010 г. в здании бывшей Пересыльской тюрьмы, тюрьмы НКВД №2, Промколонии №1 был открыт просветительский центр «История тюрьмы НКВД №2» [14]. Через эту тюрьму или позже – промколонию – прошли тысячи человек, среди которых было немало осужденных по 58-й статье. Именно в стены Промколонии №1 в 1942 г. прибыла эвакуированная из Ленинграда сначала в Томск, а потом в Молотов (Пермь) «спецтюрьма» ОКБ-172. В Промколонии №1 заключенные ОКБ были разделены на две большие группы – часть конструкторов, специализировавшихся на морской артиллерии, отправили в г. Молотовск (современный Северодвинск), тех, кто занимался сухопутной артиллерией, перевели «на одну из боковых тихоньких улочек... в Мотовилихинском районе» [15, с. 64]. В просветительском центре был стенд, посвященный этой «шарашке» и заключенным в ней. К сожалению, через несколько лет плодотворной работы, просветительский центр был закрыт.

Сотрудники Мемориального музея-заповедника истории политических репрессий «Пермь-36» давно планировали музеефицировать память о заключенных «шарашках». В 2020 г. решено было создать сразу две выставки о «шарашках» – виртуальную и реальную. Виртуальная выставка позволяет рассказать вообще обо всех подобных учреждениях и о людях, бывших в них. После работы по сбору материалов была сделана на специальном сайте <https://sharashka.su/> выставка «Мужество науки. Конструкторское бюро особого режима. Истории о тех, чьи знания и труд стали вкладом в Победу» (рис. 3). Основными разделами стали «Репрессии против ученых», «Ученые в лагерях», «Первые шарашки», «Персоналии». Раздел «Репрессии против ученых» рассказывает о «спецеде» 1920-х гг., высылке из страны людей науки и заключении в лагерь. В разделе «Персоналии» приводится судьба более 20 ученых, исследователей, конструкторов, репрессированных по политическим статьям и работавшим в лагерных конструкторских бюро. Отдельные блоки посвящены пермским «шарашкам» и судьбам заключенных этих учреждений – М.Ю. Цирульникова, А.С. Бакаева и другим. Особенностью интернет-выставки является то, что ее можно постоянно пополнять, добавлять новые материалы, новые судьбы, воспоминания о том времени. Так, летом 2020 г. на выставку были добавлены расшифрованные воспоминания сына Михаила Юрьевича Цирульникова – Игоря Михайловича – об отце и о том непростом времени [16]. Эти воспоминания были записаны в 2016 г. пермским журналистом Вячеславом Дегтярниковым и переданы им в мемориальный музей-заповедник «Пермь-36». Виртуальную выставку за 2020 г. посетило 4025 человек.

Рис. 3. Первая страница сайта <https://sharashka.su/>

Рис. 4. Выставка в музее-заповеднике
«Пермь-36» «Мужество науки»

В августе 2020 г. уже на территории музея-заповедника была открыта выставка «Мужество науки» (рис. 4). Выставка разместилась на территории бывшей промышленной зоны участка строгого режима. Одним из важных экспонатов выставки стала настоящая тюремная дверь Томской пересыльной тюрьмы. Особое конструкторское бюро из Ленинграда первоначально планировалось эвакуировать в Казань. Вероятно, предполагалось слияние с Зеленодольским ОТБ. 21 июля 1941 г. этап заключенных был отправлен в Казань, но благодаря военной неразберихе оказался в Томске [8, с. 50]. И только в июле 1942 г. инженеры-конструкторы прибыли в Молотов. В ПермГАСПИ сохранился протокол заседания бюро Сталинского районного комитета партии г. Молотова (современный Свердловский район г. Перми), на котором рассматривался вопрос о возможности создания партячейки при спецтюрьме, прибывшей из Томска [17, ф. 231, оп. 1, д. 123, л. 28]. Таким образом, инженеры этого ОКБ почти год провели в тюрьме Томска. Тюремная дверь также символизирует разделение жизни ученых на до-тюремную и тюремную со следственными камерами, допросами, избиениями, невероятными и совершенно незаслуженными обвинениями. В этой выставке показаны четыре судьбы – инженеров

М.Ю. Цирульникова и С.И. Лодкина, химиков – Д.И. Гальперина и А.С. Бакаева. Инженеры были в ОКБ №172 в Мотовилихе, а химики в ОТБ № 98 в Закамске. Предметный ряд выставки крайне беден – это объясняется секретностью оборонной деятельности ученых. Тем не менее был найден арифмометр, который применялся в КБ Мотовилихинского завода примерно в то же время, когда там была «шарашка», книги, использовавшиеся пермскими конструкторами, сын Цирульникова передал в музей-заповедник уникальные фотографии. Все это позволило создать две локации – тюремную камеру и рабочее место ученого в конструкторском или техническом бюро при НКВД СССР. Выставку с момента ее открытия, несмотря на условия пандемии, посетили более 2700 человек.

Ученые и изобретатели, осужденные за «вредительство», названные «врагами народа», добросовестно и плодотворно трудились в тюремных конструкторских бюро. В тюремных КБ, находившихся в Перми (тогда Молотове), были созданы мощнейшие образцы военной техники, разработаны новые технологии производства пороха и новые составы порохов. В отчете Четвертого спецотдела НКВД СССР за 1939–1944 гг. приведены десятки изобретений – самолеты, моторы, пушки, подводные лодки, катера, радиостанции, прибор ночного боя [3, с. 445–450]. Особо были отмечены в отчете достижения пермских исследовательских бюро. Деятельность ученых в лагерных «шарашках» приближала Победу, и их вклад не должен быть забыт.

Список литературы и источников

1. Николаев А.С. Большевицкая власть и «спецы»: «Ни малейшей политической уступки этим господам»! // Толерантность и власть: судьбы Российской интеллигенции. – Пермь, 2002. – 350 с.
2. Крук Н.С. История ОКБ-172 // Вестник «Мемориала». – 2001. – № 6. – 279 с.
3. История сталинского ГУЛАГа. Т.3. Экономика ГУЛАГа. – М.: РОССПЭН, 2004. – 624 с.
4. Нуриев Р.Т. Особые конструкторские и технические бюро («шарашки») г. Казани в 1940-х гг. По мемуарам и свидетельствам современников [Электронный ресурс] // РСМ. 2018. №4 (101). – URL: [https://cyberleninka.ru/article/n/osobyie-konstruktorskie-i-](https://cyberleninka.ru/article/n/osobyie-konstruktorskie-i)

tehnicheskie-byuro-sharashki-g-kazani-v-1940-h-gg-po-memuaram-i-svidetelstvam-sovremennikov (дата обращения: 29.10.2020).

5. Д.И. Гальперин. Ученый. Учитель. Патриот. – Пермь, 2003. – 92 с.

6. Плюснина О.М., Степанов М.Н. Военно-промышленный комплекс Западного Урала // Бессмертный подвиг народа. – Пермь, 2000. – 166 с.

7. Пермский государственный архив социально-политической истории (ПермГАСПИ).

8. Крук Н.С. Орудия победы // «Вестник Мемориала». – 2001. – № 6. – 279 с.

9. Кто руководил НКВД. 1934–1941: справочник. – М.: Звенья, 1999. – 502 с.

10. Машиностроительный завод им. В.И. Ленина. – Пермь, 1988.

11. Пермский машиностроительный завод им. В.И. Ленина. Народный музей истории завода: путеводитель по музею. – Пермь, 1991.

12. Зенкова Н.А. История музея завода // Мотовилиха: открывая новые страницы: тезисы докладов научно-практической конференции. – Пермь, 2011. – 180 с.

13. Шевырин С.А. Репрессии в отношении научно-технической интеллигенции в Прикамье (1918–1950-е годы) // Телескоп: научный альманах. Специальный выпуск. Историко-архивное восстановление имен и достижений Отечества. – Самара: Научно-технический центр, 2008. – 192 с.

14. Просветительский центр «История тюрьмы НКВД №2» [Электронный ресурс]. – URL: // <http://pmem.ru/1071.html> // (дата обращения: 29.11.2020).

15. Воспоминания Фомченко С.И. Материалы к истории ОКБ-172. // Вестник «Мемориала». – 2001. – №6. – 279 с.

16. Воспоминания Цирульниковой И.М. [Электронный ресурс]. – URL: <https://Sharashka.Su/Vospominaniya-Syna-Vospominaniya-Syna-Czirulnikova/> (дата обращения: 29.10.2020).

**АНДРЕЙ ФЕДОТОВИЧ СЕЛИВАНОВ:
ИСТОРИЯ ТРАКТОРИСТА, ДОБРОВОЛЬЦА
И ПРЕДСЕДАТЕЛЯ КОЛХОЗА**

*А.П. Зиновьев,
историк, Пермь
zinovievap@gmail.com*

Аннотация. Андрей Федотович Селиванов (1913–1991) – уроженец Пермского края, испытавший за свою жизнь многое – коллективизацию и индустриализацию, пятилетки и раскулачивание, войну и репрессии, победы и боль потерь. Войну он встретил дома. Уже отслуживший (1934–1936), был направлен в Бершеть на курсы младших лейтенантов. В течение двух месяцев участвовал в кровопролитных боях под Москвой. Был ранен и после длительного лечения признан негодным к воинской службе. Лечился в нескольких госпиталях и вернулся обратно в свою деревню. Работал председателем колхоза.

Ключевые слова: Андрей Селиванов, Великая Отечественная война, деревня, Молотовская область, колхоз, госпитали, фронт, военная служба.

**ANDREY FEDOTOVICH SELIVANOV:
THE STORY OF A TRACTOR DRIVER, VOLUNTEER,
AND THE CHAIRMAN OF A COLLECTIVE FARM**

*Andrey Zinoviev,
historian, Perm
zinovievap@gmail.com*

Abstract. Andrey Fedotovitch Selivanov (1913–1991) was a native of the Perm region. Who has experienced many things in his life: collectivization

and industrialization, five-year plans and dekulakization, war and repression, victories and the pain of losses. He met the war at home. Having already served (1934–1936), he was sent to Bershnet for Junior Lieutenant courses. For two months, he participated in the bloody battles near Moscow. He was wounded and after a long treatment was declared unfit for military service. He was treated in several hospitals and returned to his village. He worked as the Chairman of the collective farm.

Keywords: Andrey Selivanov, Great Patriotic war, village, Molotov region, collective farm, hospitals, front, military service.

Андрей Федотович Селиванов родился 3 июля 1913 г. [1, л. 60 об. – 61] в небольшой деревне Малые Колесники (Ватолы) ныне Частинского района Пермского края. Семья по тем временам была немногочисленна: мать, отец, три сына. Все трое сыновей ушли на Великую Отечественную войну.

Младший, Василий, ушёл на войну 17-летним юношей. Работал в колхозе на машине, перевозил зерно с полей до хранилища. Однажды был замечен со своими двумя друзьями за кражей зерна. Как выяснилось, он с друзьями отсыпал немного зерна для продажи. В отделе милиции, чтобы не заводить уголовного дела, всех трёх направили на фронт добровольцами. Василий выучился на танкиста. Воевал на Курской дуге, выжил в знаменитом танковом сражении. Погиб при форсировании Днепра в октябре – ноябре 1943 г.

Средний, Николай, сражался под Сталинградом, вернулся с войны тяжелораненым.

Самый старший, Андрей, был призван на действительную службу в сентябре 1934 г. (рисунок). Но призыв в армию оказался не таким простым делом. Затруднения оказались в том, что у Селиванова был дядя – Яков Харитонович Байдин, некогда служивший офицером в царской армии. При выяснении оказалось, что Андрей Федотович никаких связей с дядей не имел и не имеет. Его призвали на Дальний Восток, служил он в авиационно-техническом батальоне. Там освоил уже знакомую ему профессию тракториста гусеничных тягачей. В 1934 г. аэродромы не бетонировались, и приходилось после каждого взлета и посадки укатывать аэродромную площадку.

Рис. Андрей Федотович Селиванов

Время службы его на границе было беспокойным. Охранный пост находился в восьми километрах от границы, а сам полк – в 18 км. Заставы были расположены недалеко друг от друга. Но, несмотря на это, вылазки с «той стороны» были часты. И вот новобранец Селиванов впервые едет на погранзаставу № 2. Надо сказать, что наряд из восьми человек, в числе которых оказался и Андрей Федотович, был послан на заставу вечером. Ночь оказалась тревожной. На заставу напали. Шесть советских солдат погибло. В живых осталось двое: раненый командир и Андрей Селиванов. Молодой боец побежал за подмогой. Провокация японцев была пресечена, а красноармейцу Селиванову была объявлена благодарность за активные и решительные действия в боевых условиях. Командира и его младшего товарища Андрея Селиванова перевели в Спасск.

За два года службы там Андрей Федотович встретил много интересных людей, среди которых были В.К. Блюхер, М.Н. Тухачевский, И.Ф. Федыко, артистка Л.А. Русланова. Впечатления об этих людях он сохранил на всю жизнь. Вот о чем Андрей Селиванов вспоминал. Однажды в полк приехал Василий Константинович Блюхер – человек высокий и крепкий. Он интересовался жизнью солдат, их буднями и праздниками. Посетил казармы, был в столовой, интересовался нормами закладки продуктов в меню солдат и многим другим, что входило в понятие армейской службы.

Ярко сохранились в памяти Селиванова и встречи с И.Ф. Федыко, командующим Приморской группой, и М.Н. Тухачевским [2, л. 1–2]. Но в конце 1930–1940-х гг. об этом было опасно говорить: и Василий Константинович Блюхер, и Михаил Николаевич Тухачевский, и Иван Федорович Федыко были объявлены «врагами народа» и перемолоты сталинской репрессивной машиной, не миновала тяжелой участи Лидия Андреевна Русланова, сосланная в исправительно-трудовой лагерь. Открыто говорить об этих встречах стало возможно лишь после развенчания «культа личности» И.В. Сталина.

Наступила Великая Отечественная война. Из деревни Малые Колесники ушли на фронт более 60 мужчин [3, с. 2]. Остались только женщины, дети, старики.

Призвали и Андрея Федотовича Селиванова. Сначала его отправили на учебу в Бершеть, в школу младших командиров. Там он пробыл до января 1942 г. Окончить данные курсы Андрею Федотовичу не удалось в связи с одной возникшей проблемой. Молодой человек, призванный из соседней деревни, ушел в самоволку. Андрея Федотовича вызвали как основного свидетеля и подозреваемого в том, что они сообщники. Но Андрей Селиванов был уже не так молод, служил в армии и знал, что такое воинская дисциплина. Тем более он представлял себе последствия грубого нарушения дисциплины в военное время. Но ему не поверили. Было заведено уголовное дело. Однако следователь пошел навстречу. Он предложил Андрею Федотовичу записаться добровольцем и уйти на фронт сейчас, не ожидая окончания расследования и поимки сбежавшего в самоволку. Селиванов и ещё 38 человек так называемых «добровольцев» из Бершети в январе 1942 г. были направлены в боевые части под Москву, где Красная армия продолжала наступление, отбросив гитлеровцев от советской столицы. Андрей Федотович говорил: «Воевали мы плохонько, вооружили нас винтовками в комплекте с тремя патронами. Орудий не было. Но потом, правда, появились «катюши» [2, л. 2]. В таких вот тяжёлых сражениях советские бойцы и командиры приобретали и накапливали опыт боевых действий против немецко-фашистских захватчиков.

Служба на фронте для Селиванова оказалась недолгой. Андрей Федотович провоевал там два месяца и 12 дней. Эти дни за-

помнились ему на всю жизнь. Смерть не щадила никого: гибли солдаты и командиры. Во время одного из боев в Калининской области Андрей Федотович был ранен и отправлен в госпиталь.

Как же это случилось? Нужно было срочно взять деревню Балошки. С советской стороны шли непрерывные кровавые атаки, которые к успеху не приводили. Во время коротких передышек между атаками снег успевал засыпать убитых. Ожесточенная битва за деревушку шла до самого утра. Утром на помощь пришли моряки. Оборону фашистов удалось сломить: Балошки были взяты. Андрей Федотович, получивший ранение, попал в госпиталь на долгих три месяца. Сколько же он перевидал за это время!

Один месяц он лежал в Москве. Как-то с товарищем решили сходить в Мавзолей. Не попали. Не знали воины, что гроб с телом Ленина эвакуировали в Тюмень, хотя первоначально предполагалось отправить мумию вождя в Куйбышев, Самару, Свердловск.

Лечился Селиванов в госпитале и на Волге в селе Байбаки. От пребывания в нем остались самые лучшие воспоминания. И хотя госпитали были переполнены, с теплотой говорил Андрей Федотович о медицинском персонале и о том, что жили дружно, весело. Ходили на крутые и обрывистые берега Волги, любовались ею.

Отметился Андрей и в госпитале в Мордовии. Тяжелейшее воспоминание осталось от лечения под Горьким. По утрам раненые выходили на улицу умываться. Однажды это очень мирное занятие накрыла вражеская бомбежка. Почти все погибли. Оставшихся в живых перевезли в московский госпиталь. После лечения комиссия признала Селиванова непригодным к военной службе [2, л. 2].

Возвратившегося в родную деревню Андрея Федотовича назначили председателем колхоза имени Вячеслава Молотова Шабуровского сельского совета [4, д. 374, л. 19]. «Пожалуй, – делился впечатлением Андрей Федотович, – это было потруднее, чем на фронте». Председателем колхоза Андрей Федотович был до конца войны, в 1945 г. числился председателем собрания сельхозартели имени Молотова, а в 1946–1947 гг. занимал должность председателя ревизионной комиссии колхоза.

Много забот и хлопот было с эвакуированными детьми из Ленинграда и Смоленска. Детей разместили в здании деревенской школы. Жители деревни очень душевно встретили детей и в тече-

ние всего времени пребывания их в Малых Колесниках оказывали посильную помощь.

Уйти с поста председателя колхоза Андрею Федотовичу пришлось в связи с написанным на него доносом. Доносчик сообщал органам, что А.Ф. Селиванов в последнее время разбазаривает колхозное зерно по своим родственникам и любовницам. Было начато расследование, и проведена беседа следователя с Андреем Федотовичем, на которой он подтвердил информацию о том, что раздавал небольшое количество зерна многодетным семьям в своей деревне. Но раздавал зерно только тем вдовам в многодетные семьи, где дети начинали опухать от голода, и когда появлялась опасность детских смертей. Андрею Федотовичу предложили «заявить» дело, если он принесёт следователю три бидона мёда, и он должен уйти из председателей колхоза. Что вполне ожидаемо – автор доноса стал следующим председателем колхоза.

За время войны семья Селивановых – Андрей Федотович и его супруга Дарья Павловна – родили в 1942 г. ребёнка (сына Ивана) и потеряли ребёнка – сына Анатолия. В январе 1942 г. в пятилетнем возрасте Толя тяжело заболел. Поскольку в Малых Колесниках не было медпункта, то мама и свёкр – Дарья Павловна и Федот Анисимович – поехали в Шлыки, где находился военный госпиталь. Для лечения ребёнка требовались антибиотики. Но этот крайне дефицитный в то время препарат применялся только для лечения раненых солдат, поэтому Дарье Павловне и Федоту Анисимовичу отказали в выдаче лекарств. По пути домой Толя умер.

Но жизнь продолжалась... В феврале 1942 г. у Дарьи Павловны родился сын Иван, а в октябре 1945 г. – дочь Вера.

Война закончилась, но жертвы продолжались и после войны. Жену Андрея Федотовича, Дарью Павловну, в конце 1940-х гг. отправили как раскулаченную на лесные работы в поселок Кама – Жулановка [5]. Здесь семья Андрея Федотовича похоронила из-за болезни и трудных условий жизни ещё двух младенцев – дочерей – близняшек Валентину и Зою. К 1950 г. семья Селивановых вернулась в свою деревню. В 1950 г. родилась дочь Анна. Андрей Федотович стал работать трактористом. Дарья Павловна трудилась в колхозе и растила троих детей.

Рядовая жизнь рядовых колхозников. Небольшой и неоднозначный штрих в большой палитре военной и послевоенной жизни

страны и её жителей. Обратная сторона больших отчётов и завышенных планов – таковы эти небольшие штрихи из жизни тракториста, добровольца и председателя колхоза Андрея Федотовича Селиванова.

Список литературы и источников

1. Государственный архив Пермского края. Ф.37. Оп.6. Д.771.
2. Верховланцева Т., Барашкова С. Годы службы ратной: машинопись // Личный архив автора.
3. Байдина Е.Н. Подвиг деревни Ватолы // Частинские вести. – 2005. – 7 мая.
4. Архивный отдел администрации Частинского муниципального района. Ф. 3 и 202.
5. Посёлок Кама-Жулановка [Электронный ресурс] // Карта террора и ГУЛАГа в Прикамье. – URL: <http://rtem.ru/index.php?id=2158> (дата обращения: 09.10.2020).

СУДЬБА ПЕРМСКОГО ГРАДОНАЧАЛЬНИКА АЛЕКСАНДРА ШИРЯЕВА

*С.Ю. Пирожков,
краевед, Пермь
krasnokraev@mail.ru*

Аннотация. Рассказывается о личности Александра Евстафьевича Ширяева, его заслугах в качестве инженера до и после революции, о репрессиях, которым подвергался Ширяев в 1920-е и в 1930-е гг. Открываются неизвестных широкой пермской общественности факты в судьбе Ширяева и его семьи после выхода его из Вишерлага.

Ключевые слова: пермский градоначальник, Александр Ширяев, оккупация Кисловодска, город Пушкин.

THE FATE OF THE PERM'S MAYOR ALEXANDER SHIRYAEV

*Sergey Pirozhkov,
local historian, Perm
krasnokraev@mail.ru*

Abstract. The study covers the personality of Alexander Shiryaev, the last 'Head' (mayor) of Perm, his achievements as an engineer before and after the revolution, and the repressions that Shiryaev was subjected to in the 1920s and 1930s. The facts of the fate of Shiryaev and his family after his release from the Visherlag, previously unknown in Perm, are discovered.

Keywords: Perm's mayor, Aleksander Shiryaev, the occupation of Kislovodsk, Pushkin city.

Имя Александра Евстафьевича Ширяева – последнего пермского городского головы (так называлась должность пермских градоначальников вплоть до 1919 г.) – достаточно известно. Были

статьи в краеведческой литературе, прессе, в интернет-ресурсах пермских архивов, передача на радио, посвящённые неординарной личности Ширяева [1, ф.р – 122, оп.1, д.821. л.107; 2, с. 297–298; 3, с. 75–79; 4]. Его жизнь и деятельность достаточно изучены от рождения 9 августа 1882 г. в посёлке Бикбарда Пермской губернии до 1933 г., когда он был репрессирован и отправлен в Вишерлаг.

Рис. 1. Инженеры Бумстроя Ширяев, Гардинг, Зеленин и корреспондент газеты «Звезда» Р. Казанский на моторной лодке «Отважный». 12.08.1929 г. [1, фф. оп.61п, д.609]

Александр Евстафьевич, окончивший Томский технологический институт, вернулся в Пермь в 1911 г. и очень много сделал для города. В должности городского архитектора, позднее городского инженера, он вплотную занимался городским водопроводом, проектом и созданием городской канализации, проектом городского трамвая. Мировая война и смута 1917 г. повернула деятельность инженера Ширяева на общественную и политическую стезю: он был выбран председателем комитета общественной безопасности, Временным правительством назначен Пермским губернским комиссаром, затем был выбран пермским городским головой. Даже в это тревожное, голодное время, пока был на этой должности до марта 1918 г., он решал городские проблемы и думал о развитии Перми. Когда Пермь оказалась под властью Колчака, Ширяев возобновил работу в должности городского головы. После отступления с белыми войсками, он обосновался в Томске, но 15 мая 1920 г. был арестован ЧК, препровождён в Пермь, судим за сотрудничество с колчаковской властью. К счастью, суд счёл эвакуацию Ши-

ряева с белыми принудительной, и он был выпущен на свободу к 1 октября 1920 г. [4].

В советское время деятельный характер инженера и экономиста Ширияева проявились в полной мере. Трудно перечислить его должности и места работы, направления деятельности. Он работал руководителем коммунальной службы, преподавал в университете, писал статьи в журнале «Экономика», являлся консультантом в Пермском окрплане, участвовал в работе Пермского общества краеведения. Главной заслугой Ширияева в Перми считаются строительство канализации, водопровода и пуск трамвая.

Рис. 2. Строительство канализационной сети в Перми.

Слева в шляпе – А.Е. Ширияев. 1915–1916 гг.

15 января 1933 г. Ширияев был арестован органами ГПУ, обвинён в антисоветской агитации. В следственном деле, хранящемся в ПермГАСПИ, есть сведения о семье Александра Евстафьевича на момент ареста: мать Евдокия Георгиевна, 69 лет, жена Александра Александровна, 44 лет, сын Сергей, 19 лет, сын Дмитрий, 16 лет, дочь Елена, 9 лет (рис. 3). В июне того же 1933 г. Ширияев Особым совещанием Коллегии ОГПУ был приговорен к двум годам исправительно-трудовых лагерей и отправлен отбывать наказание в Вишерлаг [5].

Рис. 3. Семья Ширияевых. Сидят: Евдокия Георгиевна, Сергей, Александра Александровна, Дмитрий. Стоят: Александр Евстафьевич, Елена. г. Ново-Пятигорск. Фото из семейного архива, август 1936 г.

На этом обрывалось описание биографии Александра Ширияева во всех мне известных источниках. Вместо даты смерти писали или знак вопроса, или «после 1933», или «после 1935 года».

Занимаясь краеведением города Краснокамска, я выяснил, что Ширияев формально был самым первым работником Отдела по подготовке к строительству Камского бумкомбината, входил в состав правительственной комиссии, утвердившей место постройки комбината. Также мною были обнаружены неизвестные фотографии Ширияева (см. рис. 1), сделанные в августе 1929 г. [6, с. 122–142].

Когда в мае 1920 г. на заседании Пермского общества краеведения я презентовал свой сборник статей [6], выяснилось, что у главного библиотекаря Пермского аграрно-технологического университета Г.И. Жаворонковой есть письма Ширияева, адресованные профессору сельхозинститута А.А. Хребтову. Письма датированы июнем и июлем 1942 г., посланы в Пермь из Кисловодска. Ширияев хотел узнать о возможности своей дочери Елены, окончившей 10 классов, поступить в Перми в сельхозинститут и сообщал, что: сын Сергей в июне 1942 г. оканчивает школу артиллеристов в Ирбите; второй сын, Дмитрий – инженер-мостовик на Ленинградском фронте; мать Александра Евстафьевича живёт в Молотове; сам Ширияев работает инженером по проектированию, но с апреля болен, планирует выйти на работу к 1 августа [7].

Рис. 4. Ширяев Сергей Александрович. г. Ярославль.
10.01.1941 г. Фото из семейного архива

Пришлось изучить историю Кисловодска периода Великой Отечественной войны. Оказалось, через две недели после последнего письма Ширяева город был оккупирован немцами и освобождён советскими войсками только 11 января 1943 г. Оккупанты зверствовали: только в октябре они расстреляли более двух тысяч раненых красноармейцев, интеллигенции и еврейского населения. Что было с семьёй Ширяевых в это время? Может, Ширяевы эвакуировались? Или могли погибнуть, дочь могли угнать в Германию? Можно было бы поискать могилы на местном кладбище, но директор Кисловодского музея сообщил мне, что старое кладбище, на котором хоронили в Кисловодске до 1956 г., уничтожено, и на его месте воздвигнут мемориал погибшим воинам.

И всё-таки непростой поиск по Кисловодску дал результат: из местного отдела ЗАГС мне прислали такое письмо: «В архиве отдела имеется запись акта о смерти № 517 от 16.10.1943 г. на Ширяева Александра Евстафьевича. Дата смерти 17.12.1942 г. Возраст 62 года. Постоянно проживал по адресу: г. Кисловодск, ул. Куйбышева, д. 16. Причина смерти – туберкулез легких. Заявитель – Ширяева А.А., адрес – Узкий переулок, 7. Особые отметки – переоформлено с временно заведенной книги. Больше никаких данных нет. Записи актов на Ширяеву Александру Александровну, Дмитрия и Елену Ширяевых в архиве отдела отсутствуют». Таким

образом, установлены точная дата, место и причина смерти Александра Ширяева [7].

Также удалось найти сведения, что старший сын Александра Евстафьевича, лейтенант Сергей Ширяев, погиб 13 января 1943 г. и похоронен в братской могиле в посёлке Кантемировка Воронежской области [8]. А вот младший сын на войне не погиб: на сайте «Подвиг народа» я нашёл, что Ширяев Дмитрий Александрович, 1916 года рождения, уроженец г. Молотова, был награждён орденом Красной Звезды (29.04.1945) медалью «За боевые заслуги» (30.04.1954) и, наконец, к 20-летию Победы – орденом Отечественной войны II степени (06.04.1985) [9].

Рис. 5. Ширяева Александра Александровна с сыном Дмитрием Александровичем. Молдавия, г. Рыбница. Октябрь 1957 г. Фото из семейного архива

Продолжая интересоваться судьбой Александра Ширяева, на сайте solevar.online в статье Вячеслава Дегтярникова «Пермские легенды. Шпионы, революционеры и канализация» [10] я обнаружил дореволюционную фотографию строительства канализации в Перми с Александром Ширяевым на первом плане (см. рис. 2).

Выяснилось, что фотографии для статьи были Дегтярниковым взяты в музее ООО «Новогор – Прикамье». При посещении этого музея я познакомился с его директором Ларисой Стяжковой. Мы с большим интересом пообщались, поделились материалами о Ширяеве, который занимался коммунальным хозяйством Перми и

до революции, и в 1920-е гг. Оказалось, на многих фотографиях начала XX в., иллюстрирующих постройку канализации в Перми, есть городской инженер Ширяев. В музее «Новогор – Прикамье» есть материалы, свидетельствующие, что Ширяев после Вишерлага работал в Пятигорске, потом в Кисловодске в мастерской академика Семенова, занимался проектированием очистных сооружений и канализации Кавказских Минеральных Вод вплоть до 1938 г. Причём, эти данные взяты из фондов Пермского краеведческого музея!

Я посетил краеведческий музей и познакомился с материалами о Ширяеве. Выяснилось, что в 1986 г. сын Александра Евстафьевича, Дмитрий Александрович, приезжал в Пермь и передал в музей фотографии отца 1905–1924 гг., воспоминания о нём, а также свои фотографии и погибшего на войне брата Сергея [11, №17486]. Передал также диплом Ширяева об окончании Томского технологического института и трудовой список [11, №17730]. Почему эти важные для истории Перми материалы лежат под спудом в фондах музея тридцать пять лет – непонятно.

Ещё в прошлом году я обнаружил на сайте Центра генеалогических исследований такую краткую информацию: «Ширяев Дмитрий Александрович (04.02.1916 – 2002) житель Ленингр. обл., г. Пушкин, паспорт от 05.08.1980» [12]. Попытки что-то дистанционно уточнить по этому направлению поиска ничего не дали. Но в августе 2020 г. представилась возможность краткого пребывания в Санкт-Петербурге, и один день я посвятил поездке в город Пушкин. Имея минимальные шансы на успех в условиях пандемии, я обратился в три организации, и случилось невероятное: я узнал нужный адрес, и на следующий день мы встретились с правнучкой Александра Ширяева, Натальей Сергеевной. Она пришла на встречу с 15-летней дочкой Дашей, принесла показать семейные фотографии (см. рис. 3). Насколько знала, рассказала историю семьи. Я поделился своими знаниями о Ширяеве. Позднее, уже из Перми я по скайпу общался с внуком Ширяева – Сергеем Дмитриевичем.

Если кратко, послевоенная история семьи Ширяевых такова: из Кисловодска вдова Ширяева Александра Александровна с дочерью Еленой уехали жить в Молдавию. Александра Александровна прожила 99 лет. Елена Александровна работала врачом – инфекционистом в городе Рыбница, пережила двух своих сыновей,

ушла из жизни в 1990-е гг. Сын Ширяева Дмитрий Александрович в 1940 г. окончил Московский автомобильно-дорожный институт, во время и после войны был военным строителем: восстанавливал и строил мосты, переправы, дороги. Награждён в 1945 г. за восстановление уникального цепного моста в г. Остров, взорванного фашистами. Демобилизовался в звании инженер-майора в 1954 г. и в качестве гражданского лица продолжал работать в военно-строительных организациях: вместе с семьёй ездил по многим объектам страны и даже в 1956 г. строил в Афганистане. С середины 1950-х гг. жил в Ленинграде, работал в Северо-Западном строительном управлении Минобороны, позднее многие годы возглавлял институт ЛенГипродорНИИ. Дмитрий Александрович был женат с 1945 г. С супругой Антониной воспитали двоих сыновей – Сергея, 1946 г.р., и Анатолия, 1951 г.р.

Анатолия Дмитриевича и его сына Алексея уже нет в живых. А Сергей Дмитриевич, с которым я общался, окончил Ленинградский технологический институт, работал инженером. Как и его отец, ездил по стране, занимался монтажом различных объектов, в том числе военных. У Сергея Дмитриевича две дочери – Ирина и Наталья. Все живут в городе Пушкине.

Для меня остался загадкой лишь один момент в судьбе Александра Ширяева: как и когда он освободился из заключения. Невозможность установить подробности освобождения определяется тем, что Вишерлаг уже с 1933 г. начал сворачиваться, был прекращён приём заключённых в штат бумкомбината, рабочая сила Вишерлага снималась и направлялась в Мордовию. Лагерь был полностью ликвидирован летом 1934 г. [4, с. 147]. То есть Ширяев мог быть зачислен в штат бумкомбината или переведён в другой лагерь в Мордовию. По словам Сергея Дмитриевича, его отец, даже если что-то и знал, никогда не рассказывал о жизни и работе Александра Ширяева в лагере. В справке со слов Д.А. Ширяева написано, что его отец с 1934 г. работал в Пятигорске в мастерской академика Семёнова [11, №14786], и это подтверждено записью с печатью в трудовом списке А.Е. Ширяева: «29 декабря 1934 г. зачислен старшим инженером архитектурно-планировочной мастерской №2 наркомхоза (Кав.Мин.Воды)» [11, №17730]. И в то же время в следственном деле, хранящемся в ПермГАСПИ, есть переписка подразделений Главного управления

госбезопасности НКВД о необходимости освобождения Ширяева из лагеря в связи с окончанием срока наказания, датированная июлем 1935 г. [5, ф. 641/1, оп.1, д. 8799, л. 401–402].

Позволю высказать предположение, что Ширяев был освобождён из заключения всё-таки раньше срока, может быть, за большой вклад в освоение Вишерского бумкомбината в качестве инженера или за какую-то значительную услугу для лагерного начальства (такое практиковалось в Вишлаге). Не исключаю, что «вытащить» Ширяева из неволи мог профессор, академик архитектуры В.Н. Семёнов, с которым он был знаком с 1930 г., когда Семёнов приезжал в Пермь и выступал в Окрисполкоме с докладом о строительстве соцгородов [13]. Семёнов, руководивший в то время проектированием городов Кавказских Минеральных Вод [14, с. 223–224; 15], несомненно, помог устроить высококлассного специалиста по городскому строительству в местную проектную организацию. А столичные органы НКВД могли и не знать, что заключённый Ширяев был выпущен на свободу в конце 1934 г. и с семьёй уехал на Кавказ лечить туберкулёз и (по словам внука, С.Д. Ширяева) язву желудка.

Таким образом, удалось узнать неизвестные строки судьбы замечательного пермяка Александра Евстафьевича Ширяева и его семьи, разыскать потомков.

Список литературы и источников

1. Государственный архив Пермского края (ГАПК).
2. Краеведы и краеведческие организации Перми: библиографический справочник / сост.: Т.И. Быстрых, А.В. Шилов. – Пермь: Курсив, 2000. – 360 с.
3. Пермские градоначальники: сборник статей. – Пермь: Стиль – МГ, 2008. – 287 с.
4. Южанинова А.Л. Стройка первой советской пятилетки ВИШХИМЗ: победы и скорби. – Саратов: ИД «МарК», 2019. – 416 с.
5. Пермский государственный архив социально-политической истории (ПермГАСПИ).
6. Пирожков С.Ю. Краснокамск. Старина молодого города. Продолжение. – Пермь: ИЦ «Титул», 2018. – 144 с.
7. Пирожков С. Ширяев Александр Евстафьевич. Инженер, градоначальник // Мариинка. – 2019. – № 6, 7, 8 (152, 153, 154).

8. ОБД Мемориал: Ширяев Сергей Александрович, лейтенант: Информация из списков захоронения [Электронный ресурс]. – URL: <https://obd-memorial.ru/html/info.htm?id=87425377> (дата обращения: 20.10.2020).

9. Подвиг народа 1941–1945 // Главная страница // Люди и награждения // Ширяев Сергей Александрович 1916 г.р. [Электронный ресурс]. – URL: <http://podvignaroda.ru/?#id=1524668557&tab=navDetailManUbil> (дата обращения: 20.10.2020).

10. Дегтярников В. Пермские легенды. Шпионы, революционеры и канализация [Электронный ресурс]. – URL: <https://solevar.online/permskie-legendy-shpiony-revoljucionery-i-kanalizacija/> (дата обращения: 20.10.2020).

11. Фонд ГКБУК «Пермский краеведческий музей».

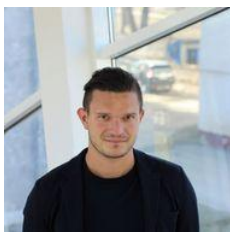
12. Центр генеалогических исследований. Фамилия Ширяев [Электронный ресурс]. – URL: https://rosgenea.ru/familya/-shiryaev/page_4 (дата обращения: 20.10.2020).

13. ГАПК/День в истории/9 августа 1882 года [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.archive.perm.ru/day-in-history/1119025-9-aug-1882/> (дата обращения: 20.10.2020).

14. Мастера советской архитектуры об архитектуре. Избр. отрывки из писем, статей, выступлений и трактатов: в 2 т. / под общ. ред. М. Бархина [и др.]. – М.: Искусство, 1975. – Т.1. – 544 с.

15. Шумилов Е.Н. Ширяев Александр Евстафьевич [Электронный ресурс]. – URL: <http://enc.permculture.ru/showObject.do?object=1803929408> (дата обращения: 04.10.2020).

СТАЛИНСКАЯ ПРЕМИЯ КАК ИНСТРУМЕНТ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

*Д.Д. Подледнов,
аспирант кафедры
культурологии, философии культуры
и эстетики Института философии
Санкт-Петербургского
государственного университета,
Санкт-Петербург
denis.podliodnov@gmail.com*

*Е.Д. Казанцева,
заведующая передвижной выставкой
Мемориального музея-заповедника истории
политических репрессий «Пермь-36», Пермь
helenakazantseva@mail.ru*

*П.С. Аликин,
младший научный сотрудник
Мемориального музея-заповедника
истории политических репрессий
«Пермь-36», Пермь
psalikin@edu.hse.ru*

Аннотация. Рассматривается присуждение Сталинских премий в области изобразительного искусства в первой половине 1940-х гг. Анализируется динамика присуждений данной награды; охарактеризован контекст функционирования искусства в указанный период, основные акторы и институты, участвовавшие в номинировании, отборе, непосредст-

венном присуждении премии. Исследованы жанры, сюжеты и нарративы произведений, за которые награждались авторы. Показаны методы, которыми художники конструировали и поддерживали культ вождя, одновременно решая и чисто эстетические задачи.

Ключевые слова: Сталинская премия, идеологи, сталинизм, тоталитарное искусство, советское искусство, культурная политика.

STALIN PRIZE AS AN INSTRUMENT OF ARTISTIC POLICY IN THE YEARS OF THE GREAT PATRIOTIC WAR

*Denis Podlednov,
head of the sector of artistic design of exhibitions,
expositions of the Reserve Museum
of the History of Political Repression "Perm – 36",
post-graduate student of the Department
of Cultural Studies, Philosophy of Culture
and Aesthetics of the Institute of Philosophy
of St. Petersburg State University
Saint Petersburg
denis.podliodnov@gmail.com*

*Elena Kazanceva,
head of the mobile exhibition of the Reserve
Museum of the History of Political
Repression "Perm-36", Perm
helenakazantseva@mail.ru*

*Pavel Alikin,
Junior Researcher of the Reserve
Museum of the History of Political Repression "Perm-36", Perm
psalikin@edu.hse.ru*

Abstract. The article is devoted to the Stalin Prize in the field of fine arts for the first half of the 1940s. The history of this award is considered; the social context of the functioning of art, the main actors and institutions that participated in the nomination, selection, and direct awarding of the prize are characterized. Genres, plots and narratives of the works for which the artists were awarded are analyzed. The methods by which the authors designed and supported the cult of the leader are shown, while simultaneously solving their aesthetic problems.

Keywords: Stalin Prize, ideology, Stalinism, totalitarian art, Soviet art, cultural policy.

Современные исследователи культуры обращают всё больше внимания на ритуально-нормативизирующую сторону советской идеологии, конструирование и закрепление «канона» советского искусства, вовсе не сводимого к строгим определениям социалистического реализма. Художественная культура сталинской эпохи складывалась из разнообразных течений, отдельные черты которых в нужное время «поднимались на щит» официальной пропагандой [1–3].

Настоящая работа посвящена одному из примечательных аспектов культурной истории 1940-х гг. – присуждению Сталинских премий в области литературы и искусства. Присуждение премии имени Вождя народов (позднее переименованной в Государственную премию СССР) являлось знаком признания на высшем уровне и давало ощутимые материальные преимущества. Среди лауреатов этой награды, вручавшейся как за достижения в науке и производственной деятельности, так и в сфере культуры были самые разные люди: от известных еще до революции мэтров до творцов социалистического реализма, начавших свой путь в общественно – политической атмосфере 1930-х гг.

Политико-идеологическому значению Сталинских премий посвящены специальные работы Е.А. Добренко, В.В. Тихонова и других ученых, обращавшихся по преимуществу к премиям в области науки [3, 4]. Мы сосредоточили внимание на изобразительном искусстве, ведущей темой которого в СССР в этот период стала патриотическая. Живописный цикл выбранных работ был проанализирован с помощью семиотического и иконологического методов, что дает шанс расставить основные смысловые акценты, транслировавшиеся в выбранный исторический этап. Творчество художников в те годы официально воспринималось как их вклад в Победу. Деятели искусств конструировали и поддерживали культ вождя, одновременно решая и чисто эстетические задачи [5, с. 269]. Тем интереснее проанализировать, какие произведения удостоивались высшей государственной награды.

Премия имени Сталина была учреждена двумя постановлениями Совета народных комиссаров СССР: 20 декабря 1939 г. было принято постановление «Об учреждении премий и стипендий имени Сталина», а 1 февраля 1940 г. – постановление «Об учреждении премий имени Сталина по литературе». Нужно отметить,

что количество премий менялось; после войны число лауреатов существенно возросло [6].

За следующие 11 лет существования лауреатами премии стали 1706 человек (ее мог получить как один автор, так, например, и целый творческий коллектив). В условиях запутанной и переменчивой культурной политики советского государства, когда любой мог неожиданно оказаться объектом проработки по идеологическим причинам, плохо поддающихся однозначной интерпретации, премия играла роль культурного навигатора – отмеченные ей произведения входили в канон и практически гарантировали автору неприкосновенность [3, т. 1, с. 157]. Помимо высокого символического статуса она также обещала лауреатам финансовое благополучие. Размер премий – 100 тысяч рублей (первая премия), 50 тысяч (вторая) и 25 тысяч (третья) – существенно превышал средний уровень зарплат в стране (средний годовой доход библиотекаря в 1939 году – 1800 рублей). Всего за время существования премии на выплаты лауреатам было потрачено 57,7 млн рублей [6].

В годы Великой Отечественной войны существовал принцип, который охватывал все сферы жизни общества: «Все для фронта. Все для победы». Исходя из этого, в годы войны искусство вносит определенный вклад в массовое сознание народа – веру в скорую победу. Данный фрейм в массовом сознании конструировался под идеями, которые пропагандировались в газетах, плакатах и карикатурах. В основном именно плакаты содержали себе мобилизующий посыл. Например, плакат Кукрыниксов «Беспощадно разгромим и уничтожим врага» (1941) и плакат И.М. Тоидзе «Родина-мать зовет!» (1941). Вместе с этим создавались плакаты сатирического плана, которые высмеивали нацизм, – например, Кукрыниксы «Превращение фрицев» («Окна ТАСС» № 640, 1942). Живопись также была посвящена военным событиям – художники вели своеобразную летопись боевых действий, которую отражали в своих картинах.

Некоторые художники сами попали на фронт, многие остались работать в тылу. Несмотря на военное положение в стране, искусство продолжало жить. Естественно, доминанты изобразительного искусства менялись не только по запросу партии, но и исходя из повседневности на войне и которая была в тылу.

В годы войны проводились и выставки, несмотря на то что некоторые музеи были эвакуированы. Например, в здании эвакуированной Третьяковской галереи проводились такие знаменитые выставки, как «Великая Отечественная война» (1942), всесоюзная выставка «Героический фронт и тыл» и т.д. [7] Историк Ю.З. Кантор отмечает, что «... в Государственном музее революции СССР открылась выставка “Великая Отечественная война советского народа против германского фашизма”, где при организационном содействии городского агитпункта ЦК ВКП(б) проводила экскурсии для бойцов Московского гарнизона и Народного ополчения. На выставках 1941 – начала 1942 г. использовали сюжеты, отражавшие события настоящего и прошлого нашей истории, при значительном преобладании материалов последнего, и закономерно подчеркивали их преемственность» [8, с. 11].

С 1940 по 1952 г. Сталинской премией награждали в 1941 г. (за достижения последних шести – семи лет), 11 апреля 1942 г. (за 1941 г.), 19 марта 1943 г. (за 1942 г.), 26 января и 26 июня 1946 г. (за 1943, 1944 и за 1945 г.), и с 1947 по 1952 г. за каждый предыдущий год. Отметим, что Сталинская премия присуждалась за конкретную работу (цикл работ) или достижение, а не по совокупности [6].

Первая Сталинская премия в области литературы и искусства была присуждена еще до войны, весной 1941 г. (за достижения последних шести – семи лет). Были присуждены три премии первой степени (А.М. Герасимов, Б.В. Иогансон, М.В. Нестеров) и пять премий второй степени (В.П. Ефанов, Н.С. Самокиш, М.С. Сарьян, И.М. Тоидзе, Ф.Ф. Федоровский) в области живописи.

Так, Александр Герасимов в картине «И.В. Сталин и К.Е. Ворошилов в Кремле» (1938) изобразил Сталина и Ворошилова как воплощение Советского государства и Красной армии соответственно. По наблюдению Я. Плампера, такие объекты, как «Дом правительства» и «Большой каменный мост», на картине символизируют «новую Москву», созданную Сталиным. Также в противовес «новой Москве» присутствует «старая Москва», которая изображается на заднем плане в виде трех куполов православной церкви как символ победы над царской Россией [9, с. 99]. Вместе с этим, факт того, что Сталин и Ворошилов находятся перед забором, а не за ним, создают визуальный эффект приближения – данные акторы находятся совсем близко к советскому народу.

Другой патриарх советской живописи, Борис Иогансон, в своей картине «На старом Уральском заводе» (1937) отразил социальный конфликт, где противопоставил фигуры рабочего и заводчика/приказчика. Композиция построена таким образом, что зритель невольно сравнивает рабочего и заводчика – «хозяина» (для акцента образов, они оба выделены светом).

Еще одним художником, получившим премии I степени в области живописи в 1941 г., стал Михаил Нестеров за картину «Портрет И.П. Павлова» (1935). С одной стороны, важным является социальное положение академика Павлова – живой классик науки, лауреат Нобелевской премии по физиологии. С другой стороны, это включение жанра реалистической живописи в границы социального реализма. Вместе с этим и Нестеров, и Павлов к данному времени являлись уже сформированными личностями в профессиональном плане, и их включение в социалистическое общество шло только на пользу советскому государству.

Пять картин получили премии второй степени в области живописи. Например, картина Василия Ефанова «Незабываемая встреча» (1938) – групповой портрет, в котором присутствует ярко выраженная динамика фигур, главные из которых И. Сталин и Г. Орджоникидзе. Еще одна картина – Н.С. Самокиш «Переход Красной Армии через Сиваш» (1935), который презентовал событие 7 ноября 1920 г. во главе с М. Фрунзе (как и Орджоникидзе, к тому времени уже покойным вождем). Присуждение награды данной картине подчеркнуло значимость и работы, и самого события – как очередное напоминание советскому народу в период войны о том, что победа близко.

В 1942 г. постановлением № 487 «О присуждении Сталинских премий за выдающиеся работы в области искусства и литературы за 1941 год» были присуждены: премия первой степени в области живописи – Кукрыниксы, премия второй степени в области живописи – У.М. Джапаридзе, Г.К. Савицкий, Н.Э. Радлов, П.П. Соколов – Скаля, М.М. Черемных, П.М. Шухмин.

Кукрыниксы получили премию первой степени за серию политических плакатов и карикатур, показывающих «вступление в бой» с фашистами. Их политические плакаты поддерживали миллионы советских людей своим сатирическим нарративом, например, плакат «Беспощадно разгромим и уничтожим врага» (1941) (рис. 1). Также стоит отметить ряд художников, которым были

присуждены премии второй степени в области живописи за политические плакаты и карикатуры в «Окнах ТАСС» – это серия агитационных плакатов, которые призывают к защите своей Родины. «Окна ТАСС» содержали в себе сатиру и юмор в текстах и изображениях. Умар Джапаридзе был награжден за работу в традиционном для советской живописи историко-революционном жанре – «Сталин во время Тифлисской стачки 1901 г.».

Рис. 1. Кукурьникисы (Н. Куприянов, П. Крылов, Н. Соколов).
Беспощадно разгромим и уничтожим врага! 1941 г.

В 1943 г. (за 1942 г.) первой степенью в области живописи были награждены А.М. Герасимов за картину «Гимн Октябрю» (1942) и В.Н. Яковлев за портрет В.Н. Яковлева (1941) и картину «Партизан» (1942). Герасимов создал многофигурное полотно: по сюжету в Большом театре собралось большое количество людей, в том числе и партийные деятели, дабы отметить 25-ю годовщину Октябрьской революции (рис. 2). Второй степени удостоились художники: Николай Жуков за серию рисунков о Красной армии (рис. 3) и Дементий Шмаринов за серию антифашистских рисунков «Не забудем, не простим!», темы которых посвящены смерти советского человека на войне и в тылу, рабству, расстрелу и т.д.

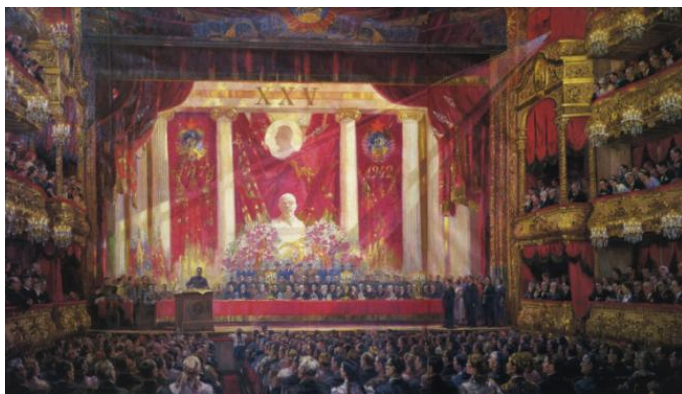

Рис. 2. Герасимов А. Гимн Октябрю: выступление И.В. Сталина к 25-летию Октябрьской революции. 1942 г.

Рис. 3. Жуков Н. Клянемся мстить гитлеровским захватчикам. 1942 г.

Присуждений Сталинской премии в 1944 и 1945 гг. не произошло: у властей хватало более насущных политических задач. Следующее награждение произошло только в 1946 г. за 1943–1945 гг. –

пять работ, две из которых посвящены Великой Отечественной войне: 1) В.С. Иванов, А.А. Кокорекин, Л.Ф. Голованов, В.Б. Корецкий за серию военных плакатов (1943–1945) и 2) А.Ф. Пахомов за литографии «Ленинград в дни блокады» (1942–1944). Одна работа – М.И. Авилов «Поединок Пересвета с Челубеем на Куликовском поле» (1943) – была посвящена противостоянию ордынского воина и русского богатыря (рис. 4). Данный сюжет интерпретировался как уверенность в победе в Великой Отечественной войне, несмотря на то, что оба воина погибли (как и большое количество красноармейцев). Еще две картины посвящены конкретным персонажам, которые важны в конструировании советской реальности: Александр Герасимов «Портрет старейших художников» (1944) (И. Павлов, В. Бакшеев, В. Бялыницкий – Бирули, В. Мешков) и Василий Ефанов «И.В. Сталин, К.Е. Ворошилов, В.М. Молотов у постели больного А.М. Горького» (1940–1944).

Рис. 4. Авилов М. Поединок Пересвета с Челубеем (Утро на Куликовом поле). 1943 г.

Таким образом, мы рассмотрели временной промежуток с момента первого награждения Сталинской премией в области литературы и искусства за 1940 г. и до 1945 г. – окончания Великой Отечественной войны. Стоит выделить, что Сталинская премия присуждалась за следующие нарративы:

1. Изображение Вождя – И. Сталина. Чаще всего это был одиночный портрет, реже – групповой, отсылающий к революционной героике.

2. Изображение известных деятелей культуры и науки (портреты). Такой ход, по-видимому, был предпринят для того, дабы показать, что данные публичные деятели культуры и науки входят в ту элиту, которая поддерживает власть, легитимирует ее.

3. Репрезентация исторических событий с целью поддержать веру народа в победу в Великой Отечественной войне.

4. Военные и политические плакаты/карикатуры.

Несмотря на то что Сталинской премии обычно удостоивались признанные мастера искусств, считаем вполне обоснованным наблюдение Г.А. Янковской: «В целом списки лауреатов Сталинской премии свидетельствуют о том, что в максимальной степени мертвящее влияние государственной культурной политики сказалось именно на изобразительном искусстве и литературе. Бесконечные дискуссии о формализме, натурализме, импрессионизме, шедшие на протяжении 1930–1940-х гг. деморализовывали художественное сообщество. Идеологический контроль достиг избыточного уровня и депрофессионализировал изобразительное искусство и литературу. Низкий уровень профессионализма – таков ведущий мотив отклонения выдвинутых на соискание премии работ. И это одно из самых неожиданных впечатлений от чтения стенограмм заседаний комитета по Сталинским премиям в области искусства. Ведь обсуждались произведения, прошедшие многоэтапный предварительный отбор, идеологически выверенные, выносившиеся на суд широкой аудитории. Чаще всего претензии предъявлялись к работам, связанным с изображением советских вождей... Множество работ с изображением Ленина и Сталина были отклонены по причине непрофессионализма, неоригинальности, копирования с фотографии, стандартности» [10, с. 155].

В целом при решении вопроса о награждении живописцев и графиков Сталинскими премиями функционеры партии и правительственных органов, их советники и консультанты обращали внимание на работы, не являющиеся просто иллюстрацией к идеологемам. Как и с премиями в области науки, неоднократными являлись прецеденты, когда идеологически верные, но профессионально слабые работы отклонялись комиссией. Этим можно объяснить регулярное награждение, особенно в послевоенные годы, «безыдейных» бытовых сцен, реалистических пейзажей, картин на далекие от современности сюжеты. Эту же «неоконсервативную»

линию в сталинской политике развивало и учреждение в 1947 г. Академии художеств, СССР старейшие члены которой участвовали еще в работе её аналога дореволюционных времен.

Можно согласиться с тем, что Сталинская премия явилась формой «мягкого» контроля над культурной жизнью Советского Союза [1, с. 304]. Лауреаты премии становились ориентиром (и предметом зависти) для коллег по творческому цеху, а награждение наглядно демонстрировало, какие направления искусства правящий режим считает актуальными и полезными, чего ждет от других. В области литературы, искусства и гуманитарных наук идеологический прагматизм проявлялся особенно ярко. Но, по законам иерархического «имперского» мышления сталинизма, идеологическая выдержанность должна была сочетаться с «фундаментальностью» трудов лауреатов, их встроенностью в традиционную парадигму ценностей и жанров.

Список литературы

1. Богданов К.А. «Vox populi»: фольклорные жанры советской культуры. – М., 2009.
2. Бранденбергер Д.Л. Сталинский руссоцентризм: советская массовая культура и формирование русского национального самосознания (1931–1956 гг.). – 2-е изд. – М., 2017.
3. Добренко Е.А. Поздний сталинизм: эстетика политики. – М., 2019. – Т. 1–2.
4. Тихонов В.В. Сталинская премия как инструмент конструирования общей истории народов СССР [Электронный ресурс] // Исторический журнал: научные исследования. – 2016. – № 2. – С. 177–185. – URL: <https://gefter.ru/archive/20036> (дата обращения: 22.10.2020).
5. Плампер Я. Грузин Коба или «отец народов»? Культ Сталина сквозь призму этничности [Электронный ресурс] // Неприкосновенный запас. – 2011. – №4: – URL: <https://magazines.gorky.media/nz/2011/4/gruzin-koba-li-otecz-narodov.html> (дата обращения: 09.10.2020).
6. Венявкин И. Краткий путеводитель по Сталинской премии [Электронный ресурс]. – URL: <https://arzamas.academy/materials/-978> (дата обращения: 22.10.2020).

7. Третьяковская галерея. «Отечественная война. Третьяковская галерея в Москве и в Сибири» [Электронный ресурс]. – URL: https://www.tretyakovgallery.ru/about/history/otechestvennaya-voyna/?special_version=Y (дата обращения: 15.10.2020).

8. Кантор Ю.З. Отражение событий Великой Отечественной войны в музеях РСФСР в 1941–1945 гг. // Известия Уральского федерального университета. Серия 2: Гуманитарные науки. – 2015. – № 3 (142).

9. Плампер Я. Алхимия власти. Культ Сталина в изобразительном искусстве. – М., 2010.

10. Янковская Г.А. К истории Сталинских премий в области литературы и искусства [Электронный ресурс] // Вестник Пермского университета. Серия: История. 2001. Вып. 1. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-istorii-stalinskih-premiy-v-oblasti-literatury-i-iskusstva> (дата обращения: 29.10.2020).

Научное издание

**«ВОЙНА НАС ГНУЛА И КОСИЛА»:
СУДЬБЫ ЛЮДЕЙ НА ВОЙНЕ И В ТЫЛУ**

Материалы
V Всероссийской научно-практической
конференции

(Пермь, 30–31 октября 2020 г.)

Редактор и корректор *М.Н. Афанасьева*

Подписано в печать 09.06.2021. Формат 60×90/16.
Усл. печ. л. 11,6. Тираж 200 экз. Заказ № 125/2021.

Издательство
Пермского национального исследовательского
политехнического университета.

Адрес: 614990, г. Пермь, Комсомольский проспект, 29, к. 113.
Тел. (342) 219-80-33.

